

ISSN 0868-5169

Р 4(116)' 2022 РЕГИОН

ЭКОНОМИКА И СОЦИОЛОГИЯ

Журнал основан в 1963 г. Издавался под названием «Известия СО АН СССР, серия общественных наук», в 1993 г. зарегистрирован как самостоятельное научное издание – «Регион: экономика и социология». Выходит четыре раза в год.

Издатель: Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт экономики и организации
промышленного производства (ИЭОПП)
Сибирского отделения
Российской академии наук

Учредители: Сибирское отделение РАН,
ИЭОПП СО РАН,
Исполнительный комитет Межрегиональной
ассоциации «Сибирское соглашение»

Редакционная коллегия:

В.Е. Селиверстов (главный редактор), Т.Ю. Богомолова (заместитель главного редактора), В.И. Суслов (заместитель главного редактора), С.Р. Халимова (выпускающий редактор), Е.С. Копылова (ответственный секретарь), Е. Баньски (Польша), Б. Батбуян (Монголия), Дж. Батчлер (Великобритания), Н.Д. Вавилина, Т.С. Вертинская (Республика Беларусь), В.М. Геец (Украина), Б.С. Жихаревич, Е.А. Коломак, Н.А. Кравченко, Ж.А. Кулекеев (Казахстан), В.В. Кулешов, Ю.Г. Лаврикова, В.Н. Лексин, Л.В. Мельникова, П.А. Минакир, Н.Н. Михеева, А.С. Новоселов, И. Пальне-Ковач (Венгрия), А.Н. Пилясов, Б.Н. Порфирьев, Б.Г. Санеев, С.В. Соболева, Ш. Табата (Япония), Г.А. Унтура, О.П. Фадеева

Адрес редакции: 630090, г. Новосибирск,
просп. Академика Лаврентьева, 17, ИЭОПП СО РАН
E-mail: region@ieie.nsc.ru, yes@ieie.nsc.ru

Экономические проблемы развития регионов

Новиков А.В. Финансовая и страховая деятельность как перспективная экономическая специализация субъекта Российской Федерации	3
Унтура Г.А. Экономика знаний и цифровизация: оценки влияния на экономический рост регионов России	31
Черкасова О.В. Оценка самообеспеченности основными видами продовольствия муниципальных образований Калининградской области	59

Социальные проблемы регионального развития

Низамутдинов М.М., Орешиников В.В. Моделирование влияния социальной инфраструктуры на рождаемость в регионах России	81
Гайнанов Д.А., Атаева А.Г., Мигранова Л.И., Атнабаева А.Р. Влияние образовательного выбора школьников на качество человеческого капитала региона	107
Гармонова А.В., Щеглова Д.В., Опфер Е.А., Андрейченко Н.В., Плохая М.О. Треки поступления в магистратуру: какие программы привлекают абитуриентов (кейс Южного федерального университета)	133

Региональные и межрегиональные аспекты структурной и инвестиционной политики

Акимова В.В., Волошинская А.А., Комаров В.М. Феномен угасания стратегий: определение и методика оценки	163
---	-----

Трансграничные взаимодействия в Северной и Северо-Восточной Азии

Вертинская Т.С., Абрамчук Н.А. Перспективы развития межрегиональных торговых связей Беларуси, России и Китая в условиях региональной интеграции	190
--	-----

Эколого-экономические проблемы регионального развития

Фридман Ю.А., Логинова Е.Ю., Речко Г.Н., Хохрина О.И. Концепция трансформации социально-экономической системы Кузбасса в контексте политики декарбонизации	219
---	-----

Проблемы местного самоуправления и муниципального развития

Пыжеева Ю.И. Моногорода Сибири и Дальнего Востока: новый подход к формированию государственной политики	244
--	-----

Научная жизнь

Новоселов А.С. Исследования сибирской научной школы регионального и муниципального управления (К 100-летию со дня рождения Р.И. Шнипера)	272
Содержание журнала за 2022 г.	302

Economic Issues of Regional Development

- Novikov, A.V.* Financial and Insurance Activities As a Prospective
Economic Specialization for a Constituent Entity of the Russian Federation . . . 3
- Untura, G.A.* The Knowledge Economy and Digitalization:
Assessing Their Impact on Economic Growth of Russian Regions 31
- Cherkasova, O.V.* Assessing Self-Sufficiency in Basic Foodstuffs
for Municipalities of Kaliningrad Oblast 59

Social Issues of Regional Development

- Nizamutdinov, M.M. and V.V. Oreshnikov.* Modeling the Impact
of Social Infrastructure on Fertility in Russian Regions 81
- Gainanova, D.A., A.G. Ataeva, L.I. Migranova and A.R. Atnabaeva.*
The Impact of Schoolchildren's Educational Choices on the Quality
of the Human Capital in the Region 107
- Garmonova, A.V., D.V. Shcheglova, E.A. Opfer, N.V. Andreichenko
and M.O. Plokhaya.* Admission Tracks to Master's Programs
(Case of Southern Federal University) 133

**Regional and Interregional Aspects
of Structural and Investment Policy**

- Akimova, V.V., A.A. Voloshinskaya and V.M. Komarov.* Strategy Decay:
Definition and Evaluation Methods 163

**Cross-Border Interactions
in North and North-East Asia**

- Vertinskaya, T.S. and N.A. Abramchuk.* Prospects for Interregional
Trade Relations Between Belarus, Russia, and China in the Context
of Regional Integration 190

**Environmental and Economic Issues
of Regional Development**

- Fridman, Yu.A., E.Yu. Loginova, G.N. Rechko and O.I. Khokhrina.*
The Concept of Transforming the Social and Economic System
in Kuzbass Under the Decarbonization Policy 219

**Issues of Local Self-Government
and Municipal Development**

- Pyzheva, Yu.I.* Single-Industry Towns in Siberia and the Far East:
a New Approach to Public Policy Making 244

News Notes

- Novoselov, A.S.* Studies of the Siberian Scientific School of Regional
and Municipal Management
(Dedicated to the 100th Birthday of R.I. Sniper) 272
- Contents over 2022 302

УДК 336.07+332.146

Регион: экономика и социология, 2022, № 4 (116), с. 3–30

А.В. Новиков

ФИНАНСОВАЯ И СТРАХОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ПЕРСПЕКТИВНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года предусматривает выбор субъектом Российской Федерации перспективных экономических специализаций, которые часто обозначают единым понятием «умная специализация». Одной из таких перспективных специализаций является финансовая и страховая деятельность. Анализ существующих подходов к определению специализации регионов выявил возможность включения финансовой и страховой деятельности в состав специализаций отдельных субъектов РФ. Детальный статистический материал по перспективным экономическим специализациям, в том числе по финансовым услугам и страхованию, представлен в Атласе экономической специализации регионов России.

В данном исследовании объектом наблюдения выступают Сибирский федеральный округ и пять входящих в него субъектов РФ (Республика Алтай, Алтайский край, Красноярский край, Кемеровская область, Новосибирская область), которые выбрали финансовые услуги и/или страхование отраслями специализации. Предложена методика ранжирования потенциала участников финансового рынка этих субъектов РФ. На основе разработанной методики в качестве потенциальной столицы регионального финансового рынка Сибири рассматривается г. Новосибирск. С использованием основных элементов, характеризующих институциональный и инструментальный подходы к формированию финансового

рынка, предложены направления создания в Новосибирске регионального финансового центра.

Ключевые слова: деятельность финансовая и страховая; перспективная экономическая специализация субъекта Российской Федерации; Атлас экономической специализации регионов; региональный финансовый центр; институциональный и инструментальный подходы к формированию финансового центра; участники и инструменты финансового рынка

Для цитирования: Новиков А.В. Финансовая и страховая деятельность как перспективная экономическая специализация субъекта Российской Федерации // Регион: экономика и социология. – 2022. – № 4 (116). – С. 3–30. DOI: 10.15372/REG20220401.

Россия – страна с огромной, неравномерно развитой территорией, с экономическим потенциалом, формирование которого имеет отличительные особенности. Основная проблема, которая обсуждается как в органах государственного управления, так и в научном сообществе, заключается в выявлении преимуществ того или иного региона, в определении возможности его специализации на производстве и/или реализации тех или иных товаров и услуг, в выявлении особенностей отраслевой структуры, кадрового потенциала, национальных традиций.

В Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года (далее – Стратегия) перед регионами поставлена задача повышения конкурентоспособности за счет трансформации отраслевой структуры на основе ускоренного развития перспективных отраслей эффективной специализации¹. Перспективная экономическая специализация субъекта Российской Федерации определяется в Стратегии как совокупность укрупненных видов экономической деятельности (отраслей), обусловленных благоприятным со-

¹ См.: *Стратегия* пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. – С. 19. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/strategicheskoe_planirovanie_prostranstvennogo_razvitiya_strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rossiyskoy_federacii_na_period_do_2025_goda.

четанием конкурентных преимуществ (пространственных факторов размещения видов экономической деятельности). Отрасли перспективных экономических специализаций указаны в Стратегии для каждого субъекта РФ.

Фундаментальные оценки особенностей Стратегии пространственного развития Российской Федерации содержатся в работе ведущих ученых Института экономики и организации промышленного производства СО РАН как признанного флагмана в области региональных исследований [4]. Именно работы ИЭОПП СО РАН, а также других научных коллективов определяют принципиальные направления регионального развития России.

Целью настоящей статьи является оценка возможности формирования финансовых центров в федеральных округах РФ на основе потенциала финансовой и страховой деятельности, выбранной в качестве специализации, и значимости этих видов деятельности для округа.

Для реализации этой цели решены следующие задачи:

- проанализированы подходы к формированию региональной политики, в том числе с позиций выделения отраслей «умной специализации» субъектов РФ;
- выдвинута гипотеза, что учет уровня значимости (национальная и локальная значимость, национальная значимость, локальная значимость) отраслей специализации регионов позволит, во-первых, определить субъекты РФ, готовые к формированию финансового центра, и, во-вторых, ранжировать как существующие финансовые центры, так и потенциальные и перспективные;
- на основе анализа Атласа экономической специализации регионов России определены субъекты РФ в каждом из федеральных округов, претендующие на формирование финансового центра;
- на примере Сибирского федерального округа рассмотрены субъекты РФ, выбравшие в качестве специализации финансовые услуги и страхование. Проанализированы пять субъектов

РФ в составе СФО с позиций выявления потенциальной столицы регионального финансового центра округа;

- составлен рейтинг субъектов РФ в составе Сибирского федерального округа как потенциального финансового центра. Предложены основные мероприятия по формированию регионального финансового центра со столицей в г. Новосибирске с позиций институционального и инструментального подходов, определяющих потенциал финансового центра.

Научная новизна настоящего исследования заключается в обосновании гипотезы формирования региональных финансовых центров с помощью анализа потенциала участников финансового рынка субъекта РФ, выбравшего в качестве специализации финансовые услуги и страхование, с определением для этих отраслей специализации одного из вариантов значимости: национальная и локальная значимость, национальная значимость, локальная значимость.

Разрабатываемый подход отличается от подходов других авторов, исследующих потенциал финансового рынка в региональном разрезе, сочетанием использования идей концепции «умной специализации» регионов и анализа представительного статистического массива, отражающего потенциал участия в финансовом рынке предприятий и населения, различных типов институциональных инвесторов, финансовых посредников и др.

При написании статьи использованы монографические и статистические методы исследований, методы аналогий и экспертных оценок, а также практический опыт работы автора на финансовом рынке, что позволило сформировать проблемную зону исследования.

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ РЕГИОНОВ

Проблема регионального развития, оценки инвестиционной привлекательности регионов, их специализации является одной из самых популярных в экономических исследованиях. Россия как страна, имеющая 11 часовых поясов и, соответственно, территории, радикально различающиеся климатическими условиями хозяйствования, с неравномерно распределенными промышленным потенциалом

и кадровыми ресурсами, представляет собой классический полигон для выявления особенностей специализации регионов.

В нашей стране продолжительное время обсуждались два принципиальных подхода к формированию стратегии развития регионов: выравнивание уровней развития регионов и определение отраслей специализации. Коротко остановимся на характеристике этих подходов.

Первый подход – выравнивание уровней развития регионов – основан на изучении потенциала регионов с позиций региональной политики [2; 7; 8]. Реализация этого подхода затруднена ограниченными возможностями привлечения инвестиций в отдельные регионы. Так, С. Чупшева, генеральный директор Агентства стратегических инициатив, отмечает, что «сегодня 24 субъекта РФ с наибольшей инвестиционной привлекательностью формируют 93% всех инвестиций»². Следовательно, остальные 61 субъект РФ, или более 70% от всех субъектов, имеют возможность формировать только 7% инвестиций, а значит, строить свою региональную политику, исходя из незначительного инвестиционного потенциала. Поэтому для многих регионов стало понятно, что выравнивание, подтягивание к уровню развития других регионов – хорошая идея, однако трудноосуществимая в условиях продолжающегося углубления неравенства в развитии субъектов РФ.

Второй подход, основанный на определении отраслей специализации, восходит к идеям формирования кластеров. Современные исследования выявляют другой аспект этой проблемы, который называют «умной специализацией» регионов. В качестве примеров таких исследований выделим работы [3; 5; 6]. Зарубежные ученые также уделяют внимание этой проблеме, например в [9].

Отметим также, что активную работу в этом направлении проводит и Российский центр компетенций и анализа стандартов ОЭСР РАНХиГС³. Как отмечают исследователи, основное отличие кластерной политики от политики «умной специализации» заключается

² *Канвложения с опорой на благополучие.* – URL: https://www.kommersant.ru/doc/5101094?from=author_1.

³ URL: <https://www.oecd-russia.org>.

в том, что «умная специализация» «направлена на использование связей, возникающих между областями экономической деятельности и пронизывающих традиционные границы кластеров»⁴.

Масштабное исследование в области специализации российских регионов было осуществлено научным коллективом Института статистических исследований и экономики знаний Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в рамках деятельности Российской кластерной обсерватории. Им подготовлен Атлас экономической специализации регионов России [1] – информационная основа для принятия управленческих, инвестиционных и других стратегических решений инновационного развития регионов.

Центр «Российская кластерная обсерватория» ИСИЭЗ НИУ ВШЭ сформулировал также 10 принципов «умной специализации» регионов⁵. Среди этих принципов – поддержка приоритетов финансами. Мы разделяем точку зрения, что без формирования устойчивой финансовой базы невозможно развитие любых экономических начинаний. При этом с позиций перспективного развития следует формировать условия для привлечения инвестиционных ресурсов через внешний рынок капитала, а значит, создавать в субъекте РФ условия для функционирования участников финансового рынка.

Обратим внимание на место и роль финансового рынка в современном развитии экономики России. Например, самый высокий темп роста (109,4%) в 2019 г. продемонстрировала финансовая и страховая деятельность, что способствовало увеличению ее значения для прироста ВВП⁶. Так, за 11 месяцев 2021 г. налоговые поступления в РФ составили около 25,5 трлн руб., при этом доля от финансовой и страховой деятельности равнялась 5,54% от налоговой части доходов

⁴ Егорова А. «Умная специализация» – новый виток кластерной политики? – URL: <https://oecd-russia.org/analytics/umnaya-spetsializatsiya-novyy-vitok-klasternoj-politiki.html>.

⁵ См.: 10 принципов умной специализации регионов. – URL: <https://www.hse.ru/news/expertise/465657743.html>.

⁶ URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/national.aspx.

консолидированного бюджета страны⁷. Предполагается увеличение доли финансовой и страховой деятельности в производстве ВВП. Так, в 2020 и 2021 гг. доля этих отраслей экономики в структуре отраслей производства ВВП составляла 4,4%, а к 2024 г. может возрасти до 4,7%⁸.

ФИНАНСОВЫЕ УСЛУГИ И СТРАХОВАНИЕ: АНАЛИЗ АТЛАСА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ РЕГИОНОВ РОССИИ

Учитывая возрастающую роль финансового рынка как фактора экономического роста, проведем анализ специализации регионов РФ по отраслям специализации «финансовые услуги» и «страхование», представленным в Атласе экономической специализации регионов России (далее – Атлас). Авторы Атласа на основе изучения практики подобных исследований в США и странах ЕС разделили все отрасли на торгуемые (с возможностью использования их продукции и услуг в других регионах, в том числе за рубежом) и неторгуемые, которые могут быть использованы только в месте нахождения, производства товаров или оказания услуг. Эти отрасли сгруппировали по трем типологическим группам:

- отрасли национальной значимости;
- отрасли локальной значимости;
- отрасли национальной и локальной значимости.

Всего в выборку попали 55 торгуемых отраслей, выделенных исходя из видов специализации экономической деятельности на основе принципа функциональной зависимости между производством и сервисами. В России на торгуемые отрасли приходится 44% занятых и 50% фонда оплаты труда, в них аккумулируется 73% инвестиций и создается 82% общего объема товаров, работ и услуг.

⁷ URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/10996289/.

⁸ См.: *Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов.* – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402874898/>.

В рамках настоящей статьи из торгуемых отраслей мы изучаем финансовый сектор экономики. Этот сектор включен в состав торгуемых отраслей, так как его услуги используются не только в месте их производства, но также активно перемещаются и по территории России, и за ее пределами.

Обратим внимание, что было бы корректнее использовать термины не «финансовые услуги» и «страхование», а как принято в статистике (раздел К), «деятельность финансовая и страховая»⁹. Раздел К Общероссийского классификатора видов экономической деятельности включает три подраздела: 1) «деятельность по предоставлению финансовых услуг, кроме услуг по страхованию и пенсионному обеспечению»; 2) «страхование, перестрахование, деятельность негосударственных пенсионных фондов, кроме обязательного социального обеспечения»; 3) «деятельность вспомогательная в сфере финансовых услуг и страхования». Каждый подраздел детализирован по определенному набору направлений финансовой и страховой деятельности.

Составители Атласа экономической специализации регионов России торгуемый финансовый сектор экономики представили двумя видами деятельности: финансовыми услугами (коды ОКВЭД: 64.11, 64.30, 64.91, 64.92, 64.99, 66.11, 66.12, 66.19, 66.30) и страхованием (коды ОКВЭД: 65.11, 65.12, 65.20, 66.21, 66.29). Анализ финансового сектора регионов в целом и отдельно финансовых услуг и страхования позволяет определить место и роль этих отраслей специализации как возможного направления специализации регионов для стимулирования экономического роста в субъектах РФ.

Дадим характеристику федеральных округов России с позиций специализации субъектов РФ на финансовых услугах и страховании. Как следует из табл. 1, в качестве отраслей специализации финансовые услуги и страхование распределены по субъектам РФ крайне неравномерно. Если посмотреть на количество субъектов, выбравших рассматриваемые отрасли специализации, то относи-

⁹ См.: ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2). Общероссийский классификатор видов экономической деятельности (утв. Приказом Росстандарта от 31.01.2014 № 14-ст) (ред. от 07.10.2021). Раздел К. Деятельность финансовая и страховая. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163320/260eb1337ca46b5bd82f1e32c298d34a6aea138b/.

Таблица 1

Специализация субъектов РФ в федеральных округах России на финансовых услугах и страховании

Федеральный округ	Кол-во субъектов РФ в федеральном округе	Кол-во субъектов РФ со специализацией на финансовых услугах и страховании	Доля субъектов РФ со специализацией на финансовых услугах и страховании в общем кол-ве субъектов РФ в России, %	Доля субъектов РФ со специализацией на финансовых услугах и страховании в общем кол-ве субъектов РФ в федеральном округе, %
Центральный	17	10	11,7	58,8
Северо-Западный	11	4	4,7	36,4
Приволжский	14	9	10,6	64,3
Южный	8	5	6,0	62,5
Северо-Кавказский	7	2	2,4	28,6
Уральский	7	4	4,7	57,1
Сибирский	10	5	6,0	50,0
Дальневосточный	11	7	8,2	63,6
Всего	85	46	54,1	–

тельно всего количества субъектов РФ их доля составляет в Центральном федеральном округе 11,7%, в Приволжском – 10,6%, в Северо-Кавказском – только 2,4%. Если обратить внимание на долю субъектов РФ, имеющих финансовые услуги и страхование в качестве отраслей специализации, в количестве субъектов РФ федерального округа, то наибольшее значение отмечается у Приволжского и Южного федеральных округов, где доля таких субъектов составляет почти две трети. В то же время в Северо-Кавказском федеральном округе таких субъектов менее 30%, в Сибирском – 50%.

Важна значимость финансового сектора в субъектах РФ. Как мы отмечали, она определяется двумя отраслями специализации: финан-

совыми услугами и страхованием. Распределение по значимости финансовых услуг и страхования в конкретных субъектах РФ отражено в табл. 2. Лидерами по определению в качестве отраслей специализации финансового сектора экономики являются Центральный и Приволжский федеральные округа, аутсайдером – Северо-Кавказский федеральный округ.

Таблица 2

Распределение финансовых услуг и страхования в субъектах РФ по значимости

Финансовые услуги	Страхование
<i>Центральный федеральный округ</i>	
Национальная и локальная значимость: г. Москва, Брянская обл. Национальная значимость: Воронежская обл., Московская обл., Тульская обл. Локальная значимость: Ивановская обл., Костромская обл., Орловская обл.	Национальная и локальная значимость: г. Москва, Рязанская обл., Тверская обл. Национальная значимость: Московская обл. Локальная значимость: нет
<i>Северо-Западный федеральный округ</i>	
Национальная и локальная значимость: г. Санкт-Петербург. Национальная значимость: нет. Локальная значимость: нет	Национальная и локальная значимость: г. Санкт-Петербург. Национальная значимость: нет. Локальная значимость: Республика Карелия, Калининградская обл., Новгородская обл.
<i>Приволжский федеральный округ</i>	
Национальная и локальная значимость: Ульяновская обл. Национальная значимость: Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Нижегородская обл., Самарская обл. Локальная значимость: нет	Национальная и локальная значимость: Республика Татарстан, Чувашская Республика, Кировская обл., Самарская обл., Ульяновская обл. Национальная значимость: Республика Башкортостан, Нижегородская обл., Пермский край. Локальная значимость: Республика Марий Эл

Окончание табл. 2

Финансовые услуги	Страхование
<i>Южный федеральный округ</i>	
Национальная и локальная значимость: нет. Национальная значимость: Краснодарский край, Ростовская обл. Локальная значимость: Республика Адыгея, Астраханская обл., г. Севастополь	Национальная и локальная значимость: нет. Национальная значимость: Краснодарский край, Ростовская обл. Локальная значимость: нет
<i>Северо-Кавказский федеральный округ</i>	
Национальная и локальная значимость: нет. Национальная значимость: Ставропольский край. Локальная значимость: Республика Ингушетия	Национальная и локальная значимость: нет. Национальная значимость: нет Локальная значимость: нет
<i>Уральский федеральный округ</i>	
Национальная и локальная значимость: нет. Национальная значимость: Свердловская обл., Челябинская обл. Локальная значимость: нет	Национальная и локальная значимость: Тюменская обл. Национальная значимость: Свердловская обл., Челябинская обл., Ханты-Мансийский АО – Югра. Локальная значимость: нет
<i>Сибирский федеральный округ</i>	
Национальная и локальная значимость: Новосибирская обл. Национальная значимость: Алтайский край, Красноярский край, Кемеровская обл. Локальная значимость: Республика Алтай	Национальная и локальная значимость: нет. Национальная значимость: Красноярский край, Кемеровская обл., Новосибирская обл. Локальная значимость: нет
<i>Дальневосточный федеральный округ</i>	
Национальная и локальная значимость: Приморский край, Забайкальский край. Национальная значимость: Республика Саха (Якутия), Хабаровский край. Локальная значимость: Камчатский край, Еврейская авт. обл., Чукотский АО	Национальная и локальная значимость: Приморский край. Национальная значимость: нет. Локальная значимость: нет

Источник: составлено автором по данным [2].

Таким образом, имеется аналитическая база, позволяющая предположить, что есть основания для формирования финансовых центров в федеральных округах России. В каждом из округов существуют субъекты РФ, выбравшие в качестве отраслей специализации финансовые услуги и/или страхование. Этот выбор является основой для анализа возможности формирования финансового центра.

Наша позиция заключается в том, что в условиях деления Российской Федерации на федеральные округа в каждом из них может быть создан региональный финансовый центр определенного типа. Один из городов субъекта РФ, выбравший финансовые услуги и/или страхование в качестве отраслей специализации, может стать опорным городом (столицей) при формировании финансового центра в федеральном округе. Города других субъектов РФ могут стать «запасными».

ФИНАНСОВЫЕ ЦЕНТРЫ КАК КОНЦЕНТРАТОРЫ ФИНАНСОВОЙ И СТРАХОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕГИОНАХ (НА ПРИМЕРЕ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА)

Проблема формирования финансовых центров длительное время изучается зарубежными и российскими экономистами. Отметим, например, работу К.П. Киндлбергера (C.P. Kindleberger) по этой проблеме [9]. Финансовые центры активно формируются и в азиатской части мира. Опыт их создания и развития отражен в выступлениях на конференциях таких исследователей, как Лицзюань Ван (Lijuan Wang) и Годун Ли (Guodong Li) [11], Син Чжун (Xiong Zhong) и Шуанлянь Чен (Shuanglian Chen) [12]. Автор статьи также имеет, начиная с 2002 г., опыт исследования проблемы формирования финансовых центров¹⁰.

Рассматривая отрасли экономической специализации регионов, следует обратить внимание не только на производство товаров и оказание услуг, но и на предназначение той или иной отрасли специализации региона. Как правило, анализируя отрасли специализации реального сектора экономики, исследователи отмечают значимость этих

¹⁰ См.: Новиков А.В., Новикова И.Я. Стратегия формирования Новосибирска как финансового центра // Сибирская финансовая школа. – 2002. – № 1. – С. 34–36.

отраслей для формирования производственного потенциала региона, соответственно, их место и роль в экономике реального сектора региона. Мы неоднократно подчеркивали, что важно оценивать значимость и иных сфер экономической деятельности, в частности сферы услуг и финансового рынка¹¹.

Значимость финансового рынка определяется прежде всего с точки зрения его функционирования как механизма привлечения инвестиций (в том числе и в реальное производство), механизма формирования, перераспределения собственности и управления ею, механизма использования источников финансирования инвестиций с внешнего рынка капитала, в том числе за счет развития существующих и формирования новых видов финансовых инструментов.

Анализируя институциональную и инструментальную структуру финансового рынка, отметим, что и в период, когда формировалась современная российская экономика (начиная с 1992 г.), и в дальнейшие периоды существовала и существует дифференциация регионов страны по степени концентрации участников финансового рынка, по наличию в регионе финансовых инструментов, инфраструктуры и т.д.¹² В этой статье показаны предпосылки формирования региональных финансовых центров, обоснован подход к созданию финансовых центров в федеральных округах, определены типы региональных финансовых центров, возможные в современных условиях.

Нами выделены три возможных типа финансовых центров:

- *существующие региональные финансовые центры.* К ним относятся Центральный и Северо-Западный федеральные округа с головными «офисами» соответственно в Москве и Санкт-Петербурге. Наличие этих финансовых центров признается консалтинговой компанией Z/Yen Group, которая с 2007 г. состав-

¹¹ См.: Новиков А.В., Новикова И.Я. Оценка уровня развития финансового рынка России на этапах экономического роста // Идеи и идеалы. – 2021. – Т. 2, № 1. – С. 235–264.

¹² См.: Новиков А.В. Потенциал развития институтов финансового рынка в федеральных округах России как основа функционирования региональных финансовых центров // Регион: экономика и социология. – 2022. – № 1 (113). – С. 3–42.

ляет рейтинг мировых финансовых центров¹³. Города Москва и Санкт-Петербург – постоянные участники этого рейтинга, т.е. переросли статус регионального финансового центра и входят в число мировых финансовых центров;

- *потенциальные региональные финансовые центры*. В федеральных округах, способных создать финансовые центры, должны быть соответствующие участники финансового рынка (эмитенты, инвесторы, финансовые посредники, организации инфраструктуры, органы регулирования и саморегулирования). Наш анализ наличия и потенциала участников финансового рынка выявил возможность формирования финансовых центров в Приволжском, Уральском и Сибирском федеральных округах;
- *перспективные региональные финансовые центры*. В настоящее время Южный, Дальневосточный и Северо-Кавказский федеральные округа могут поставить в качестве цели формирование условий для создания финансового центра.

Соответствующие подходы к формированию финансовых центров в федеральных округах соотнесем со специализаций финансового сектора, представленного в Атласе экономической специализации регионов России. В качестве объекта наблюдения выберем Сибирский федеральный округ. Принципиальным вопросом является выбор столицы регионального финансового центра. Как мы отмечали, из 10 субъектов РФ Сибирского федерального округа пять субъектов выбирают отраслями специализации отрасли финансового сектора.

В таблице 3 приведена характеристика субъектов РФ в составе СФО, выбравших отраслями специализации финансовые услуги и страхование, по показателям, описывающим состояние этих отраслей специализации. За основу выбора показателей приняты направления, включенные в Атлас. Часть показателей, прямо не представленных в Атласе, например показатели состояния инфраструктуры, нами привлечены как основа для формирования финансового центра в субъекте РФ. Проанализируем приведенные показатели и оценим потенциал субъектов РФ, составляющих округ.

¹³ См.: *The Global Financial Centres Index 30*. – URL: <https://www.zyen.com/publications/public-reports/global-financial-centres-index-30/>.

Таблица 3

Основные показатели финансовой и страховой деятельности пяти субъектов РФ Сибирского федерального округа

Показатель	Республика Алтай	Алтайский край	Красноярский край	Кемеровская обл.	Новосибирская обл.
Число предприятий и организаций на 01.01.2020	5 015	46 981	67 202	41 090	104 192
Численность населения на 01.01.2020, тыс. чел.	220	2 317	2 866	2 658	2 798
Активы кредитных организаций, зарегистрированных в регионе, на 01.12.2021, млн руб.	2 212	11 253	6 010	14 166	153 291
Активы паевых инвестиционных фондов на 23.12.2021, млн руб.	0	0	0	0	12 573
Активы негосударственных пенсионных фондов на 23.12.2021, млн руб.	0	0	0	0	0
Кол-во брокеров на 24.12.2021	0	1	1	2	4
Кол-во клиентов брокеров на 24.12.2021	17 698	201 507	309 200	279 938	300 669
Активы клиентов брокеров на 24.12.2021, млрд руб.	2,8	53,3	82,1	62,0	191,3
Кол-во дилеров на 24.12.2021	0	1	2	3	5
Кол-во доверительных управляющих на 24.12.2021	0	0	2	2	1

Окончание табл. 2

Показатель	Республика Алтай	Алтайский край	Красноярский край	Кемеровская обл.	Новосибирская обл.
Кол-во бирж на 24.12.2021	0	0	0	0	0
Кол-во инвестиционных платформ на 24.12.2021	0	0	0	1	0
Кол-во финансовых платформ на 24.12.2021	0	0	0	0	0
Кол-во клиринговых организаций на 24.12.2021	0	0	0	0	0
Кол-во депозитариев на 24.12.2021	0	1	1	3	5
Кол-во регистраторов на 24.12.2021	0	0	0	1	1
Кол-во саморегулируемых организаций на 24.12.2021	0	0	0	0	0
Кол-во заключенных договоров страхования на 30.09.2021, шт.	77 319	1 069 073	2 278 327	1 181 174	2 870 901
Страховые премии на 30.09.2021, млн руб.	273,4	5 930,6	13 450,6	10 742,3	15 553,9
Страховые суммы по заключенным договорам страхования на 30.09.2021, млн руб.	2 273 391,6	247 943 990,8	431 056 486,8	489 130 075,1	368 509 162,7
Выплаты по договорам страхования на 30.09.2021, млн руб.	152,3	2 983,4	6 904,1	4 892,4	8 067,1

Источник: рассчитано автором по данным Росстата (URL: <https://rosstat.gov.ru>) и Банка России (URL: <https://cbr.ru>).

Для составления рейтинга по отраслям специализации финансового сектора были приняты следующие допущения:

1) все показатели, характеризующие участие субъекта РФ в формировании финансового сектора, разбиты на три группы: а) потенциальные потребители услуг финансового сектора; б) отрасль специализации «финансовые услуги»; в) отрасль специализации «страхование»;

2) максимальное значение рейтинга при наличии ненулевых показателей составляет 5 баллов, минимальное значение – 1 балл;

3) при равенстве показателя у субъектов РФ в качестве показателя берется среднеарифметическое значение. Например, если два субъекта РФ занимают 3-е и 4-е места, то значение для каждого субъекта принимается равным 3,5;

4) если значение показателя у субъекта РФ равно нулю, то значение в рейтинге принимается равным нулю;

5) учитывается выбор субъектом РФ типологической группы: «национальная и локальная значимость» (значение рейтинга составляет 1,2 по отрасли специализации), только «национальная значимость» (значение рейтинга составляет 1,1 по отрасли специализации). Для типологической группы «локальная значимость» повышающие коэффициенты не установлены;

6) если субъект РФ не выбрал отрасль специализации, расчет проводится, но не устанавливаются повышающие коэффициенты.

Руководствуясь этими положениями, составим рейтинг субъектов РФ Сибирского федерального округа, выбравших финансовый сектор (финансовые услуги и страхование) в качестве отраслей специализации (табл. 4). Новосибирская область претендует на создание финансового центра в г. Новосибирске как имеющая наибольшее значение рейтинга. Второе место – место «запасного города» занимает г. Кемерово, третье место – г. Красноярск. Вероятно, распределение городов могло бы измениться, если бы Иркутская область выбрала в качестве отраслей специализации отрасли финансового сектора.

Таблица 4

**Рейтинг субъектов РФ Сибирского федерального округа, выбравших
финансовый сектор (финансовые услуги и страхование) в качестве
отраслей специализации**

Показатель	Респуб- лика Алтай	Алтай- ский край	Красно- ярский край	Кемеров- ская обл.	Новоси- бирская обл.
<i>Потенциальные потребители услуг финансового сектора</i>					
Число предприятий и организаций на 01.01.2020	1	3	4	2	5
Численность населения на 01.01.2020, тыс. чел.	1	2	5	3	4
И т о г о по потенциальным потребителям услуг финансового сектора	2	5	9	5	9
<i>Отрасль специализации «Финансовые услуги»</i>					
Активы кредитных организаций, зарегистрированных в регионе, на 01.12.2021, млн руб.	1	3	2	4	5
Активы паевых инвестиционных фондов на 23.12.2021, млн руб.	0	0	0	0	5
Активы негосударственных пенсионных фондов на 23.12.2021, млн руб.	0	0	0	0	0
Кол-во брокеров на 24.12.2021	0	2,5	2,5	4	5
Кол-во клиентов брокеров на 24.12.2021	1	2	5	3	4
Активы клиентов брокеров на 24.12.2021, млрд руб.	1	2	4	3	5
Кол-во дилеров на 24.12.2021	0	2	3	4	5
Кол-во доверительных управляющих на 24.12.2021	0	0	4,5	4,5	3
Кол-во бирж на 24.12.2021	0	0	0	0	0
Кол-во инвестиционных платформ на 24.12.2021	0	0	0	5	0

Окончание табл. 4

Показатель	Республика Алтай	Алтайский край	Красноярский край	Кемеровская обл.	Новосибирская обл.
Кол-во финансовых платформ на 24.12.2021	0	0	0	0	0
Кол-во клиринговых организаций на 24.12.2021	0	0	0	0	0
Кол-во депозитариев на 24.12.2021	0	2,5	2,5	4	5
Кол-во регистраторов на 24.12.2021	0	0	0	5	5
Кол-во саморегулируемых организаций на 24.12.2021	0	0	0	0	0
И т о г о по отрасли специализации «финансовые услуги»	3	14	23,5	36,5	42
И т о г о по отрасли специализации «финансовые услуги» с надбавкой за типологию специализации	3	15,4	25,9	40,5	50,4
<i>Отрасль специализации «Страхование»</i>					
Кол-во заключенных договоров страхования на 30.09.2021, шт.	1	2	4	3	5
Страховые премии на 30.09.2021, млн руб.	1	2	4	3	5
Страховые суммы по заключенным договорам страхования на 30.09.2021, млн руб.	1	2	4	5	3
Выплаты по договорам страхования на 30.09.2021, млн руб.	1	2	4	3	5
И т о г о по отрасли специализации «страхование»	4	8	16	14	18
И т о г о по отрасли специализации «страхование» с надбавкой за типологию специализации	4	8	17,6	15,4	19,8
В с е г о по отраслям специализации	9,0	28,4	52,5	60,9	79,2

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ФИНАНСОВОГО ЦЕНТРА В НОВОСИБИРСКЕ

История формирования финансовых центров в России началась в 1992 г. при переходе экономики страны на капиталистический путь развития. Предполагалось, что Россия будет включена в мировое хозяйство, и в том числе через нее пойдет перемещение финансовых потоков мировой экономики. Как известно, главным «двигателем» финансовых потоков являются биржи, расположенные в различных городах мира, находящихся в разных часовых поясах. Эти города должны иметь национальное значение и соответствовать требованиям, предъявляемым к финансовым центрам.

Поэтому в России в начале 1990-х годов в качестве экспериментальных городов для создания финансовых центров были выбраны Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Новосибирск и Владивосток. Кроме того, что в них имелись авторитетные биржи (например, в Новосибирске существовали Сибирская фондовая биржа и Сибирская межбанковская валютная биржа), создавались специальные инфраструктурные организации, выполняющие функции депозитария, расчетной палаты и др. В Новосибирске такой организацией была созданная в 1994 г. расчетно-депозитарная организация (РДО), выполняющая функции клиринговой организации и расчетного депозитария Сибирской фондовой биржи. Более подробно особенности формирования финансового рынка Сибири на ранних этапах его развития рассмотрены в работе, написанной с участием автора¹⁴.

К сожалению, созданный в Новосибирске в 1990-е годы потенциал финансового рынка был утрачен. В настоящее время, как мы показали выше, сформированы условия для создания потенциального регионального финансового центра в Сибирском федеральном округе с местом расположения в г. Новосибирске.

Опираясь на положения институционального и инструментального подходов к формированию финансового центра и используя оценки потенциала финансового рынка, определим текущее состояние и перспективы формирования регионального финансового рынка

¹⁴ См.: Новиков А.В., Новикова И.Я. Фондовый рынок Сибири: особенности и перспективы развития // Регион: экономика и социология. – 1996. – № 3. – С. 104–123.

в г. Новосибирске¹⁵. Для оценки текущего состояния будем ориентироваться в том числе на значения рейтинга (см. табл. 4), полученные Новосибирской областью, с позиций выбора финансового сектора.

Реализация институционального подхода к формированию в г. Новосибирске финансового центра (табл. 5) позволит вовлечь эмитентов в процесс привлечения инвестиций с внешнего рынка капитала, стимулирует инвесторов принимать решения с учетом инвестиционных предпочтений, иных участников финансового рынка – использовать свой потенциал согласно специализации на финансовом рынке. Применение инструментального подхода для создания в г. Новосибирске регионального финансового центра (табл. 6) позволит сформировать полигон для обращения существующих и создания новых финансовых инструментов, в том числе для эмитентов, имеющих региональное значение. Сочетание институционального и инструментального подходов даст возможность как создать устойчивую финансовую базу для развития Новосибирской области, так и сделать Новосибирск центром привлечения и перераспределения финансовых ресурсов.

Таблица 5

**Направления создания регионального финансового центра
в г. Новосибирске (институциональный подход)**

Институт финансового рынка	Существующее состояние	Перспективные направления развития
Эмитенты	Высший ранг по количеству предприятий и организаций среди регионов СФО, выбравших финансовый сектор как отрасль специализации	Включение эмитентов финансовых инструментов в сектор роста Московской биржи
		Обучение собственников и топ-менеджеров основам работы на финансовом рынке
		Создание при администрации Новосибирской области Совета региональных эмитентов финансовых инструментов

¹⁵ См.: Новиков А.В. Потенциал развития институтов финансового рынка в федеральных округах России как основа функционирования региональных финансовых центров.

Продолжение табл. 5

Институт финансового рынка	Существующее состояние	Перспективные направления развития
Инвесторы	Высокие ранги по институциональным инвесторам, в том числе страховщикам, среди регионов СФО, выбравших финансовый сектор как отрасль специализации	Формирование Совета инвесторов при администрации Новосибирской области для оценки их потенциала и инвестиционных предпочтений
		Формирование «тепловой карты» инвестиционных предпочтений инвесторов
		Мониторинг активности инвесторов с позиций стратегии развития региона
		Создание условий для активизации работы инвестиционных фондов и негосударственных пенсионных фондов
		Развитие форм страхования для юридических и физических лиц
		Активизация работы по обучению финансовой грамотности, в том числе «перезагрузка» Дома финансового просвещения Новосибирской области
Финансовые посредники	Высший ранг по совокупности финансовых посредников (брокеры, дилеры, доверительные управляющие и активные клиенты брокеров)	Развитие информационной поддержки юридических лиц и населения относительно возможностей инвестиций на финансовом рынке через финансовых посредников
		Создание при Сибирском отделении Банка России Совета финансовых посредников
		Проведение конференций, семинаров, круглых столов по вопросам инвестирования совместно с Банком России, администрацией Новосибирской области, мэрией г. Новосибирска, учебными и научными организациями
		Поддержка работы инвестиционных консультантов и финансовых посредников

Окончание табл. 5

Институт финансового рынка	Существующее состояние	Перспективные направления развития
Инфраструктура	Высший ранг по инфраструктуре среди субъектов РФ Сибирского федерального округа	Исследование возможности создания биржи для региональных эмитентов и для отдельных финансовых инструментов (финансовые деривативы)
		Создание Совета инфраструктурных организаций при Сибирском управлении Банка России
		Содействие развитию краудфандинга на основе инвестиционных и финансовых платформ
		Формирование бизнес- и IT-инфраструктуры Новосибирской области
Регулирование и саморегулирование	Наличие в Новосибирске Главного управления Банка России по Новосибирской области	Активизация работы Главного управления Банка России по Новосибирской области в сфере привлечения к обсуждению развития финансового рынка РФ участников финансового рынка Сибири
		Рассмотрение возможности открытия филиалов или отделений саморегулируемых организаций участников финансового рынка

Таблица 6

Направления создания регионального финансового центра в г. Новосибирске (инструментальный подход)

Сегмент финансового рынка	Существующее состояние	Перспективные направления развития
Валютный рынок	Сибирская межбанковская валютная биржа прекратила работу	Развитие организованного валютного рынка через цифровые технологии
	Наличие значительного количества участников внешнеэкономической деятельности	Создание комфортных условий для участников внешнеэкономической деятельности, в том числе через адресные программы поддержки, в разрезе стран, приоритетных для Новосибирской области в плане сотрудничества

Окончание табл. 6

Сегмент финансового рынка	Существующее состояние	Перспективные направления развития
Кредитный рынок	Высший ранг по активам кредитных организаций	Привлечение отечественных и зарубежных кредитных организаций в Новосибирскую область
	Существование микрофинансовых организаций	Развитие микрофинансовых организаций
Рынок ценных бумаг	Наличие опыта функционирования регионального рынка ценных бумаг	Развитие облигационного рынка, в качестве эмитентов которого выступают администрация Новосибирской области, мэрия г. Новосибирска, корпоративные эмитенты
		Привлечение внешнего капитала, в том числе стратегических и портфельных инвесторов, через развитие рынка долевого инструмента
Рынок финансовых деривативов	Наличие опыта работы рынка финансовых деривативов	Рассмотрение возможности формирования рынка финансовых деривативов на индексы фондовых бирж и отдельные финансовые инструменты
		Создание региональной фьючерской и опционной биржи на продукцию сельского хозяйства

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Автор статьи выделяет следующие принципиальные моменты.

1. Решение проблемы специализации субъектов РФ предполагает сочетание целей развития субъекта РФ и возможных инструментов развития отраслей специализации на основе стратегии развития субъекта РФ и его потенциала.

2. Для субъектов РФ, выбравших в качестве отраслей специализации финансовые услуги и страхование, требуется механизм, позволяющий формировать потенциал этих отраслей специализации, а также необходима возможность формировать источники финансирования инвестиций с использованием внешнего рынка капитала.

3. Механизмом аккумуляции финансовых ресурсов является создание регионального финансового центра. Автор полагает, что нужно

стремиться к формированию регионального финансового центра в каждом федеральном округе. Однако типы финансового центра (существующий, потенциальный, перспективный) в разных округах будут различаться.

4. Необходимо определить показатели, характеризующие региональный финансовый центр. Обоснование системы таких показателей, в том числе на базе ОКВЭД, приведено в настоящей статье.

5. Особенностью формирования финансового центра в федеральном округе является сочетание институционального и инструментального подходов. Применение этих подходов к созданию регионального финансового центра показано на примере г. Новосибирска как потенциального финансового центра СФО.

Дело за малым – нужно перейти к практическим действиям!

Список источников

1. *Атлас экономической специализации регионов России* / Абашкин В.Л., Гохберг Л.М., Ефери́н Я.Ю. и др.; под ред. Л.М. Гохберга, Е.С. Куценко. – М.: НИУ ВШЭ, 2021. – 264 с.
2. *Кислицына В.В., Чеглакова Л.С., Караулов В.М., Чикишева А.Н.* Формирование комплексного подхода к оценке социально-экономического развития регионов // *Экономика региона*. – 2017. – Т. 13, № 2. – С. 369–380.
3. *Козырь Н.С.* Стратегия пространственного развития: проблемы идентификации перспективных экономических специализаций субъектов РФ // *Экономические стратегии*. – 2021. – Т. 23, № 2 (176). – С. 16–21.
4. *Коломак Е.А., Крюков В.А., Мельникова Л.В., Селиверстов В.Е., Суслов В.И., Суслов Н.И.* Стратегия пространственного развития России: ожидания и реалии // *Регион: экономика и социология*. – 2018. – № 2 (98). – С. 264–287.
5. *Коротина Н.Ю.* Методология «умной специализации» в преодолении пространственной асимметрии отношений экономического федерализма в России // *Journal of New Economy*. – 2020. – Т. 21, № 1. – С. 107–121.
6. *Котов А.В.* Методический подход к определению умной специализации регионов России // *Регион: экономика и социология*. – 2020. – № 2 (106). – С. 22–45.
7. *Кудрявцева Т.Ю., Схведиани А.Е.* Анализ взаимосвязи между кластерной специализацией и валовым региональным продуктом // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. – 2018. – Т. 11, № 5. – С. 66–73.
8. *Троцкий А.Я., Родионова Л.В.* Региональные типологии по специализации и структуре хозяйства: обзор подходов // *Управление современной организацией: опыт, проблемы и перспективы*. – 2018. – № 9. – С. 25–31.
9. *Balland P.-A., Boschma R., Crespo J., Rigby D.L.* Smart specialization policy in the European Union: relatedness, knowledge complexity and regional diversification // *Regional Studies*. – 2018. – No. 53 (4). – P. 1–17. DOI: 10.1080/00343404.2018.1437900.

10. *Kindleberger C.P.* The Formation of Financial Centers: A Study in Comparative Economic History / Princeton Studies in International Finance. No. 36. – Princeton, N.J.: Princeton University, Department of Economics, 1974. – 78 p.

11. *Wang L., Li G.* Economic forecast for Urumqi to build a regional financial center // 2018 10th International Conference on Measuring Technology and Mechatronics Automation (ICMTMA). – 2018. – P. 341–345. DOI: 10.1109/ICMTMA.2018.00089.

12. *Zhong X., Chen S.* The planning and construction of a regional financial center: financial structure // Open House International. – 2018. – No. 43 (1). – P. 83–87. DOI: 10.1108/OHI-01-2018-B0017.

Информация об авторе

Новиков Александр Владимирович (Россия, Новосибирск) – доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист Новосибирской области, президент ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ» (НГУЭУ) (630099, Новосибирск, ул. Каменская, 56). E-mail: avnov59@yandex.ru.

DOI: 10.15372/REG20220401

Region: Economics & Sociology, 2022, No. 4 (116), p. 3–30

A.V. Novikov

FINANCIAL AND INSURANCE ACTIVITIES AS A PROSPECTIVE ECONOMIC SPECIALIZATION FOR A CONSTITUENT ENTITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

The Spatial Development Strategy of the Russian Federation until 2025 provides Russian regions with the choice of prospective economic specializations, which are often summarized in the concept of “smart specialization.” One of such prospective specializations is financial and insurance activities. An analysis of existing approaches to defining regional specialization has revealed the possibility of including financial and insurance activities as specializations of Russia’s individual constituent entities. Detailed statistical material on prospective economic specializations, including financial services and insurance, is defined in the Atlas of Economic Specialization of Regions.

The object of observation is the Siberian Federal District and its five constituent entities (Altai Republic, Altai Krai, Krasnoyarsk Krai, Kemerovo Oblast, Novosibirsk Oblast), which have chosen financial services and/or insurance as their branches of specialization. We propose a methodology

for ranking the capabilities of financial market participants in these constituent entities of the Russian Federation. Based on the developed methodology, the city of Novosibirsk has been considered a potential capital of the regional financial market of Siberia. Using the main elements characterizing institutional and instrumental approaches to the formation of the financial market, we suggest the ways of creating a regional financial center in Novosibirsk.

Keywords: financial and insurance activities; prospective economic specialization for a constituent entity of the Russian Federation; Atlas of Economic Specialization of Regions; regional financial center; institutional and instrumental approaches to establishing a financial center; participants and instruments of the financial market

For citation: Novikov, A.V. (2022). Finansovaya i strakhovaya deyatel'nost' kak perspektivnaya ekonomicheskaya spetsializatsiya sub'yekta Rossiyskoy Federatsii [Financial and insurance activities as a prospective economic specialization for a constituent entity of the Russian Federation]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 4 (116), 3–30. DOI: 10.15372/REG20220401.

References

1. Abashkin, V.L., L.M. Gokhberg, Ya.Yu. Eferin et al.; L.M. Gokhberg & E.S. Kutsenko (Eds.). (2021). Atlas ekonomicheskoy spetsializatsii regionov Rossii [Atlas of Economic Specialization of Russian Regions]. Moscow, NRU HSE Publ., 264.
2. Kislitsyna, V.V., L.S. Cheglakova, V.M. Karaulov & A.N. Chikisheva. (2017). Formirovaniye kompleksnogo podkhoda k otsenke sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya regionov [Formation of the integrated approach to the assessment of the socio-economic development of regions]. Ekonomika regiona [Economy of Regions], Vol. 13, No. 2, 369–380.
3. Kozyr, N.S. (2021). Strategiya prostranstvennogo razvitiya: problemy identifikatsii perspektivnykh ekonomicheskikh spetsializatsiy sub'yektov RF [Spatial development strategy: Identification problems of the Russian promising economic specializations]. Ekonomicheskie strategii [Economic Strategies], Vol. 23, No. 2 (176), 16–21.
4. Kolomak, E.A., V.A. Kryukov, L.V. Melnikova, V.E. Seliverstov, V.I. Suslov & N.I. Suslov. (2018). Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossii: ozhidaniya i realii [Spatial development strategy of Russia: expectation and reality]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 2 (98), 264–287.
5. Korotina, N.Yu. (2020). Metodologiya “umnoy spetsializatsii” v preodolenii prostranstvennoy asimmetrii otnosheniy ekonomicheskogo federalizma v Rossii [The smart specialisation’s methodology in overcoming the spatial asymmetry of Russia’s economic federalism]. Journal of New Economy, Vol. 21, No. 1, 107–121.

6. *Kotov, A.V.* (2020). Metodicheskiy podkhod k opredeleniyu umnoy spetsializatsii regionov Rossii [Methodological approach to smart specialization for the Russian regions]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 2 (106), 22–45.

7. *Kudryavtseva, T.Yu. & A.E. Skhvediani.* (2018). Analiz vzaimosvyazi mezhdu klasternoy spetsializatsiey i valovym regionalnym produktom [Analysis of the relationship between cluster specialization and gross regional product]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Ekonomicheskie nauki* [St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics], Vol. 11, No. 5, 66–73.

8. *Trotskovskiy, A.Ya. & L.A. Rodionova.* (2018). Regionalnye tipologii po spetsializatsii i strukture khozyaystva: obzor podkhodov [Regional typologies of specialization and the economy structure: overview of the approaches]. *Upravlenie sovremennoy organizatsiey: opyt, problemy i perspektivy* [Management of a Modern Organization: Experience, Problems and Prospects], 9, 25–31.

9. *Balland, P.-A., R. Boschma, J. Crespo & D.L. Rigby.* (2018). Smart specialization policy in the European Union: relatedness, knowledge complexity and regional diversification. *Regional Studies*, 53 (4), 1–17. DOI: 10.1080/00343404.2018.1437900.

10. *Kindleberger, C.P.* (1974). The formation of financial centers: A study in comparative economic history. *Princeton Studies in International Finance*, No. 36. Princeton, N.J., Princeton University, Department of Economics, 78.

11. *Wang, L. & G. Li.* (2018). Economic forecast for Urumqi to build a regional financial center. 2018 10th International Conference on Measuring Technology and Mechatronics Automation (ICMTMA), 341–345. DOI: 10.1109/ICMTMA.2018.00089.

12. *Zhong, X. & Sh. Chen.* (2018). The planning and construction of a regional financial center: financial structure. *Open House International*, 43 (1), 83–87. DOI: 10.1108/OHI-01-2018-B0017.

Information about the author

Novikov, Alexander Vladimirovich (Novosibirsk, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Economist of Novosibirsk Oblast, President of the Novosibirsk State University of Economics and Management “NINE” (NSUEM) (56, Kamenskaya st., Novosibirsk, 630099, Russia). E-mail: avnov59@yandex.ru.

Поступила в редколлегию 25.01.2022.

После доработки 21.02.2022.

Принята к публикации 25.02.2022.

© Новиков А.В., 2022

Г.А. Унтура

ЭКОНОМИКА ЗНАНИЙ И ЦИФРОВИЗАЦИЯ: ОЦЕНКИ ВЛИЯНИЯ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ РЕГИОНОВ РОССИИ

В экономике знаний информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) ускоряют цифровизацию организаций, домохозяйств, управления, что приводит к экономическому росту стран и регионов. Россия уступает развитым странам в инвестировании секторов экономики знаний и в доле этих секторов в ВВП. Хотя ИКТ отведена решающая роль в цифровизации регионов, при этом цифровое неравенство, фрагментарность экономики знаний на мезоуровне сдерживают рост.

Цель исследования – оценить влияние на экономический рост регионов затрат на развитие экономики знаний, включающей сектор ИКТ, и индексов цифровизации домохозяйств и организаций. Предложена и протестирована на данных Росстата и НИУ ВШЭ эконометрическая модель эндогенного роста. Построены индексы цифровизации домохозяйств и организаций для 2017 г. по 80 регионам. По индексу цифровизации домохозяйств первые пять позиций занимали Московская область, Республика Татарстан, Тюменская область, г. Москва и г. Санкт-Петербург, по индексу цифровизации организаций – г. Москва, г. Санкт-Петербург, Ленинградская область, Ставропольский край и Тамбовская область, в то же время многие регионы Азиатской России и Закавказья существенно отставали.

Подтверждена гипотеза, что затраты на ИКТ приводят к приросту ВРП на душу на 1 п.п. и комплементарны с перетоком затрат на высшее образование. Индексы цифровизации имеют положительные, но статистически незначимые коэффициенты регрессии. Затраты на другие сектора экономики знаний – науку, высшее образование, здравоохранение, формирующие человеческий капитал, не смогли значимо повлиять

на экономический рост регионов в 2017 г., возможно из-за «недофинансирования» их развития (на фоне развитых стран). В статье сделан вывод, что для обеспечения экономического роста российских регионов в условиях цифровой трансформации необходимы системные действия в управлении всеми секторами экономики знаний и потоками знаний, рывок отечественной науки и ИКТ. Полученные в исследовании результаты могут быть полезны в управлении экономикой знаний в условиях цифровой трансформации российских регионов.

Ключевые слова: цифровизация; экономика знаний; наука; образование; здравоохранение; ИКТ; потоки знаний; финансирование; индекс; модель; регион; Россия

Для цитирования: Унтура Г.А. Экономика знаний и цифровизация: оценки влияния на экономический рост регионов России // Регион: экономика и социология. – 2022. – № 4 (116). – С. 31–58. DOI: 10.15372/REG20220402.

ВВЕДЕНИЕ

Знания, информация, человеческий капитал и связность пространства рассматриваются как базовые факторы синергетических эффектов в экономике и обществе, что отражено в таких теоретических концепциях, как «постиндустриальное общество» [4], «информационное общество» [22], «инновационная экономика и инновационные системы» [24; 27; 28; 36; 38], «новая экономическая география» [30; 42], «экономика знаний» [2; 13; 23], «цифровая экономика» [16; 37; 41]. Роль знаний, человеческого капитала и цифровизации возрастает потому, что экономический рост на макро-, микро- и мезоуровне становится все более зависим от развития секторов экономики знания (ЭЗ): науки, образования, информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), здравоохранения, высокотехнологичного предпринимательства [2], выступающих движущей силой развития инновационных систем. Выполнены исследования, подтвердившие влияние человеческого капитала, затрат на науку на экономический рост и инновации. Выводы получены на моделях с эндогенным техническим прогрессом [40], моделях производственных функций знаний [27; 29],

моделях пространственной эконометрики [19]. Перетоки знаний как фактор, усиливающий динамику экономического роста с позиции близости регионов, оценивались в работах [18; 31; 32; 35; 39]. Построена динамическая панельная регрессия, оценившая влияние на экономический рост в регионах РФ не только затрат на науку, но также перетоков знаний и качества человеческого капитала за период 2007–2013 гг. [33].

Однако Россия по формированию экономики знаний и ее стержневого элемента – ИКТ отстает от развитых стран [2]. Так, в 2017 г. в России в целом доля секторов ЭЗ составляла в ВВП 14% (в том числе доля ИКТ – 4%), в США – 40% (11%), в Китае – 22% (10%). Составляющие цифровой экономики России были такими: расходы домохозяйств – 2,6%, инвестиции компаний – 2,2%, госрасходы на цифровизацию – 0,5%, экспорт – 0,5%, импорт – 1,8%. В США все составляющие примерно в 3 раза выше, а импорт сопоставим (2,1%). Лидерами по экспорту ИКТ были Китай (5,8%) и Индия (5,9%)¹.

Велика неоднородность размещения секторов экономики знаний, цифровизации регионов. Обзор литературы показал, что появились публикации о региональных детерминантах развития ИКТ [7; 11], построен индекс доступности ИКТ, даны оценки факторов, влияющих на уровень ИКТ в регионах, выделены кластеры [3], проанализировано влияние цифрового неравенства на социально-экономическое развитие регионов в России [10], отмечена связь ИКТ и экономического роста регионов [15], оценено влияние индекса цифровой составляющей качества жизни на валовый региональный продукт [12]. В рассмотренных работах делается акцент на ИКТ. Между тем развитие ИКТ взаимосвязано с развитием высшего образования и науки. Поэтому актуален комплексный эмпирический анализ влияния на экономический рост затрат на разные сектора ЭЗ, в том числе на сектор ИКТ, который формирует масштабы цифровизации домохозяйств и организаций на мезоуровне. Цель нашего исследования – оценить влияние на экономический рост регионов *затрат* на раз-

¹ Экспертная оценка А.Г. Аганбегяна [1, с. 43].

витие экономики знаний, включающей сектор ИКТ, и *индексов цифровизации* домохозяйств и организаций.

Теория эндогенного экономического роста П. Ромера [40] взята нами за основу методологии при разработке эмпирических моделей панельной регрессии для оценки влияния на экономический рост регионов затрат на науку в России [32; 33]. Сейчас в состав модели включены затраты на все сектора ЭЗ, в том числе ИКТ. Для ИКТ нами дополнительно построены два индекса цифровизации домохозяйств и организаций с использованием данных выборочного обследования регионов РФ за 2017 г. (год старта Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.²). Сформулированы гипотезы о положительном влиянии на экономический рост регионов затрат на ИКТ и индексов цифровизации. Получены оценки статистической значимости коэффициентов регрессии, подтвердившие положительный эффект затрат на ИКТ, в то время как индексы цифровизации оказались статистически незначимыми.

Структура статьи включает: введение, краткий обзор публикаций по проблеме связи секторов ЭЗ и экономического роста в условиях цифровизации, раздел об использованных данных и методах, раздел, содержащий результаты и их обсуждение, заключение.

РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ ЗНАНИЙ И ЦИФРОВИЗАЦИЯ

В экономике знаний основными факторами развития являются знания и человеческий капитал, а сектор ИКТ как один из важнейших секторов ЭЗ обеспечивает современную цифровизацию производств и регионов [34]. Оценка экономического роста регионов – важная теоретическая и методологическая проблема, включающая эмпирический анализ влияния как затрат на ЭЗ, так и цифровизации на мезоуровне.

Термин «цифровая экономика» ввел Д. Тапскотт, определив новый этап в развитии информационного общества как «общество зна-

² См.: *Стратегия* развития информационного общества – 2030: основные сведения. – URL: <https://d-russia.ru/strategiya-razvitiya-informatsionnogo-obshhestva-2030-osnovnye-svedeniya.html> .

ний, производящее интеллектуальные изделия, причем используя цифровую форму представления объектов» [41, р. 120]. Н. Негропonte [37] предсказал возрастающее значение информации и цифровых технологий в экономике и жизни общества. Суть современной цифровизации, ее влияние на человека и экономику рассматривали многие авторы [6; 7; 12; 14; 16]. Цифровая экономика активизирует инновации в глобальном и пространственном аспектах особенно в период четвертой промышленной революции.

Публикуются доклады по состоянию цифровой экономики, например [43]. Россия пока далека от лидерских позиций развитых стран, находится в четвертом десятке известных рейтингов по уровню цифровизации [7, с. 301] и в шестом десятке рейтингов по развитию ЭЗ³. Национальные проекты призваны повысить долю секторов экономики знаний в ВВП до 35% [2], интегрируя науку, образование, здравоохранение, ИКТ.

Ведется дискуссия о значимости цифровизации экономики и о противоречивости ее влияния на экономический рост. По мнению членов Сретенского клуба, «многие склонны возлагать большие надежды на технологии будущего (и на “цифровую” экономику как их квинтэссенцию), полагая, что их внедрение значительно повысит производительность труда, что в свою очередь приведет к экономическому росту. Данное утверждение справедливо только с большими оговорками, а в общем случае – неверно» [5, с. 24]. А.В. Воронцовский, сделав акцент на экономических проявлениях цифровой экономики в мире, показал, что успехи «цифровых гигантов», создавших свои платформы, очевидны [6]. Вместе с тем он отметил, что цифровизация пока оказывает противоречивое влияние на ВВП. А.Н. Швецov убежден, что «полноценный анализ влияния процессов внедрения ИКТ на социально-экономическое развитие регионов и городов по-

³ В мировой практике подход Всемирного банка «знания для развития» (англ. Knowledge for Development, K4D) позволяет оценить готовность стран к переходу к модели развития, основанной на знаниях, с помощью индекса экономики знаний, включающего показатели, характеризующие институциональный режим, инновации, образование, ИКТ [23]. А.Г. Аганбегян к экономике знаний относит также здравоохранение и биотехнологии [2].

мимо сугубо научно-познавательного интереса становится все более насущным и с точки зрения практической государственной политики в сфере информатизации» [17, с. 304].

П. ДиМаджо и его коллеги показали, что в агломерациях и на периферии стран пока существует цифровое неравенство для осуществления инновационного рывка [25]. Регион – открытая система, и поэтому перетоки знаний и информации дополняют ресурсы и возможности различных участников региональных инновационных систем. Пространство все еще значимо для перетока неявных знаний, в то время как цифровизация кодированных знаний и их передача через Интернет, открытые коды доступа в базы данных и репозитории делают географическую отдаленность менее значимой [21].

Поскольку в России объективно сохраняется большая неравномерность размещения организаций науки и высшего образования, высокотехнологичных производств, сектора ИКТ в регионах, целесообразно учитывать гетерогенность названных факторов при оценке их влияния на экономическую динамику. Пока имеется не так много работ, оценивающих влияние индексов цифровизации на экономический рост. Например, Г.П. Литвинцева и И.Н. Карелин показали «положительное влияние на ВРП российского регионального индекса цифровой составляющей качества жизни населения – 6,7%» [12, с. 59]. Однако на экономический рост могут влиять индексы цифровизации не только домашних хозяйств, но и организаций [24], и мы с этим согласны.

Новизна нашей концепции оценивания состоит в том, что в модели одновременно учитываются влияние затрат на создание секторов ЭЗ, влияние перетоков знаний и влияние уровня цифровизации домохозяйств и организаций в регионах. Отметим, что средства государства, направляемые на поддержку науки, высшего образования, здравоохранения, сектора ИКТ, ограничены объемом бюджета, т.е. вложения в каждый названный сектор, по сути, «квазиконкурентны»⁴. Кроме того, эффекты отдачи затрат по секторам ЭЗ в разных регионах могут существенно различаться в силу исторических, техно-

⁴ Данный вопрос выходит за рамки нашего исследования, но его интересно рассмотреть в дальнейшем.

логических, ресурсных обстоятельств, что следует принимать во внимание при выделении средств на национальные проекты, реализуемые в регионах. Таким образом, получение количественных оценок влияния на экономический рост затрат по секторам ЭЗ и индексов цифровизации создает поле для исследований, результаты которых могут содействовать выработке стратегических решений по усилению конкурентных позиций России и ее регионов в мире.

ДАННЫЕ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании использованы данные Росстата⁵, НИУ ВШЭ [8; 9], Министерства науки и высшего образования РФ (форма ВПО-2), Казначейства России (государственные затраты на здравоохранение) по 80 субъектам РФ (без автономных округов, Республики Крым и г. Севастополя).

Основу применяемого метода составляет эмпирическая модель А. Барро и Х. Сала-и-Мартина [20], которая связывает факторы, ведущие к эндогенному росту, с уровнем предыдущего развития экономики и состоянием факторов (или их запасов) с временным лагом. А. Родригес-Посе и Э.М. Вильярел Перальта [39] развили эту модель, введя в состав независимых переменных затраты на науку, социальный фильтр, учитывающий качество человеческого капитала и перетоки знаний. Эта версия принята для построения нашей базовой модели [32]. Затем в состав независимых переменных панельной регрессии добавлялись затраты на здравоохранение⁶ и высшее образование, проверялись гипотезы об их значимом влиянии на прирост ВРП на душу населения (далее – ВРП_{ндн}).

⁵ См.: *Регионы России: Социально-экономические показатели. 2019: Стат. сб.* / Росстат. – М., 2019.

⁶ Первоначально базовая модель эндогенного роста в зависимости от затрат на науку разработана совместно с д.э.н. М.А. Каневой, которая дополнила ее затратами на здравоохранение и более детально исследовала влияние на экономический рост этого сектора ЭЗ.

В настоящем исследовании развитие методологии состоит в дополнении базовой модели показателями затрат на ИКТ, оснащенности компьютерами, подключенными к сети Интернет, и новыми независимыми переменными – индексами цифровизации домохозяйств и организаций. Модель оценивает влияние регрессоров на зависимую переменную – ВРП_{ндн}. Формальная запись модели имеет следующий вид:

$$\begin{aligned} & growt_{i,t} = \beta_1 \log(y_{i,t-1}) + \beta_2 R\&D_{i,t-1} + \beta_3 Spill_{i,t-1} + \beta_4 VO_{i,t-1} + \\ & \beta_5 VO_spill_{i,t-1} + \beta_6 Sf\beta_{i,t-1} + \beta_7 ExtSf\beta_{i,t-1} + \beta_8 Fixedin_{i,t} + \\ & \beta_9 PC_int_{i,t-1} + \beta_{10} Ikt_grp_{i,t-1} + \beta_{11} PHE_{i,t} + \beta_{12} Info_N_{i,t} + \\ & \beta_{13} Info_O_{i,t} + \varepsilon_{i,t}. \end{aligned} \quad (1)$$

Обозначения модели (i – индекс региона; t – период времени, $t-1$ – лаг 1 год):

$growt_{i,t}$ – темп прироста ВРП_{ндн};

$\log(y_{i,t-1})$ – натуральный логарифм ВРП_{ндн} с лагом 1 год;

$R\&D_{i,t-1}$ – затраты на исследования и разработки (ИР), % ВРП;

$Spill_{i,t-1}$ – переток расходов на ИР между регионами;

$VO_{i,t-1}$ – затраты на высшее образование (ВО), % ВРП;

$VO_spill_{i,t-1}$ – переток расходов на ВО между регионами;

$Sf\beta_{i,t-1}$ – индекс качества человеческого капитала (ИКЧК);

$ExtSf\beta_{i,t-1}$ – влияние ИКЧК всех остальных регионов на данный

регион;

$PC_int_{i,t-1}$ – доля компьютеров, подключенных к сети Интернет, на 100 работников;

$Ikt_grp_{i,t-1}$ – затраты на ИКТ, % ВРП;

$Fixedin_{i,t}$ – доля инвестиций в основной капитал, % ВРП;

$PHE_{i,t}$ – государственные расходы на здравоохранение, % ВРП;

$Info_N_{i,t}$ – индекс цифровизации домохозяйств;

$Info_O_{i,t}$ – индекс цифровизации организаций;

$\varepsilon_{i,t}$ – случайная ошибка.

В модели коэффициент β_1 измеряет условную -сходимость темпов роста регионов. ИКЧК⁷ (или соцфилтър в [39]), прокси-переменные – переток затрат на науку и переток человеческого капитала⁸ для модели рассчитаны методами, суть которых подробно нами описана ранее [32]. Проблема эндогенности в модели снимается использованием ряда переменных с лагом 1 год.

Сформированы две новые прокси-переменные: индексы цифровизации домохозяйств и организаций как композитные индексы из показателей, вошедших в выборочное обследование НИУ ВШЭ [9]⁹. Нам кажется интересным выявить значимые статистические зависимости прироста ВРП_{ндн} и регрессоров в год старта Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. и Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

В модели проверялись гипотезы о значимости затрат на ИКТ и индексов информатизации на прирост ВРП_{ндн}:

Н1: затраты на ИКТ оказывают статистически значимое влияние.

Н2: индекс цифровизации домохозяйств (или отдельные его компоненты) оказывают статистически значимое влияние.

Н3: индекс цифровизации организаций (или отдельные его компоненты) оказывают статистически значимое влияние.

⁷ Вычислен посредством факторного анализа четырех компонентов: доли специалистов с высшим образованием; доли выпускников вузов; доли занятых в возрасте 15–30 лет; доли занятых в сельском хозяйстве в общей численности занятых в экономике региона (контрольная переменная).

⁸ Учитывают пространственную структуру страны и рассчитываются взвешиванием анализируемого фактора на матрицу обратных расстояний между регионами России.

⁹ Размер выборки из 80 регионов по 16 показателям оказался достаточным, поскольку по тесту Фишера на значимость нулю коэффициентов регрессии можно было судить о достоверности расчетов для 2017 г. (результаты представлены далее в табл. 5). Автор не претендует на аппроксимацию результатов для прогноза, потому что для этой цели необходимы более длинные ряды панельных данных и т.д.

МЕТОД РАСЧЕТА ИНДЕКСОВ ЦИФРОВИЗАЦИИ ДОМОХОЗЯЙСТВ И ОРГАНИЗАЦИЙ

Выборочное обследование по субъектам РФ содержит 16 показателей по использованию населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей именно за 2017 г. В таблице 1 видны различия показателей цифровизации по стране и Сибирскому федеральному округу.

Формируем два индекса цифровизации по регионам РФ: для домохозяйств (ИЦД) и организаций (ИЦО), чтобы определить их влияние на прирост ВРП_{ндн} комплементарно с секторами ЭЗ. В каждом из двух блоков первичных данных были удалены признаки с высокой взаимной корреляцией. Для ИЦД был изъят показатель «пользователи интернета», т.е. в составе индекса осталось семь показателей. Для ИЦО были удалены показатели «интернет», «веб-сайт», «наем персонала онлайн», т.е. в составе индекса осталось пять показателей. По каждому блоку было выполнено достаточно распространенное в статистике нормирование показателей по интервалу «max – min». Оценки ИЦО и ИЦД для лидирующих по цифровизации субъектов РФ приведены в табл. 2 и 3.

Суммирование показателей в индексе выполнялось с одинаковыми весами, его средняя величина рассчитывалась делением на количество показателей в блоке и умножалась на 10 для удобства представления, т.е. индекс находится в интервале от 0 до 10. Полученные оценки подтверждают отставание по уровню цифровизации большинства регионов Сибири и Дальнего Востока от столичных городов и субъектов РФ европейской части России, выявленное и другими авторами [7; 10; 12].

Отметим, что рейтинги по ИЦД и по ИЦО для одного и того же субъекта РФ не совпадают. Так, по индексу цифровизации домохозяйств первые пять позиций в порядке убывания занимали Московская область, Республика Татарстан, Тюменская область, г. Москва и г. Санкт-Петербург, а по индексу цифровизации организаций – г. Москва, г. Санкт-Петербург, Ленинградская область, Ставропольский край и Тамбовская область.

Таблица 1

**Показатели использования информационно-коммуникационных технологий
для домохозяйств и организаций России, 2017 г.**

Показатель	РФ, %	Сибирский федеральный округ, %	Место СФО среди федеральных округов
<i>Домашние хозяйства</i>			
Персональные компьютеры (<i>pch</i>)	74,4	69,5	7
Мобильный интернет (<i>mih</i>)	56,6	46,6	8
Широкополосный интернет (<i>binth</i>)	72,6	67,3	8
Пользователи интернета (<i>intus</i>)	83,7	80,7	8
Выходят в Интернет каждый день (<i>goed</i>)	60,6	59,2	7
Выходят в Интернет с мобильных устройств (<i>gomod</i>)	56,8	52,4	8
Совершают покупки онлайн (<i>sho</i>)	29,1	24,5	6
Получают электронные госуслуги (<i>egs</i>)	64,3	59,6	4
<i>Организации</i>			
Интернет (<i>internet</i>)	88,9	84,2	7
Широкополосный интернет (<i>internet_b</i>)	83,2	77,2	8
Веб-сайт (<i>ws</i>)	47,4	41,0	8
Облачные сервисы (<i>cs</i>)	22,9	22,1	5
Электронный обмен данными (<i>edi</i>)	63,1	59,1	7
Подписка на информационные ресурсы(<i>sir</i>)	25,8	22,0	7
Наем персонала онлайн (<i>hso</i>)	29,9	25,7	7
Обучение персонала онлайн (<i>ost</i>)	40,3	37,3	6

Примечание: в скобках приведены обозначения в модели.

Источник: [9, с. 6–9, 198, 202–209].

Таблица 2

Индекс цифровизации домохозяйств: топ-10 регионов России в 2017 г.

Регион	ИЦД	Рейтинг
Московская обл.	8,22	1
Республика Татарстан	8,14	2
Тюменская обл.	8,12	3
г. Москва	7,94	4
г. Санкт-Петербург	7,85	5
Мурманская обл.	7,60	6
Республика Саха (Якутия)	7,35	7
Республика Северная Осетия – Алания	7,34	8
Тульская обл.	7,02	9
Ростовская обл.	6,58	10

Источник: расчеты автора.

Таблица 3

Индекс цифровизации организаций: топ-10 регионов России в 2017 г.

Регион	ИЦО	Рейтинг
г. Москва	9,31	1
г. Санкт-Петербург	8,35	2
Ленинградская обл.	7,37	3
Ставропольский край	7,12	4
Тамбовская обл.	7,10	5
Нижегородская обл.	7,05	6
Республика Ингушетия	7,04	7
Астраханская обл.	6,97	8
Республика Татарстан	6,97	9
Свердловская обл.	6,73	10

Источник: расчеты автора.

В таблице 4 приведены описательные статистики переменных, участвующих в разных спецификациях модели. Отметим, что ИЦД варьирует в диапазоне минимума-максимума от 2,5 до 8,0, а ИЦО – от 1,0 до 9,3, средний ИЦД по стране составил 5,38, а средний ИЦО – 5,36. Существенно различаются приросты ВРП_{ндн} субъектов РФ, доли затрат на науку и высшее образование в процентах от ВРП и т.д.

Таблица 4

**Описательные статистики переменных в кросс-секционной модели
для оценки темпов прироста ВРП_{ндн} 80 регионов РФ, 2017 г.**

Переменная	Число наблюдений	Среднее	Стандартное отклонение	Минимум	Максимум
<i>growth</i>	80	1,71	2,50	–6,1	12,4
<i>lngrp_pc_l~8</i>	80	11,53	0,53	10,4	13,1
<i>lnrd</i>	80	0,77	0,98	0,04	6,7
<i>lnspill</i>	80	0,84	0,17	0,5	1,2
<i>lnsf318</i>	80	3,06	4,23	–11,9	17,8
<i>lxt_ssf3_18</i>	80	2,10	0,90	–0,2	6,1
<i>fixedin</i>	80	23,18	8,62	11,5	71,2
<i>lnpc_int</i>	80	63,17	4,92	50,8	75,4
<i>lnikt_grp</i>	80	1,14	0,61	0,2	4,1
<i>lnvo</i>	80	1,03	0,53	0,1	3,4
<i>lnspillvo</i>	80	1,06	0,07	0,9	1,3
<i>phe_new_sh~e</i>	80	4,52	1,76	0,4	11,3
<i>iinf_n</i>	80	5,38	1,17	2,5	8,0
<i>iinf_o</i>	80	5,36	1,37	1,1	9,3
<i>intus</i>	80	81,55	4,80	69,3	92,8
<i>mih</i>	80	54,78	9,39	37,0	79,3
<i>binth</i>	80	70,05	8,68	32,8	83,1
<i>goed</i>	80	59,26	6,20	45,1	77,7

Окончание табл. 4

Переменная	Число наблюдений	Среднее	Стандартное отклонение	Минимум	Максимум
<i>gomod</i>	80	55,04	9,45	24,1	78,1
<i>sho</i>	80	26,56	8,60	7,5	60,1
<i>egs</i>	80	58,89	12,50	19,2	86,2
<i>internet_b</i>	80	82,98	7,00	62,6	94,9
<i>cs</i>	80	21,88	5,00	5,8	37,1
<i>edi</i>	80	62,82	8,44	39,1	84,4
<i>hso</i>	80	26,92	8,14	6,4	55,0
<i>ost</i>	80	39,67	6,84	12,4	55,0

Примечание: префиксы *l* и *l1* перед названиями регрессоров означают лаг 1 год, который указан в формуле (1).

Источник: расчеты автора в пакете STATA 14.

В состав независимых переменных модели в разных спецификациях с учетом корреляции между всеми переменными включались индексы либо некоторые показатели цифровизации.

Модель 1 оценивает влияние индексов ИЦД и ИЦО совместно с затратами по секторам ЭЗ и с другими переменными базовой модели (1). *Модели 2 и 3* вместо ИЦД и ИЦО включают частные показатели соответствующего индекса цифровизации (см. табл. 1).

РЕЗУЛЬТАТЫ РАСЧЕТОВ И ОБСУЖДЕНИЕ

Оценена статистическая значимость причинно-следственных связей между приростом $ВРП_{ндн}$ и регрессорами методом наименьших квадратов. Три спецификации модели подтверждают гипотезу Н1. Так, в моделях 1–3 оценка коэффициента регрессии при переменной «затраты на ИКТ, % ВРП» показывает положительное статистически значимое влияние на прирост $ВРП_{ндн}$ (на уровне 10%): в модели 1 прирост равен 1,03 п.п., в модели 2 – 0,87 п.п., в модели 3 – 0,84 п.п. при росте затрат на ИКТ в процентах от ВРП на 1 п.п. (табл. 5).

Таблица 5

**Результаты кросс-секционной регрессии, 2017 г., зависимая переменная –
прирост ВРП_{ндн}**

Независимые переменные	Модель 1	Модель 2	Модель 3
Натуральный ВРП _{ндн} с лагом 1 год	–2,69** (1,040)	–2,835 (1,047)***	–1,699 (1,157)
Затраты на ИР, % ВРП	–0,291 (0,211)	–0,263 (0,192)	–0,245 (0,175)
Перетоки ИР	–7,896 (2,383)***	–7,258 (2,307)***	–7,151 (2,634)***
Индекс качества человечес- кого капитала	–0,079 (0,094)	–0,103 (0,089)	–0,074 (0,111)
Переток ИКЧК	–1,930 (0,454)***	–1,878 (0,440)***	–1,951 (0,497)***
Доля инвестиций, % ВРП	–0,024 (0,045)	–0,027 (0,044)	–0,041 (0,049)
Доля персональных компью- теров, подключенных к сети Интернет	–0,175 (0,082)**	–0,162 (0,071)**	–0,210 (0,094)**
Затраты на ИКТ, % ВРП	1,013 (0,559)*	0,873 (0,525)*	0,847 (0,479)*
Затраты на ВО, % ВРП	–0,493 (0,383)	–0,498 (0,343)	–0,492 (0,413)
Переток затрат на ВО, %	10,365 (3,691)***	9,704 (3,451)***	12,558 (4,228)***
Государственные затраты на здравоохранение, % ВРП	–0,900 (0,232)***	–0,983 (0,290)***	–0,813 (0,203)***
ИЦД	0,205 (0,236)	–	–
ИЦО	0,060 (0,261)	–	–
Мобильный интернет в домашних хозяйствах	–	0,043 (0,035)	–
Широкополосный интернет в домашних хозяйствах	–	–0,012 (0,038)	–
Получают электронные госуслуги	–	–0,011 (0,018)	–
Широкополосный интернет в организациях	–	–	–0,043 (0,081)
Облачные сервисы	–	–	0,025 (0,059)

Окончание табл. 5

Независимые переменные	Модель 1	Модель 2	Модель 3
Электронный обмен данными	–	–	0,089 (0,067)
Подписка на информационные ресурсы		–	0,037 (0,106)
Онлайн-обучение персонала	–	–	–0,089 (0,038)**
Константа	46,547 (13,890)***	48,679 (14,752)***	36,034 (17,069)**
Тест Фишера на значимость нулю коэффициентов	F(13,66) = 5,75 [0,0000]	F(14,65) = 5,96 [0,0000]	F(16,63) = 4,15 [0,0000]
R ²	0,4333	0,4429	0,4817
Число наблюдений	80	80	80

Примечания: 1) в скобках указаны робастные стандартные ошибки коэффициента регрессии (опция vce (robust)); 2) *, **, *** – значимость на 10%-, 5%- и 1%-м уровне соответственно; 3) тест Фишера [0,0000] указывает на легитимность оценок; 4) таблица коэффициентов корреляции регрессоров каждой модели может быть представлена по запросу.

Источник: расчеты автора.

Между тем выявлено, что переменная «доля персональных компьютеров, подключенных к сети Интернет, на 100 чел.» отрицательно значима (на 5%-м уровне). Видимо, не только подключение ПК к сети Интернет, но и умение владеть современным софтом важно для экономического роста.

Гипотезы H2 и H3 о положительном статистически значимом влиянии ИЦД и ИЦО не подтвердились в модели 1. Коэффициенты регрессии индексов цифровизации оказались с положительными знаками, но статистически незначимыми, $R^2 = 0,43$. Гипотеза H2 о положительном влиянии на прирост ВРП_{ндн} показателей цифровизации домохозяйств в модели 2 также не подтвердилась, поскольку наличие мобильного интернета, широкополосного интернета и получение госуслуг статистически незначимы. Гипотеза H3 о положительном влиянии на прирост ВРП_{ндн} показателей цифровизации организаций

в модели 3 в целом не подтвердилась. Вместе с тем обнаружена значимая отрицательная статистическая связь (на уровне 5%) для показателя «онлайн-обучение персонала». Это, возможно, связано с тем, что не все специалисты, прошедшие онлайн-обучение, остаются работать по специальности в регионе.

Таким образом, включение двух индексов цифровизации в модель 1 не выявило их статистически значимых зависимостей с приростом $ВРП_{ндн}$. Вероятно, в условиях существенного цифрового неравенства даже высокие индексы ИЦД и ИЦО по отдельным регионам в 2017 г. значимо не влияли на прирост $ВРП_{ндн}$, при том что сами затраты на развитие ИКТ показывают положительный эффект.

Отсутствие статистически значимого влияния ИЦД на прирост $ВРП_{ндн}$ в 2017 г., выявленное по модели (1), не совпадает с оценками авторов работы [12], которые обнаружили статистически значимый эффект российского регионального индекса цифровой составляющей качества жизни населения для $ВРП^{10}$ методом панельной регрессии за 2015–2018 гг.

Интересно, что при учете затрат на ИКТ в модели одновременно наблюдается статистически значимый эффект переменной «переток затрат на высшее образование» (на уровне 1%): в модели 1 с индексами информатизации (10,3 п.п.), в модели 2 (9,7 п.п.), в модели 3 (12,6 п.п.), что говорит о комплементарном эффекте цифровизации с этим сектором ЭЗ. Затраты на обучение кадров с высшей квалификацией в одних регионах увеличивают прирост $ВРП_{ндн}$ в других регионах, если это сопровождается затратами на ИКТ и адаптацией знаний в регионах.

Вместе с тем сами затраты на науку и высшее образование, ИКЧК оказались статистически незначимыми в моделях 1–3. Отрицательное значимое воздействие на прирост $ВРП_{ндн}$ оказали переменные «переток затрат на науку» и «переток человеческого капитала», что расходится с нашими оценками в модели Ареллано – Бонда, когда затраты на науку были положительно значимыми для периода 2005–2013 гг.

¹⁰ Использовались разные зависимые переменные (прирост $ВРП_{ндн}$ и $ВРП$ в [12]) и методы построения индексов, что еще раз говорит о неоднозначности и важности разных эмпирических оценок.

[36]. Это, вероятно, свидетельствует о том, что если межрегиональные перетоки знаний были недостаточно востребованы в 2017 г., то затраты на фундаментальную науку в сильных регионах еще не гарантируют завершенность научно-производственных циклов в остальных регионах, которые потребляют извне знания и технологии, если там не созданы условия для их адаптации. По этой же причине коэффициент регрессии «переток человеческого капитала» мог быть также отрицательным, если в регионах недостаточно подготовлено/занято рабочих мест, требующих высокой квалификации, или рабочих мест для программистов. В настоящее время до 38% специалистов с высшим образованием работают не по специальности, среди молодежи такой процент достигает 54%¹¹, что сдерживает абсорбцию знаний.

Незначимые или отрицательные оценки влияния на прирост ВРП_{ндп} затрат на науку и государственное здравоохранение как результат кросс-секционной регрессии с позиций только экономических критериев и коротких лагов следует воспринимать с осторожностью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проверка положений теории эндогенного экономического роста о значимости влияния затрат на экономику знаний и возрастания роли ИКТ как факторов цифровизации потребовала создания и апробации, во-первых, многофакторной эмпирической эконометрической модели¹², а во-вторых, метода расчета индексов цифровизации домохозяйств и организаций. Они вошли в состав регрессоров модели.

¹¹ См.: Абдулли Р. Опрос: почти 40% россиян не работают по специальности, чаще всего это менеджеры по продажам. – URL: <https://daily.afisha.ru/news/49270-opros-pochti-40-rossiyan-ne-rabotayut-po-specialnosti-chasche-vsego-et0-menedzheri-po-prodazham/>.

¹² Кросс-секционная модель не претендует на высокие прогностические свойства, что и не являлось прямой целью исследования. Однако, как отмечается в литературе, посвященной эконометрическому анализу, не менее важным методологическим принципом оценивания динамики роста, в частности по мнению

Расчет композитных индексов выявил, что средний ИЦД по стране составляет 5,38, средний ИЦО – 5,36, т.е. эти индексы близки между собой, но оба далеки от максимально возможного значения 10. Пять лучших регионов по ИЦД – Московская область, Республика Татарстан, Тюменская область, г. Москва, г. Санкт-Петербург, а по ИЦО – г. Москва, г. Санкт-Петербург, Ленинградская область, Ставропольский край и Тамбовская область. Многие регионы Азиатской России и Закавказья существенно отстают, велико цифровое неравенство.

На пространственной выборке были проверены три гипотезы об эффекте ИКТ (в составе экономики знаний). Подтверждено, что затраты на ИКТ приводят к приросту $ВРП_{ндн}$ на 1 п.п. Выявлен интересный эффект, состоящий в том, что затраты на ИКТ комплементарны с перетоком затрат на высшее образование, который статистически значим и обеспечивает прирост $ВРП_{ндн}$ на 12,1 п.п. Показано, что индексы информатизации ИЦД и ИЦО имеют положительные, но статистически незначимые коэффициенты регрессии.

Затраты на науку, высшее образование, государственное здравоохранение не смогли положительно значимо повлиять на прирост $ВРП_{ндн}$ в 2017 г., по-видимому, из-за ограниченности ресурсов (по сравнению с развитыми странами). Возможно, были недостатки в организации перетока знаний и использовании человеческого капитала, поскольку коэффициенты регрессии оказались отрицательно статистически значимыми для перетока затрат на науку и перетока человеческого капитала. Несмотря на ограничения метода (1 год), полученные результаты свидетельствуют о необходимости для экономического роста системных действий в управлении всеми секторами ЭЗ и перетоками знаний, о необходимости рывка отечественной науки и сектора ИКТ на старте цифровой трансформации российских регионов. В будущем нами предполагается эмпирическая проверка связей $ВРП_{ндн}$, затрат на ЭЗ и цифровизации регионов с помощью панельной

С. Дурлауфа с соавторами [26], выступает обнаружение устойчивых положительных корреляций. В нашей модели они обнаружены между приростом $ВРП_{ндн}$ и затратами на ИКТ.

динамической регрессии, пороговой регрессии, а также на основе совершенствования индексов цифровизации.

С социально-экономических позиций важен курс Правительства РФ на консолидацию государственных средств, а также привлечение инвесторов других форм собственности для софинансирования всех секторов ЭЗ, включая сектор ИКТ, поскольку затраты на науку, высшее образование, здравоохранение и ИКТ в России пока остаются существенно ниже, чем в развитых странах. Индексы цифровизации могут повыситься, поскольку Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» предусматривает повышение цифровой грамотности населения, дальнейшую разработку и применение в регионах отечественных программных продуктов, а санкции только усиливают этот вызов¹³.

* * *

Автор выражает признательность д.э.н. М.А. Каневой за полезные советы по сокращению текста статьи.

Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект «Региональное и муниципальное стратегическое планирование и управление в контексте модернизации государственной региональной политики и развития цифровой экономики», № 121040100283-2

Список источников

1. Аганбегян А.Г. Новой России – 30 лет: Достижения и упущения (социально-экономический анализ). – М., 2021. – 48 с.
2. Аганбегян А. Человеческий капитал и его главная составляющая – сфера «экономики знаний» как основной источник социально-экономического роста // Экономические стратегии. – 2017. – Т. 19, № 3. – С. 66–79.

¹³ О значимой цифровой трансформации, особенно в условиях санкций и недостаточно быстрого импортозамещения ряда значимых программных продуктов, можно говорить, по мнению экспертов, не ранее ближайших трех-пяти лет (см.: Балашова А., Ясакова Е. Эксперты оценили угрозу санкций для цифровой трансформации России. – URL: <https://www.comnews.ru/content/220022/2022-04-27/2022-w17/ekspertry-ocenili-ugrozu-sankciy-dlya-cifrovoy-transformacii-rossii>).

3. *Архипова М.Ю., Сиротин В.П.* Региональные аспекты развития информационно-коммуникационных и цифровых технологий в России // Экономика региона. – 2019. – Т. 15, № 3. – С. 670–683.
4. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. – М.: Академия, 2004. – 944 с.
5. *Введение в «Цифровую» экономику* / Под общ. ред. А.В. Кешелава. – URL: <http://spkurdyumov.ru/uploads/2017/07/vvedenie-v-cifrovuyu-ekonomiku-na-porogecifrovogo-budushhego.pdf> (дата обращения: 03.03.2021).
6. *Воронцовский А.В.* Цифровизация экономики и ее влияние на экономическое развитие и общественное благосостояние // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2020. – Т. 36, № 2. – С. 189–216.
7. *Вызовы цифровой трансформации и бизнес высоких технологий* / Под ред. Н.А. Кравченко, В.Д. Марковой. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2019. – 351 с.
8. *Индикаторы цифровой экономики: 2020: Стат. сб.* / Абдрахманова Г.И., Вишневецкий К.О., Гохберг Л.М. и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2020. – 227 с.
9. *Информационное общество: основные характеристики субъектов Российской Федерации: Стат. сб.* / Сабельникова М.А., Абдрахманова Г.И., Гохберг Л.М., Дудорова О.Ю. и др.; Росстат; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2018. – 216 с.
10. *Квасникова М.А.* Цифровое неравенство и его влияние на социально-экономическое развитие регионов в России // Социально-политические исследования. – 2020. – Т. 1, № 6. – С. 43–58.
11. *Кравченко Н.А., Халимова С.Р., Иванова А.И.* Сектор информационно-коммуникационных технологий: тенденции и детерминанты развития // Регион: экономика и социология. – 2020. – № 1 (105). – С. 44–76.
12. *Литвинцева Г.П., Карелин И.Н.* Эффекты цифровой трансформации экономики и качества жизни населения в России // Terra Economicus. – 2020. – Т. 18, № 3. – С. 53–71.
13. *Макаров В.* Контуры экономики знаний // Экономист. – 2003. – № 3. – С. 3–15.
14. *Маркова В.Д.* Цифровая экономика: Учебник. – М.: ИНФРА-М, 2019. – 185 с.
15. *Петрова Е.А., Бондаренко П.В., Шитилева А.В.* Методические подходы к оценке влияния информационных технологий на экономический рост в регионах России // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. – 2020. – Т. 22, № 1. – С. 23–34.
16. *Скиннер К.* Человек цифровой: Четвертая революция в истории человечества, которая затронет каждого / Пер. с англ. О. Сивченко. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. – 304 с.

17. Швецов А.Н. Становление новой организации экономического пространства России: Опыт государственного регулирования и научных исследований пространственных преобразований. – М.: ЛЕНАНД, 2021. – 306 с.

18. Aldieri L., Kotsemir M.N., Vinci C.P. Knowledge spillover effects: empirical evidence from Russian regions // *Quality & Quantity*. – 2018. – Vol. 52, No 5. – P. 2111–2132.

19. Anselin L., Varga A., Acs Z. Local spillovers between university research and high technology innovations // *Journal of Urban Economics*. – 1997. – Vol. 42. – P. 422–448.

20. Barro R.J., Sala-i-Martin X. *Economic Growth*. – N.Y.: McGraw-Hill, 1995. – 539 p.

21. Billon M., Lera-Lopes F., Marco R. ICT use by households and firms in EU: links and determinants from multivariate perspective // *Review of World Economics*. – 2016. – Vol. 152, No. 4. – P. 629–654.

22. Castells M. *The Information Age: Economy, Society and Culture*. – 2nd ed. – Oxford: Blackwell, 2000. – 594 p.

23. Chen D.H.C., Dahlman C.J. The Knowledge Economy, the KAM Methodology and World Bank Operations / *World Bank Institute Working Paper*. – 2005. – No. 37256. – 42 p.

24. Cooke P., Gomez Uranga M., Etxebarria G. Regional innovation systems: institutional and organizational dimensions // *Research Policy*. – 1997. – Vol. 26, No. 4-5. – P. 475–491.

25. DiMaggio P., Hargittai E., Celeste C., Shafer S. Digital inequality: from unequal access to differentiated use // *Social Inequality*. – 2004. – Vol. 32, No. 4. – P. 245–252.

26. Durlauf S.N., Johnson P.A., Temple J.R.W. The methods of growth econometrics // *Palgrave Handbook of Econometrics* / Ed. by T.C. Mills, K. Patterson. – Houndmills, UK: Palgrave Macmillan, 2009. – Vol. 2. – P. 1119–1179.

27. Fagerberg J. Why growth rates differ // *Technical Change and Economic Theory* / Ed. by G. Dosi, C. Freeman, R. Nelson, G. Silverberg, L. Soete. – London: Pinter, 1998. – P. 432–457.

28. Golichenko O. The methodology of national innovation system analysis // *Quality Innovation: Knowledge, Theory and Practices* / Ed. by L. Al-Hakim, Chen Jin. – Hershey, PA: IGI Publishing, 2013. – P. 94–123.

29. Griliches Z. Issues in assessing the contribution of research and development to productivity growth // *The Bell Journal of Economics*. – 1979. – Vol. 10, No. 1. – P. 92–116.

30. Hägerstrand T. *Innovation Diffusion As a Spatial Process*. – Chicago: University of Chicago Press, 1967. – 334 p.

31. Jaffe A.B. Technological opportunity and spillovers of R&D: Evidence from firms' patents, profit and market share // *American Economic Review*. – 1986. – Vol. 76. – P. 984–1001.

32. Kaneva M., Untura G. Interrelation of R&D, knowledge spillovers, and dynamics of economic growth of Russian regions // *Regional Research of Russia*. – 2018. – Vol. 8, No. 1. – P. 78–100.
33. Kaneva M., Untura G. The impact of R&D and knowledge spillovers on the economic growth of Russian regions // *Growth and Change*. – 2019. – Vol. 50. – P. 301–334.
34. Karlsson C., Maier G., Trippel M., Siedschlag I., Owen R., Murphy G. ICT and Regional Economic Dynamic: A Literature Review. 2010. – URL: https://www.researchgate.net/publication/265496787_ICT_and_Regional_Economic_Dynamics_A_Literature_Review (дата обращения: 03.03.2022).
35. Marrocu E., Paci R., Usai S. Proximity, networking and knowledge production in Europe: what lessons for innovation policy? // *Technological Forecasting and Social Change*. – 2013. – Vol. 80. – P. 1484–1498.
36. *National Systems of Innovation: Towards a Theory of Innovation and Interactive Learning* / Ed. by B.-Å. Lundvall. – London: Pinter Publishers, 1992. – 342 p.
37. Negroponte N. *Being Digital*. – N.Y.: New York Vintage Books, 1995. – 252 p.
38. Nelson R. *National Innovation Systems: A Comparative Analysis*. – N.Y.: Oxford University Press, 1993. – 541 p.
39. Rodriguez-Pose A., Villareal Peralta E.M. Innovation and regional growth in Mexico: 2000–2010 // *Growth and Change*. – 2015. – Vol. 46, No. 2. – P. 172–195.
40. Romer P.M. Increasing returns and long-run growth // *Journal of Political Economy*. – 1986. – Vol. 94, No. 5. – P. 1002–1037.
41. Tapscott D. *The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence*. – N.Y.: McGrawHill, 1997. – 342 p.
42. Tobler W. A computer movie simulating urban growth in Detroit region // *Economic Geography*. – 1970. – Vol. 46. – P. 234–240.
43. *Digital Economy Report 2019: Value Creation and Capture: Implications for Developing Countries* / UNCTAD. – 172 p. – URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/der2019_en.pdf (дата обращения: 05.03.2020).

Информация об авторе

Унтура Галина Афанасьевна (Россия, Новосибирск) – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17); профессор Новосибирского национального исследовательского государственного университета (630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 1). E-mail: galina.untura@gmail.com.

DOI: 10.15372/REG20220402

Region: Economics & Sociology, 2022, No. 4 (116), p. 31–58

G.A. Untura

**THE KNOWLEDGE ECONOMY AND DIGITALIZATION:
ASSESSING THEIR IMPACT ON ECONOMIC GROWTH
OF RUSSIAN REGIONS**

The digitalization of organizations, households, and management is accelerated by information and communication technology (ICT), which leads to the economic growth of countries and regions in the knowledge economy. Russia is inferior to developed countries in investing in the knowledge economy sectors and in how much these sectors contribute to GDP. Although ICT has a decisive role in the digitalization of regions, digital heterogeneity and fragmented knowledge economy at the mesolevel hold back the growth.

This paper aims to assess how regional economic growth is impacted by expenditures for developing the knowledge economy, including the ICT sector, and the digitalization indices of households and organizations. We propose and test an econometric model of endogenous growth using data from Rosstat and the Higher School of Economics. Digitalization indices of households and organizations in 80 regions have been generated for 2017. The top five regions in terms of the highest household digitalization index are as follows: Moscow Oblast, the Republic of Tatarstan, Tyumen Oblast, Moscow, and St. Petersburg. The same ranking for the organization digitalization index would be Moscow, St. Petersburg, Leningrad Oblast, Stavropol Krai, and Tambov Oblast. Many Asian Russian and Transcaucasian regions lag significantly behind.

We confirm a hypothesis that spending on ICT leads to an increase in GRP per capita by 1 p.p. and is complementary to the higher education spillover. Digitalization indices have positive but statistically insignificant regression coefficients. Expenditures in other knowledge economy sectors, such as science, higher education, and healthcare, which form human capital, were not able to affect regions' economic growth meaningfully in 2017, possibly due to their "underfundedness" (compared to developed countries). The article concludes that there is a need for systematic actions in managing all knowledge economy sectors, knowledge spillovers, domestic science and ICT breakthroughs to ensure the economy of Russian regions grows under digitalization. Our findings may be useful for managing the knowledge economy in digitally transforming Russian regions.

Keywords: digitalization; knowledge economy; science; education; healthcare; ICT; knowledge spillover; funding; index; model; region; Russia

For citation: Untura, G.A. (2022). *Ekonomika znaniy i tsifrovizatsiya: otsenki vliyaniya na ekonomicheskiy rost regionov Rossii* [The knowledge economy and digitalization: assessing their impact on economic growth of Russian regions]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 4 (116), 31–58. DOI: 10.15372/REG20220402.

This research was carried out with the plan of research work of IEIE SB RAS, project “Regional and municipal strategic planning and management in the context of modernization of state regional policy and development of the digital economy”, No. 121040100283-2

References

1. Aganbegyan, A.G. (2021). *Novoy Rossii – 30 let: Dostizheniya i upushcheniya (sotsialno-ekonomicheskiy analiz)* [The New Russia 30 Years Later: Achievements and Shortcomings (a socioeconomic analysis)]. Moscow, 48.
2. Aganbegyan, A. (2017). Chelovecheskiy kapital i ego glavnaya sostavlyayushchaya – sfera “ekonomiki znaniy” kak osnovnoy istochnik sotsialno-ekonomicheskogo rosta [Human capital and its main component – the “knowledge economy” sphere as the main source of socio-economic growth]. *Ekonomicheskie strategii* [Economic Strategies], Vol. 19, No. 3, 66–79.
3. Arkhipova, M.Yu. & V.P. Sirotin. (2019). Regionalnye aspekty razvitiya informatsionno-kommunikatsionnykh i tsifrovyykh tekhnologiy v Rossii [Development of digital technologies in Russia: regional aspects]. *Ekonomika regiona* [Economy of Regions], Vol. 15, No. 3, 670–683.
4. Bell, D. (1999). *Gryadushchee postindustrialnoe obshchestvo* [The Coming of Post-Industrial Society]. Moscow, Akademiya Publ., 944.
5. Keshelav, A.V. (Ed.). (2017). *Vvedenie v “Tsifrovuyu” ekonomiku* [Introduction to the “Digital” Economy]. Moscow. Available at: <http://spkurdyumov.ru/uploads/2017/07/vvedenie-v-cifrovuyu-ekonomiku-na-poroge-cifrovogo-budushhego.pdf> (date of access: 03.03.2021).
6. Vorontsovskiy, A.V. (2020). Tsifrovizatsiya ekonomiki i ee vliyanie na ekonomicheskoe razvitiye i obshchestvennoye blagosostoyaniye [Digitalization of the economy and its impact on economic development and social welfare]. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Ekonomika* [St. Petersburg University Journal of Economic Studies], Vol. 36, No. 2, 189–216.

7. *Kravchenko, N.A. & V.D. Markova* (Eds.). (2019). Vyzovy tsifrovoy transformatsii i biznes vysokikh tekhnologiy [Challenges of Digital Transformation and High Technology Business]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 351.

8. *Abdrakhmanova, G.I., K.O. Vishnevskiy, L.M. Gokhberg et al.* (2020). Indikatory tsifrovoy ekonomiki: 2020: Stat. sb. [Digital Economy Indicators in the Russian Federation: 2020. A statistical collection]. National Research University "Higher School of Economics". Moscow, NRU HSE Publ., 227.

9. *Sabelnikova, M.A., G.I. Abdrakhmanova, L.M. Gokhberg, O.Yu. Dudorova et al.* (2018). Informatsionnoe obshchestvo: osnovnye kharakteristiki subyektov Rossiyskoy Federatsii: Stat. sb. [Information Society: Main Characteristics of the Subjects of the Russian Federation. A statistical compilation]. Rosstat, National Research University "Higher School of Economics". Moscow, NRU HSE Publ., 216.

10. *Kvasnikova, M.A.* (2020). Tsifrovoe neravenstvo i ego vliyaniye na sotsialno-ekonomicheskoe razvitiye regionov v Rossii [Digital inequality and its impact on the socio-economic development of regions in Russia]. Sotsialno-politicheskie issledovaniya [Social and Political Research], Vol. 1, No. 6, 43–58.

11. *Kravchenko, N.A., S.R. Khalimova & A.I. Ivanova.* (2020). Sektor informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy: tendentsii i determinanty razvitiya [Information and communication technology in Russia: trends and regional development determinants]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 1 (105), 44–76.

12. *Litvintseva, G.P. & I.N. Karelin.* (2020). Effekty tsifrovoy transformatsii ekonomiki i kachestva zhizni naseleniya v Rossii [Effects of digital transformation of the economy and quality of life in Russia]. Terra Economicus, Vol. 18, No. 3, 53–71.

13. *Makarov, V.* (2003). Kontury ekonomiki znaniy [The contours of the knowledge economy]. Ekonomist [Economist], 3, 3–15.

14. *Markova, V.D.* (2019). Tsifrovaya ekonomika: Uchebnik [Digital Economy: Textbook]. Moscow, INFRA-M Publ., 185.

15. *Petrova, E.A., P.V. Bondarenko & A.V. Shipileva.* (2020). Metodicheskie podkhody k otsenke vliyaniya informatsionnykh tekhnologiy na ekonomicheskii rost v regionakh Rossii [Methodological approaches to assessing the impact of information technologies on economic growth in the regions of Russia]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika [Journal of Volgograd State University. Economics], Vol. 22, No. 1, 23–34.

16. *Skinner, K.* (2019). Chelovek tsifrovoy: Chetvertaya revolyutsiya v istorii chelovechestva, kotoraya zatronet kazhdogo [Digital Man. The Fourth Revolution in Human History That Will Affect Everyone]. Transl. from English by O. Sivchenko. Moscow, Mann, Ivanov and Ferber Publ., 304.

17. *Shvetsov, A.N.* (2021). Stanovlenie novoy organizatsii ekonomicheskogo prostranstva Rossii: Opyt gosudarstvennogo regulirovaniya i nauchnykh issledovaniy prostranstvennykh preobrazovaniy [Formation of a New Organization of the Economic

Space of Russia: Experience of State Regulation and Scientific Research of Spatial Transformations]. Moscow, LENAND Publ., 306.

18. *Aldieri, L., M.N. Kotsemir & C.P. Vinci.* (2018). Knowledge spillover effects: empirical evidence from Russian regions. *Quality & Quantity*, Vol. 52, No. 5, 2111–2132.

19. *Anselin, L., A. Varga & Z. Acs.* (1997). Local spillovers between university research and high technology innovations. *Journal of Urban Economics*, 42, 422–448.

20. *Barro, R.J. & X. Sala-i-Martin.* (1995). *Economic Growth*. New York, McGraw-Hill, 539.

21. *Billon, M., F. Lera-Lopes & R. Marco.* (2016). ICT use by households and firms in EU: links and determinants from multivariate perspective. *Review of World Economics*, Vol. 152, No. 4, 629–654.

22. *Castells, M.* (2000). *The Information Age: Economy, Society and Culture*, 2nd ed. Oxford, Blackwell, 594.

23. *Chen, D.H.C. & C.J. Dahlman.* (2005). The Knowledge Economy, the KAM Methodology and World Bank Operations. World Bank Institute Working Paper, No. 37256, 42.

24. *Cooke, P., M. Gomez Uranga & G. Etzebarria.* (1997). Regional innovation systems: institutional and organizational dimensions. *Research Policy*, Vol. 26, No. 4-5, 475–491.

25. *DiMaggio, P., E. Hargittai, C. Celeste & S. Shafer.* (2004). Digital inequality: From unequal access to differentiated use. *Social Inequality*, Vol. 32, No. 4, 245–252.

26. *Durlauf, S.N., P.A. Johnson & J.R.W. Temple.* (2009). The methods of growth econometrics. In: T.C. Mills & K. Patterson. *Palgrave Handbook of Econometrics*. Houndmills, UK, Palgrave Macmillan, 2, 1119–1179.

27. *Fagerberg, J.* (1998). Why growth rates differ. In: G. Dosi, C. Freeman, R. Nelson, G. Silverberg & L. Soete. *Technical Change and Economic Theory*. London, Pinter, 432–457.

28. *Golichenko, O.* (2013). The methodology of national innovation system analysis. In: L. Al-Hakim & C. Jin. *Quality Innovation: Knowledge, Theory and Practices*. Hershey, PA, IGI Publishing, 94–123.

29. *Griliches, Z.* (1979). Issues in assessing the contribution of research and development to productivity growth. *The Bell Journal of Economics*, Vol. 10, No. 1, 92–116.

30. *Hägerstrand, T.* (1967). *Innovation Diffusion as a Spatial Process*. Chicago, University of Chicago Press, 334.

31. *Jaffe, A.B.* (1986). Technological opportunity and spillovers of R&D: Evidence from firms' patents, profit and market share. *American Economic Review*, Vol. 76, 984–1001.

32. *Kaneva, M. & G. Untura.* (2018). Interrelation of R&D, knowledge spillovers, and dynamics of economic growth of Russian regions. *Regional Research of Russia*, Vol. 8, No.1, 78–100.

33. Kaneva, M. & G. Untura. (2019). The impact of R&D and knowledge spillovers on the economic growth of Russian regions. *Growth and Change*, 50, 301–334.
34. Karlsson, C., G. Maier, M. Trippl, I. Siedschlag, R. Owen & G. Myrphay. (2010). ICT and Regional Economic Dynamic: A Literature Review. Available at: https://www.researchgate.net/publication/265496787_ICT_and_Regional_Economic_Dynamics_A_Literature_Review (date of access: 03.03.2021).
35. Marrocu, E., R. Paci & S. Usai. (2013). Proximity, networking and knowledge production in Europe: what lessons for innovation policy? *Technological Forecasting and Social Change*, 80, 1484–1498.
36. Lündvall, B.-Å. (Ed.). (1992). *National Systems of Innovation: Towards a Theory of Innovation and Interactive learning*. London: Pinter Publishers, 342.
37. Negroponte, N. (1995). *Being Digital*. New York, New York Vintage Books, 252.
38. Nelson, R. (1993). *National Innovation Systems: A Comparative Analysis*. New York, Oxford University Press, 541.
39. Rodriguez-Pose, A. & E.M. Villareal Peralta. (2015). Innovation and regional growth in Mexico: 2000–2010. *Growth and Change*. Vol. 46, No. 2, 172–195.
40. Romer, P.M. (1986). Increasing returns and long-run growth. *Journal of Political Economy*, Vol. 94, No. 5, 1002–1037.
41. Tapscott, D. (1995). *The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence*. New York, McGrawHill, 342.
42. Tobler, W. (1970). A computer movie simulating urban growth in Detroit region. *Economic Geography*, 46, 234–240.
43. *Digital Economy Report 2019: Value Creation and Capture: Implications for Developing Countries*. (2019). UNCTAD Available at: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/der2019_en.pdf (date of access: 05.03.2020).

Information about the author

Untura, Galina Afanasievna (Novosibirsk, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Ac. Lavrentiev av., Novosibirsk, 630090, Russia); Professor at Novosibirsk National Research State University (1, Pirogov st., Novosibirsk, 630090, Russia). E-mail: galina.untura@gmail.com.

Поступила в редколлегию 06.05.2022.

После доработки 10.08.2022.

Принята к публикации 15.08.2022.

© Унтура Г.А., 2022

О.В. Черкасова

ОЦЕНКА САМООБЕСПЕЧЕННОСТИ ОСНОВНЫМИ ВИДАМИ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Калининградская область является эксклавным регионом Российской Федерации, что влечет ее уязвимость в политическом и экономическом отношении, а также в самообеспеченности основными видами продовольствия. Невысокая инвестиционная привлекательность сельскохозяйственной отрасли, дефицит кадров и многие другие проблемы ставят под угрозу достижение продовольственной самообеспеченности региона.

Цель настоящего исследования – дать оценку современному состоянию продовольственной самообеспеченности Калининградской области на уровне муниципального образования и выявить узкие места, препятствующие ее достижению. В качестве наиболее репрезентативного взят показатель самообеспеченности по основным видам продуктов питания. Предложена адаптированная методика расчета самообеспеченности для муниципального уровня. При этом использованы рассчитанные показатели необходимых объемов производства в соответствии с рациональными нормами потребления. Это позволило объективно оценить, насколько муниципальные формирования Калининградской области способны обеспечить проживающее там население основными видами продукции.

Полученные результаты показали, что в целом у региона довольно низкий уровень самообеспеченности по основным видам сельскохозяйственной продукции. При этом в нескольких районах не достигнута самообеспеченность ни по одному из рассматриваемых продуктов. Однако многие муниципальные образования, на взгляд автора, обладают потенциалом наращивания производства сельскохозяйственной продукции, о чем свидетельствует рост показателей самообеспеченности про-

довольствием за исследуемый период. Лицам, принимающим решения в отношении развития сельскохозяйственного производства и пищевой промышленности в Калининградской области, стоит усилить поддержку сельхозтоваропроизводителей в перспективных муниципалитетах.

Ключевые слова: продовольственная безопасность; самообеспеченность основными видами продовольствия; Калининградская область; муниципальное образование

Для цитирования: Черкасова О.В. Оценка самообеспеченности основными видами продовольствия муниципальных образований Калининградской области // Регион: экономика и социология. – 2022. – № 4 (116). – С. 59–80. DOI: 10.15372/REG20220403.

ВВЕДЕНИЕ

Для современного периода характерно обострение мировой проблемы обеспечения продовольственной безопасности, вызванное экономическим спадом из-за пандемии COVID-19, изменчивостью климата, экстремальными природными явлениями и деградацией почвенного покрова [22; 24]. При этом особенно уязвимы члены домохозяйств с низким уровнем образования в сельских районах вследствие введения политики изоляции для сдерживания распространения коронавирусной инфекции, а также из-за снижения спроса на производимую ими продукцию со стороны стран-импортеров [14].

Отсутствие продовольственной безопасности тормозит социально-экономическое развитие стран. При этом стоит учитывать, что достижение продовольственной безопасности на национальном уровне определяется ее состоянием в отдельно взятом регионе и муниципальном образовании [2].

Исследователи отмечают, что приграничные регионы отличаются сильной зависимостью от импорта и невысокой покупательной способностью [9]. Калининградская область является эксклавым регионом РФ, а это значит, что данный регион особенно уязвим в отношении политической и экономической безопасности, а следовательно, и продовольственной. Вступление России в ВТО в неравных кон-

курентных условиях у отечественных и зарубежных сельхозтоваропроизводителей усугубило положение сельского хозяйства региона [3].

Долгое время Калининградская область была нетто-импортером продовольствия, и ее перерабатывающая промышленность работала в основном на импортном сырье. Поэтому, по мнению ряда исследователей, введение Россией «продуктового эмбарго» и переход к импортозамещению могут стать основой обеспечения продовольственной безопасности как России, так и Калининградской области [4]. Однако импортозамещение, наряду с положительными последствиями в виде роста производства сельскохозяйственной продукции и наращивания мощностей предприятий региона, привело к росту цен на продукцию в торговых сетях [3].

Калининградская область имеет и определенные преимущества, связанные с приморским положением (позволяющим использовать дешевый морской транспорт для торговых связей с удаленными странами и развивать рыболовство) и близостью экономически развитых государств зарубежной Европы – возможных внешнеэкономических партнеров [5; 11]. Однако сегодня, в условиях обострения политико-экономической обстановки, внешнеторговые отношения между Россией и соседними европейскими государствами затруднены.

В силу вышесказанного цель нашего исследования – дать оценку современному состоянию продовольственной самообеспеченности Калининградской области и выявить узкие места, препятствующие ее достижению.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ ПО ОЦЕНКЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Вопросами обеспечения продовольственной безопасности занимаются многие российские исследователи из ряда государственных учреждений: ФГБНУ ФНЦ ВНИИЭСХ, РАНХиГС, МГУ им. М.В. Ломоносова, Института экономики и организации промышленного производства СО РАН и др. Специалисты этих учреждений участвовали в разработке Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации, осуществляли мониторинг достижений целевых показа-

телей. Помимо этого, проводилось исследование по выявлению роли России в обеспечении продовольственной безопасности стран Центральной Азии. Также была дана оценка влияния климатических изменений на обеспечение глобальной продовольственной безопасности [8; 12; 13]. При определении продовольственной безопасности на уровне регионов Российской Федерации исследователи широко применяют методику комплексной оценки степени региональной продовольственной безопасности, заключающуюся в суммировании оценок основных критериев продовольственной безопасности (физическая и экономическая доступность, достаточность потребления, качество продуктов питания) [7; 10]. При этом достижение продовольственной независимости рассматривается учеными как необходимое условие достижения продовольственной безопасности в приграничных регионах [18].

За рубежом оценка продовольственной безопасности в сельских районах базируется на данных анкетирования населения на основе так называемой «шкалы восприятия отсутствия продовольственной безопасности» (Household Food Insecurity Access Scale, HFIAS), разработанной ФАО ООН и применяемой в 140 странах [15]. В Бразилии применяется своя шкала измерения продовольственной безопасности – EBIA (Escala Brasileira da Insegurança Alimentar) [20; 21].

К основным факторам, влияющим на достижение продовольственной безопасности, относятся экономическая доступность продовольствия и стабильность его получения. В результате возрастающей миграции из сельских районов в города и негативных экологических последствий в виде снижения уровня грунтовых вод в связи с чрезмерным использованием воды для орошения вопросы достижения продовольственной безопасности стоят достаточно остро. Среди мер, направленных на достижение продовольственной безопасности, – развитие образования и организация рабочих мест в сельских районах, а также использование ирригационных сооружений, что будет способствовать повышению уровня доходов населения этих регионов и приобретению качественного и питательного продовольствия [16; 19].

В странах, где среди сельских домохозяйств развито мелкое фермерство, например в Болгарии, способом повышения уровня продо-

вольственной безопасности является увеличение производительности сельхозпроизводства, чтобы можно было реализовать товарный излишек. Однако при этом следует учитывать социально-экономические аспекты, которые способствуют сохранению натурального хозяйства [17].

По мнению некоторых ученых, самообеспеченность регионов отдельными видами продуктов питания может быть оправданной в отдельных случаях, например когда речь идет о малотранспортных продуктах. В остальном такой подход может иметь негативные последствия в виде снижения конкурентоспособности в АПК [9]. Также существует мнение, что необходимо изменить подход к понятию продовольственной безопасности: вместо необходимости достижения продовольственного самообеспечения оно должно предполагать широкий доступ населения к безопасным, высококачественным продуктам питания посредством свободной торговли [23]. Однако применительно к Калининградской области стремление к самообеспеченности по основным видам продуктов питания, на наш взгляд, оправданно в силу вышеуказанных особенностей региона.

Ранее учеными проводились исследования состояния продовольственной безопасности Калининградской области с точки зрения мониторинга показателей, оценки влияния различных факторов, в том числе экономических санкций [1; 5], однако на уровне муниципальных образований данный вопрос не рассматривался.

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ САМООБЕСПЕЧЕННОСТИ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Для целей нашего исследования необходимо было выбрать наиболее репрезентативный показатель, в первом приближении характеризующий продовольственную безопасность на уровне муниципальных образований, для проведения в дальнейшем корреляционного анализа с показателями деградации земель. На наш взгляд, наиболее репрезентативным для оценки продовольственной безопасности на уровне муниципального образования является показатель самообеспеченности. Его синонимом выступает показатель продовольственной не-

зависимости, один из основных индикаторов оценки продовольственной безопасности согласно новой редакции Доктрины продовольственной безопасности РФ. Продовольственная независимость определяется как уровень самообеспечения в процентах, рассчитываемый как отношение объема отечественного производства сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия к объему его внутреннего потребления и имеющий пороговые значения¹.

Ранее автором и коллегами была предложена и апробирована адаптированная методика расчета самообеспеченности на уровне муниципального образования, заключающаяся в замене показателя потребления основных видов продовольствия на необходимые объемы производства продуктов питания в соответствии с рациональными нормами². Это обусловлено, во-первых, отсутствием открытых данных по потреблению продуктов в муниципалитетах и торговле. Во-вторых, такой способ расчетов, на наш взгляд, позволяет реально оценить, насколько муниципальное формирование способно обеспечить проживающее там население продовольствием, а также выявить узкие места с целью разработки предложений для их устранения. Однако рассчитываемый нами показатель «самообеспеченность» является достаточно условным, потому что мы используем производственные данные из-за отсутствия реальных показателей торговли между районами и личного потребления.

Показатель продовольственной самообеспеченности рассчитывался следующим образом. Прежде всего были рассчитаны необ-

¹ См.: *Доктрина* продовольственной безопасности Российской Федерации. Утв. Указом Президента Российской Федерации от 21 января 2020 г. № 20. – URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/m3e3nT1OeMgKkQMA48rcd9DR9egAeZWT.pdf>.

² См.: Черкасова О.В., Строков А.С., Цветнов Е.В., Макаров О.А. Оценка продовольственной безопасности муниципальных образований Волгоградской области // *Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий*. – 2020. – № 8. – С. 42–48. DOI: 10.31442/0235-2494-2020-0-8-42-48; Черкасова О.В., Строков А.С., Цветнов Е.В. и др. Особенности оценки продовольственной безопасности муниципальных образований Пензенской области // *Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий*. – 2021. – № 12. – С. 36–43. DOI: 10.31442/0235-2494-2021-0-12-36-43.

ходимые объемы производства (P_n , тыс. т) основных видов продуктов питания, среди которых картофель, овощи и бахчевые, фрукты и ягоды, мясо, молоко, в соответствии с рациональными нормами потребления³ по формуле

$$P_n = \frac{N \cdot NP}{1000}, \quad (1)$$

где N – численность населения, тыс. чел.; NP – рациональные нормы потребления, кг/чел./год.

Далее рассчитывался показатель самообеспеченности по формуле

$$C = \frac{P}{P_n} \cdot 100, \quad (2)$$

где C – самообеспеченность, %; P – объем производства продукции, тыс. т; P_n – необходимый объем производства, тыс. т.

Однако фактические показатели производства таких видов продукции, как картофель и мясо, для Калининградской области необходимо скорректировать с помощью поправочных коэффициентов. В случае картофеля это обусловлено тем, что в соответствии с данными баланса продовольственных ресурсов по Калининградской области около 70% произведенного картофеля поступает на личное потребление, остальное используется в качестве посевного материала, т.е. поступает на производственное потребление, и идет в запасы. Таким образом, расчет поправочного коэффициента по картофелю производился с использованием показателей баланса по картофелю в Калининградской области по формуле

$$k_k = \frac{ЛП}{П}, \quad (3)$$

где k_k – поправочный коэффициент для показателей производства картофеля; $ЛП$ – личное потребление картофеля, тыс. т; $П$ – производство картофеля, тыс. т.

³ См.: *Рациональные нормы потребления пищевых продуктов*. – URL: <https://www.rosminzdrav.ru/opendata/7707778246-normpotrebproduct/visual>.

Таблица 1

Расчет поправочных коэффициентов (k_k) для производственных показателей по картофелю в Калининградской области

Показатель	2010	2015	2019
Производство, тыс. т	143,3*	149,5**	137,2**
Личное потребление, тыс. т	103,6*	110,7**	97,2**
Поправочный коэффициент k_k	0,72	0,74	0,71

Источник: рассчитано автором с использованием данных: * – Балансы продовольственных ресурсов. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13277> ; ** – Калининградская область в цифрах. 2020: Стат. сб.: В 2 т. / Калининградстат. – Калининград, 2020. – Т. 2.

Далее производственные показатели по картофелю из муниципальной статистики Калининградской области пересчитывались с учетом поправочных коэффициентов, приведенных в табл. 1, по формуле

$$P_k = P \cdot k_k, \quad (4)$$

где P_k – объем производства с учетом поправочного коэффициента для картофеля k_k , тыс. т; P – производство картофеля, тыс. т; k_k – поправочный коэффициент для картофеля.

Таким образом, в следующей формуле для расчета самообеспеченности по картофелю мы использовали показатель P_k :

$$C = \frac{P_k}{P_n} \cdot 100, \quad (5)$$

где C – самообеспеченность, %; P_k – объем производства картофеля с учетом поправочного коэффициента k_k , тыс. т; P_n – необходимый объем производства картофеля, тыс. т.

Обоснованием для введения поправочного коэффициента, с тем чтобы скорректировать показатель производства мяса (скота и птицы) с целью включения его в формулу для расчета самообеспеченности, является то, что для муниципальных образований Калининградской области предоставляются показатели производства мяса в живом весе, которые необходимо пересчитать в показатели мяса в убойной массе, используя данные Федеральной службы государственной статистики. Рассчитаем поправочные коэффициенты для мяса по формуле

$$k_{\text{м}} = \frac{\text{Пж}}{\text{Пу}}, \quad (6)$$

где $k_{\text{м}}$ – поправочный коэффициент для мяса; Пж – производство мяса в живом весе, тыс. т; Пу – производство мяса в убойной массе, тыс. т.

Далее производственные показатели по мясу из муниципальной статистики Калининградской области были пересчитаны с учетом поправочных коэффициентов, приведенных в табл. 2, по формуле

$$\text{Пм} = \frac{\text{П}}{k_{\text{м}}}, \quad (7)$$

где Пм – объем производства с учетом поправочного коэффициента для мяса $k_{\text{м}}$, тыс. т; П – производство мяса, тыс. т; $k_{\text{м}}$ – поправочный коэффициент для мяса.

Таким образом, в следующей формуле для расчета самообеспеченности по мясу мы использовали показатель Пм:

$$C = \frac{\text{Пм}}{\text{Пн}} \cdot 100, \quad (8)$$

где С – самообеспеченность, %; Пм – объем производства мяса с учетом поправочного коэффициента $k_{\text{м}}$, тыс. т; Пн – необходимый объем производства мяса, тыс. т.

Таблица 2

Расчет поправочных коэффициентов ($k_{\text{м}}$) для производственных показателей по мясу в Калининградской области

Показатель	2010	2015	2018
Производство скота и птицы на убой в живом весе в хозяйствах всех категорий, тыс. т	49,1*	71,1*	82,0**
Производство скота и птицы на убой в убойной массе в хозяйствах всех категорий, тыс. т	34,1*	54,3*	62,7**
Поправочный коэффициент $k_{\text{м}}$	1,44	1,31	1,31

Источник: составлено автором с использованием данных: * – [6]; ** – URL: [https://kaliningrad.gks.ru/storage/mediabank/Производство%20основных%20продуктов%20животноводства\(22\).pdf](https://kaliningrad.gks.ru/storage/mediabank/Производство%20основных%20продуктов%20животноводства(22).pdf).

В отношении таких продуктов, как овощи, фрукты и ягоды, молоко, на наш взгляд, нет оснований применять поправочные коэффициенты, поскольку в этих случаях высока доля импортируемой продукции и трудно исключить те объемы, которые не поступают на личное потребление.

Стоит отметить, что показатели самообеспеченности по хлебным продуктам, сахару и растительному маслу мы не рассчитывали, так как в муниципальной статистике отсутствуют производственные показатели по данным видам продукции.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

В настоящее время сельское хозяйство Калининградской области испытывает серьезные вызовы в связи с необходимостью наращивания внутрирегионального производства сельскохозяйственной продукции из-за ухода с рынка ряда западных поставщиков в рамках политики введения Россией контрсанкций.

В 2019 г. доля Калининградской области в общей стоимости произведенной продукции сельского хозяйства в РФ в целом составила всего 0,7%⁴, или 40,8 млрд руб. Общий размер посевных площадей Калининградской области в 2020 г. во всех категориях хозяйств насчитывал 287,4 тыс. га, увеличившись за последние 10 лет вдвое. Современная структура посевов в регионе выглядит следующим образом: около половины (47,8%) приходится на зерновые и зернобобовые культуры, 33% занято кормовыми культурами, 16% – техническими, 3% – картофелем и овощами.

В Калининградской области отмечаются одни из самых высоких показателей урожайности среди субъектов Северо-Западного федерального округа. Так, урожайность зерновых и зернобобовых в регионе в 2020 г. составила 52,6 ц/га, увеличившись за последние 10 лет на 40%, урожайность картофеля выросла на 13%. Повышение урожайности сельскохозяйственных культур в Калининградской области

⁴ Рассчитано по: *Россия в цифрах. 2020: Крат. стат. сб. / Росстат.* – М., 2020; *Калининградская область в цифрах. 2021: Крат. стат. сб. / Калининградстат.* – Калининград, 2021.

произошло во многом за счет увеличения объема вносимых минеральных и органических удобрений.

Благодаря строительству новых животноводческих комплексов в отраслях молочного и мясного скотоводства, строительству свиноводческих и птицеводческих комплексов на территории Калининградской области наблюдается динамичный рост валового производства молока и мяса. С 2012 по 2020 г. ежегодное валовое производство молока в области выросло до 184,4 тыс. т, или на 24%. Высокий технологический уровень сельхозпредприятий дает возможность наиболее эффективно использовать генетический потенциал сельскохозяйственных животных, что отражается на увеличении продуктивных показателей. По итогам работы за 2019 г. в сельскохозяйственных организациях области, не относящихся к субъектам малого и среднего предпринимательства, надой на одну фуражную корову составил 8 764 кг, что выводит область в тройку лидеров по данному показателю среди регионов России⁵.

В рамках данного исследования стояла задача оценить уровень самообеспеченности по основным видам продуктов питания в муниципальных образованиях Калининградской области. Приведем пример расчета самообеспеченности по основным видам сельскохозяйственной продукции в одном из муниципальных образований области – Багратионовском районе (табл. 3).

Данные табл. 3 показывают, что в Багратионовском районе в 2019 г. была достигнута самообеспеченность по картофелю и овощам в соответствии с пороговыми значениями Доктрины продовольственной безопасности РФ, в то время как по мясу и молоку обеспеченность составила только 32 и 45% соответственно. Однако такие показатели, на наш взгляд, свидетельствуют об имеющемся потенциале роста производства названных видов продукции, тем более что в предыдущие периоды эти показатели были выше.

Были рассчитаны показатели самообеспеченности по основным видам продукции для каждого из 20 муниципальных районов Калининградской области за три года – 2010, 2015 и 2019 гг.

⁵ См.: В Калининградской области открыт новый молочный комплекс. 16 июля 2020 г. – URL: <https://gov39.ru/press/208097/>.

Таблица 3

Расчет самообеспеченности по основным видам продуктов питания в Багратионовском районе Калининградской области

Вид продукции	Год	Объем произ-водства, тыс. т		Рацио-нальные нормы, кг/чел./год	Числен-ность насе-ления, тыс. чел.	Необходимые объемы произ-водства в соот-ветствии с ра-циональными нормами, тыс. т	Само-обеспе-ченность, %	Уровень само-обеспеченности по Доктрине продовольств. безопасности, %	Соответствие значениям Доктрины продовольств. безопасности
		Факт.	С учетом коэффици-циента						
Картофель	2010	7,6	5,5	90	32,5	2,9	187	95	Соотв.
	2015	12,7	9,4		34,1	3,1	306		Соотв.
	2019	13,4	9,5		32,8	3,0	322		Соотв.
Овощи	2010		3,7	140	32,5	4,6	81	90	Не соотв.
	2015		3,7		34,1	4,8	78		Не соотв.
	2019		8,1		32,8	4,6	176		Соотв.
Мясо	2010	1,5	1,0	73	32,5	2,4	44	85	Не соотв.
	2015	1,1	1,0		34,1	2,5	34		Не соотв.
	2019	1,0	1,0		32,8	2,4	32		Не соотв.
Молоко	2010		8,4	325	32,5	10,6	80	90	Не соотв.
	2015		5,2		34,1	11,1	47		Не соотв.
	2019		4,8		32,8	10,7	45		Не соотв.

Источник: рассчитано автором с использованием данных: *Балансы продовольственных ресурсов* – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13277>; *Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации*. Утв. Указом Президента Российской Федерации от 21 января 2020 г. № 20. – URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/m3e3nT1OeMgKkQMA48rCd9DR9egAeZWt.pdf>; *Рациональные нормы потребления пищевых продуктов*. – URL: <https://minzdrav.gov.ru/opendata/7707778246-normpotrebreproduct/visual>; *База данных показателей муниципальных образований*. – URL: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/>.

Стоит отметить, что в целом уровень обеспеченности продовольствием по сельскохозяйственным продуктам, для производства которых в области имеются благоприятные условия, недостаточно высок, кроме такого вида продукции, как картофель. За исключением нескольких районов – Балтийского, Калининградского, Пионерского, Светловского, Светлогорского и Советского, самообеспеченность по картофелю достигнута. Более того, в названных районах не достигнута самообеспеченность ни по одному из рассматриваемых продуктов. Наиболее благополучным по самообеспеченности продовольствием является Славский район.

Самообеспеченность овощами в 2019 г. в Гусевском, Зеленоградском, Краснознаменском, Неманском, Нестеровском, Озерском, Пионерском, Полесском, Правдинском и Янтарном районах недостаточна, но указывает на потенциал развития производства данного вида продукции (рис. 1).

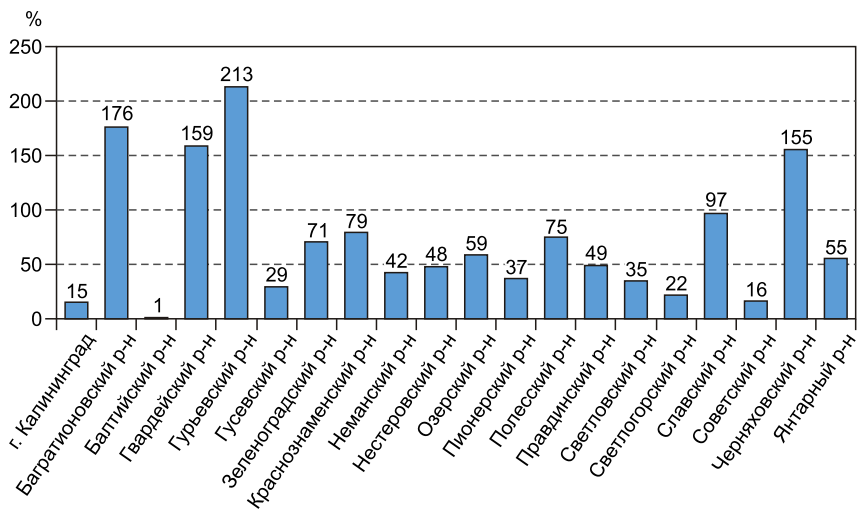

Рис. 1. Самообеспеченность овощами в муниципальных образованиях Калининградской области, 2019 г.

Источник: расчеты автора по формуле (2) с использованием данных Росстата и Росминздрава

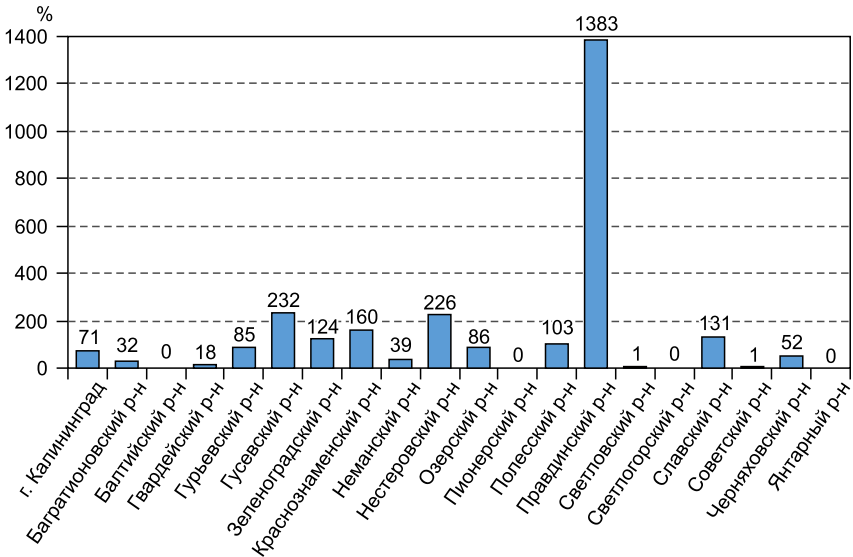

Рис. 2. Самообеспеченность мясной продукцией в муниципальных образованиях Калининградской области, 2019 г.

Источник: расчеты автора по формуле (8) с использованием данных Росстата и Росминздрава

Потенциал производства мяса существует в таких районах, как Багратионовский, Калининградский, Неманский и Черняховский (рис. 2). Рост производства молока возможен в Багратионовском, Гвардейском, Гурьевском, Гусевском, Зеленоградском, Правдинском и Черняховском районах (рис. 3).

В Калининградской области есть все условия для производства в количестве, достаточном для удовлетворения внутренних потребностей региона, такой продукции, как молоко, мясо, овощи. Принятая целевая программа области «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия в Калининградской области на 2013–2020 годы» показала свою эффективность в виде роста производства и продовольственной самообеспеченности в таких районах, как Краснознаменский, Нестеровский, Озерский, Полесский и Славский.

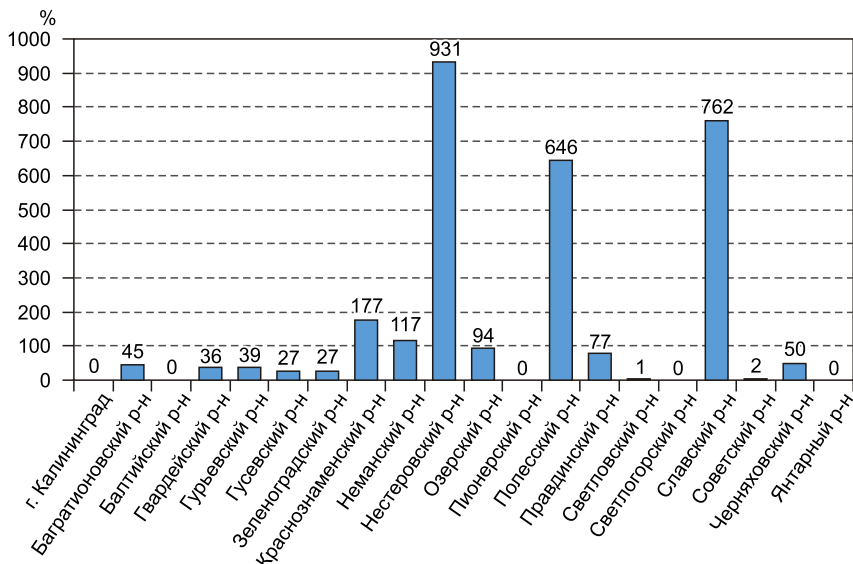

Рис. 3. Самообеспеченность молочной продукцией в муниципальных образованиях Калининградской области, 2019 г.

Источник: расчеты автора по формуле (2) с использованием данных Росстата и Росминздрава

Наиболее перспективным направлением в Калининградской области является овощеводство, чему способствует введение в эксплуатацию высокотехнологичных круглогодичных тепличных комплексов, ориентированных на выращивание томатов, огурцов, зеленных культур. Развитие животноводства, особенно молочного скотоводства, «которое позволит в будущем обеспечить повышение уровня удовлетворения спроса на молоко и молочные продукты за счет местного производства, что даст возможность повысить доходы и занятость сельского населения региона», также крайне необходимо в Калининградской области в связи с низкой самообеспеченностью населения данной продукцией [6, с. 78]. В отрасли запланировано в ближайшее время реализовать несколько соответствующих инвестиционных проектов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Особенность Калининградской области как эксклавного региона РФ, по нашему мнению, определяет необходимость достижения продовольственной безопасности как одной из основных гарантий экономической безопасности региона. Поэтому нам представлялось важным оценить самообеспеченность основными видами сельскохозяйственной продукции на уровне муниципальных образований, чтобы получить более детальную оценку продовольственной безопасности региона, выявить узкие места и точки роста.

Сельское хозяйство Калининградской области на протяжении последних лет прошло через ряд испытаний, связанных со вступлением России в ВТО, введением санкций и последствиями пандемии COVID-19. Спад производства, обусловленный открытием продовольственного рынка и импортом более дешевой продукции, сменился необходимостью наращивания производства внутри региона после ухода с рынка зарубежных поставщиков в рамках контрсанкционных мер. В этих условиях наиболее благоприятные тенденции роста в Калининградской области продемонстрировали овощеводство и животноводство – во многом благодаря государственной поддержке.

Результаты исследования показали, что в целом регион отличается довольно низким уровнем самообеспеченности по основным видам сельскохозяйственной продукции. Однако многие районы, на наш взгляд, обладают потенциалом наращивания производства продукции как овощеводства, так и животноводства (мясное и молочное скотоводство, свиноводство, птицеводство), о чем свидетельствует рост показателей самообеспеченности с 2010 г. Стоит подчеркнуть, что благодаря наличию в регионе селекционно-генетических центров достигается независимость от импорта племенных животных.

Для поддержания темпов роста сельскохозяйственного производства с целью достижения продовольственной безопасности Калининградской области, на наш взгляд, следует акцентировать внимание на государственной поддержке сельхозтоваропроизводителей в рамках соответствующих целевых программ.

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ
(проект № 19-29-05021 мк «Экономика деградации земель
и продовольственная безопасность регионов России»)*

Список источников

1. *Зорина А.И.* Влияние санкционной политики на продовольственную безопасность региона на примере молочной отрасли Калининградской области // Управление инвестициями и инновациями. – 2018. – № 2. – С. 37–42. DOI: 10.14529/iimj180206.
2. *Китаев Ю.А., Пак З.Ч., Рудая Ю.Н.* Региональные аспекты продовольственной безопасности // Terra Eсonomіcus. – 2013. – Т. 11, № 2, ч. 3. – С. 92–95.
3. *Козляковская Е.Я.* Первые результаты политики импортозамещения особой территории (на примере Калининградской области) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. – 2018. – № 1. – С. 36–43.
4. *Никифорова И.В.* Импортная продовольственная зависимость как угроза продовольственной безопасности Калининградской области // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2015. – Вып. 3. – С. 84–90.
5. *Никифорова И.В.* Формирование системы мониторинга продовольственной безопасности (на примере Калининградской области) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2009. – Вып. 3. – С. 111–115.
6. *Никифорова И.В., Пурыжова Л.В.* Современное состояние сельского хозяйства Калининградской области // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. – 2017. – № 2. – С. 74–82.
7. *Оловянных Д.Г.* Методика оценки продовольственной безопасности региона на примере Республики Бурятия // Известия ИГЭФ. – 2009. – № 3 (65). – С. 60–63.
8. *Патцов А.Г., Шеламова Н.А.* Глобальная продовольственная безопасность в условиях климатических изменений. – М.: РАН, 2018. – 132 с.
9. *Проблемы экономической безопасности регионов Западного побережья России* / Под ред. проф. Г.М. Федорова. – Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2019. – 267 с.
10. *Сипиц С.О., Романенко И.А., Евдокимова Н.Е.* Особенности оценки региональной продовольственной безопасности // Никоновские чтения: Мат. междунар. науч.-практ. конф., посв. 95-летию академика А.А. Никонова. – 2013. – № 18. – С. 17–22.
11. *Федоров Г.М.* Оценка уровня экономической безопасности эксклавного региона России – Калининградской области // Балтийский регион. – 2020. – Т. 12, № 3. – С. 40–54. DOI: 10.5922/2079-8555-2020-3-3.
12. *Цветнов Е., Ромашкин Р., Белугин А., Черкасова О., Авдеев М.* Роль России в обеспечении продовольственной безопасности стран Центральной Азии // АПК: экономика, управление. – 2019. – № 7. – С. 84–94.
13. *Щетинина И.В., Калугина З.И., Фадеева О.П., Чупин Р.И.* Продовольственная безопасность России в условиях глобализации и международных ограничений. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2019. – 264 с. – URL: http://lib.ieie.nsc.ru/docs/2019/Prodovolstvennaya_Bezopasnost_Rossii2019.pdf (дата обращения: 14.02.2022).

14. *Arndt C., Davies R., Gabriel S. et al.* Covid-19 lockdowns, income distribution, and food security: An analysis for South Africa // *Global Food Security*. – 2020. – Vol. 26. – P. 1–5. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.gfs.2020.100410> (дата обращения: 14.02.2022).
15. *Coates J., Swindale A., Bilinsky P.* Household Food Insecurity Access Scale (HFIAS) for Measurement of Household Food Access: Indicator Guide (version 3). – Washington, D.C.: FHI 360/FANTA, 2007. – 29 p.
16. *Dehrashid A., Bijani M., Valizadeh N., Dehrashid H., Nasrollahizadeh B., Mohammadi A.* Food security assessment in rural areas: evidence from Iran // *Agriculture & Food Security*. – 2021. – Vol. 10, No. 17. – P. 1–18. – URL: <https://doi.org/10.1186/s40066-021-00291-z> (дата обращения: 14.02.2022).
17. *Fredriksson L., Rizov M., Davidova S., Bailey A.* Smallholder farms in Bulgaria and their contributions to food and social security // *Sustainability*. – 2021. – No. 13 (14). – 7635. – URL: <https://doi.org/10.3390/su13147635> (дата обращения: 14.02.2022).
18. *Gubarkov S.V., Zhupley I.V., Tretyak N.A.* Food independence as key component of food security of the Far Eastern Federal District // *IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci.* – March 2021. – 666(5):052042. – URL: https://www.researchgate.net/publication/349940859_Food_Independence_as_Key_Component_of_Food_Security_of_the_Far_Eastern_Federal_District (дата обращения: 14.02.2022). DOI: 10.1088/1755-1315/666/5/052042.
19. *Nkemi L., Herman D.N., Mubeteneh T.C., Nkengafac N.J.* Analysis of small scale farmers households food security in the Mount Bamboutos ecosystem // *Journal of Food Security*. – 2021. – No. 9 (2). – P. 56–61. – URL: <https://doi.org/10.12691/jfs-9-2-3> (дата обращения: 14.02.2022).
20. *Pérez-Escamilla R., Segall-Corrêa A.M.* Food insecurity measurement and indicators // *Rev. Nutr., Campinas*. – 2008. – No. 21 (Suplemento). – P. 15–26.
21. *Segall-Corrêa A.M., Marin-León L., Melgar-Quiñonez H., Pérez-Escamilla R.* Refinement of the Brazilian household food insecurity measurement scale: recommendation for a 14-item EBIA. – URL: <https://doi.org/10.1590/1415-52732014000200010> (дата обращения: 14.02.2022).
22. *The State of Food Security and Nutrition in the World 2020: Transforming Food Systems for Affordable Healthy Diets*. – Rome: FAO, 2020. – 320 p. – URL: <https://doi.org/10.4060/ca9692en> (дата обращения: 14.02.2022).
23. *Uzun V., Shagaida N., Lerman Z.* Russian agriculture: Growth and institutional challenges // *Land Use Policy*. – 2019. – Vol. 83. – P. 475–487. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2019.02.018> (дата обращения: 14.02.2022).
24. *2021. Global Food Policy Report: Transforming Food Systems after COVID-19*. – Washington, DC: International Food Policy Research Institute (IFPRI), 2021. – 124 p. – URL: <https://doi.org/10.2499/9780896293991> (дата обращения: 14.02.2022).

Информация об авторе

Черкасова Ольга Владимировна (Россия, Москва) – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ФГБНУ «Федеральный научный центр аграрной экономики и социального развития сельских территорий – Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства» (123007, Москва, Хорошевское шоссе, 35, корп. 2). E-mail: ok_kamen@mail.ru.

DOI: 10.15372/REG20220403

Region: Economics & Sociology, 2022, No. 4 (116), p. 59–80

O.V. Cherkasova

ASSESSING SELF-SUFFICIENCY IN BASIC FOODSTUFFS FOR MUNICIPALITIES OF KALININGRAD OBLAST

Kaliningrad Oblast is an exclave region of the Russian Federation, which means its vulnerability in political and economic terms, as well as in self-sufficiency in basic foodstuffs. Low investment attractiveness of the farming industry, staff shortage and many other issues jeopardize food self-sufficiency in the region.

The aim of our study is to assess the current state of food self-sufficiency for Kaliningrad Oblast at the municipal level and to identify bottlenecks hindering its achievement. The indicator of self-sufficiency in basic foodstuffs is taken as the most representative one. The author has proposed an adapted method for calculating municipality self-sufficiency. We use calculated indicators of the required production volumes in accordance with rational consumption standards. This made it possible to obtain an objective assessment of how the municipal formations in Kaliningrad Oblast can provide their residents with basic types of products.

The results obtained have showed that the region as a whole has a rather low level of self-sufficiency in the primary agricultural produce. At the same time, several districts have not achieved self-sufficiency in any of the foodstuffs under consideration. However, we believe that many municipalities have the capacity to increase agricultural production, as evidenced by the growth of self-sufficiency indicators over the studied period. The decision-makers regarding the development of agricultural production and food industry in Kaliningrad Oblast should strengthen the support for agricultural producers in promising municipalities.

Keywords: food security; self-sufficiency in basic foodstuffs; Kaliningrad Oblast; municipality

For citation: *Cherkasova, O.V. (2022). Otsenka samoobespechennosti osnovnymi vidami prodovolstviya munitsipalnykh obrazovaniy Kaliningradskoy oblasti [Assessing self-sufficiency in basic foodstuffs for municipalities of Kaliningrad Oblast]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 4 (116), 59–80. DOI: 10.15372/REG20220403.*

The article was prepared with the financial support of RFBR (project No. 19-29-05021 mk “Economics of land degradation and food security of Russian regions”)

References

1. *Zorina, A.I. (2018). Vliyanie sanktsionnoy politiki na prodovolstvennyuyu bezopasnost regiona na primere molochnoy otrasli Kaliningradskoy oblasti [The impact of sanctions policy on food security in the region on the example of dairy industry in Kaliningrad region]. Upravlenie investitsiyami i innovatsiyami [Investment and Innovation Management Journal], 2, 37–42. DOI: 10.14529/iimj180206.*
2. *Kitaev, Yu.A., Z.Ch. Pak & Yu.N. Rudaya. (2013). Regionalnye aspekty prodovolstvennoy bezopasnosti [Regional aspects of food security]. Terra Economicus, Vol. 11, No. 2, Part 3, 92–95.*
3. *Kozlyakovskaya, E.Ya. (2018). Pervye rezultaty politiki importozameshcheniya osoboy territorii (na primere Kaliningradskoy oblasti) [First results of the import substitution policy in the Kaliningrad region]. Vestnik Baltiyskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta. Ser.: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki [Vestnik IKBFU. Humanities And Social Sciences], 1, 36–43.*
4. *Nikiforova, I.V. (2015). Importnaya prodovolstvennaya zavisimost kak ugroza prodovolstvennoy bezopasnosti Kaliningradskoy oblasti [Import food dependence as a threat to food security of the Kaliningrad region]. Vestnik Baltiyskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta [Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University], 3, 84–90.*
5. *Nikiforova, I.V. (2009). Formirovanie sistemy monitoringa prodovolstvennoy bezopasnosti (na primere Kaliningradskoy oblasti) [Formation of monitoring system for food security (at the example of the Kaliningrad region)]. Vestnik Baltiyskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta [Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University], 3, 111–115.*
6. *Nikiforova, I.V. & L.V. Puryzhova. (2017). Sovremennoe sostoyanie selskogo khozyaystva Kaliningradskoy oblasti [Current state of agriculture of the Kaliningrad region]. Vestnik Baltiyskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta. Ser.: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki [Vestnik IKBFU. Humanities And Social Sciences], 2, 74–82.*

7. *Olovyannikov, D.G.* (2009). Metodika otsenki prodovolstvennoy bezopasnosti regiona na primere Respubliki Buryatiya [Methodology for assessing regional food security by the example of the Republic of Buryatia]. *Izvestiya IGEF [IGEF Bulletin]*, 3 (65), 60–63.
8. *Papstov, A.G. & N.A. Shelamova.* (2018). Globalnaya prodovolstvennaya bezopasnost v usloviyakh klimaticheskikh izmeneniy [Global Food Security in the Context of Climate Change]. Moscow, Russian Academy of Sciences Publ., 132.
9. *Fedorov, G.M.* (Ed.). (2019). Problemy ekonomicheskoy bezopasnosti regionov Zapadnogo porubezhya Rossii [Problems of Economic Security in the Regions of the Western Frontier of Russia: Monograph]. Kaliningrad, Immanuel Kant Baltic Federal University Publ., 267.
10. *Siptits, S.O., I.A. Romanenko & N.E. Evdokimova.* (2013). Osobennosti otsenki regionalnoy prodovolstvennoy bezopasnosti [Peculiarities of Assessing Regional Food Security]. *Nikonovskie chteniya: Mat. mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posv. 95-letiyu akademika A.A. Nikonova [Nikonov Readings: Materials of the international scientific-practical conference devoted to the 95th anniversary of Academician A.A. Nikonov]*, 18, 17–22.
11. *Fedorov, G.M.* (2020). Otsenka urovnya ekonomicheskoy bezopasnosti eksklavnogo regiona Rossii – Kaliningradskoy oblasti [On the economic security of Russia's Kaliningrad exclave]. *Baltiyskiy region [Baltic Region]*, Vol. 12, No. 3, 40–54. DOI: 10.5922/2079-8555-2020-3-3.
12. *Tsvetnov, E., R. Romashkin, A. Belugin, O. Cherkasova & M. Avdeev.* (2019). Rol Rossii v obespechenii prodovolstvennoy bezopasnosti stran Tsentralnoy Azii [A role of Russia in ensuring food security of the countries of Central Asia]. *APK: ekonomika, upravlenie [AIC: Economics, Management]*, 7, 84–94.
13. *Shchetinina, I.V., Z.I. Kalugina, O.P. Fadeeva & R.I. Chupin.* (2019). Prodovalstvennaya bezopasnost Rossii v usloviyakh globalizatsii i mezhdunarodnykh ograniчений [Food Security of Russia in the Context of Globalization and International Restrictions]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 264. Available at: http://lib.ieie.nsc.ru/docs/2019/Prodovolstvennaya_Bezopasnost_Rossii2019.pdf (date of access: 14.02.2022).
14. *Arndt, C., R. Davies, S. Gabriel et al.* (2020). Covid-19 lockdowns, income distribution, and food security: An analysis for South Africa. *Global Food Security*, 26, 1–5. Available at: doi.org/10.1016/j.gfs.2020.100410 (date of access: 14.02.2022).
15. *Coates, J., A. Swindale & P. Bilinsky.* (2007). Household Food Insecurity Access Scale (HFIAS) for Measurement of Household Food Access: Indicator Guide (version 3). Washington, D.C., FHI 360/FANTA, 29.
16. *Dehrashid, A., M. Bijani, N. Valizadeh, H. Dehrashid, B. Nasrollahizadeh & A. Mohammadi.* (2021). Food security assessment in rural areas: evidence from Iran. *Agric. & Food Secur.* 10, 17, 1–18. Available at: <https://doi.org/10.1186/s40066-021-00291-z> (date of access: 14.02.2022).
17. *Fredriksson, L., M. Rizov, S. Davidova & A. Bailey.* (2021). Smallholder farms in Bulgaria and their contributions to food and social security. *Sustainability*, 13 (14), 7635. Available at: <https://doi.org/10.3390/su13147635> (date of access: 14.02.2022).

18. *Gubarkov, S.V., I.V. Zhupley & N.A. Tretyak.* (2021). Food independence as key component of food security of the Far Eastern Federal District. IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci., March, 666(6):052042. Available at: https://www.researchgate.net/publication/349940859_Food_Independence_as_Key_Component_of_Food_Security_of_the_Far_Eastern_Federal_District (date of access: 14.02.2022). DOI: 10.1088/1755-1315/666/5/052042.
19. *Nkambi, L., D.N. Herman, T.C. Mubeteneh & N.J. Nkengafac.* (2021). Analysis of small scale farmers households food security in the Mount Bamboutos ecosystem. *Journal of Food Security*, 9 (2), 56–61. Available at: <https://doi.org/10.12691/jfs-9-2-3> (date of access: 14.02.2022).
20. *Pérez-Escamilla, R. & A.M. Segall-Corrêa.* (2008). Food insecurity measurement and indicators *Rev. Nutr.*, Campinas, 21 (Suplemento), 15–26.
21. *Segall-Corrêa, A.M., L. Marin-León, H. Melgar-Quiñonez & R. Pérez-Escamilla.* (2014). Refinement of the Brazilian household food insecurity measurement scale: recommendation for a 14-item EBIA. Available at: <https://doi.org/10.1590/1415-52732014000200010> (date of access: 14.02.2022).
22. *The State of Food Security and Nutrition in the World 2020: Transforming Food Systems for Affordable Healthy Diets.* (2020). Rome, FAO, 320. Available at: <https://doi.org/10.4060/ca9692en> (date of access: 14.02.2022).
23. *Uzun, V., N. Shagaida & Z. Lerman.* (2019). Russian agriculture: Growth and institutional challenges. *Land Use Policy*, 83, 475–487. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2019.02.018> (date of access: 14.02.2022).
24. *2021 Global Food Policy Report: Transforming Food Systems after COVID-19.* (2021). Washington, DC, International Food Policy Research Institute (IFPRI), 124. Available at: <https://doi.org/10.2499/9780896293991> (date of access: 14.02.2022).

Information about the author

Cherkasova, Olga Vladimirovna (Moscow, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher at the Federal Research Center of Agrarian Economy and Social Development of Rural Areas – All-Russian Research Institute of Agricultural Economics (bld. 2, 35, Horoshevskoe highway, Moscow, 123007, Russia). E-mail: ok_kamen@mail.ru.

Поступила в редколлегию 01.03.2022.

После доработки 15.04.2022.

Принята к публикации 21.04.2022.

© Черкасова О.В., 2022

УДК 364.1

Регион: экономика и социология, 2022, № 4 (116), с. 81–106

М.М. Низамутдинов, В.В. Орешников

МОДЕЛИРОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ НА РОЖДАЕМОСТЬ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Проблема демографического развития России и ее регионов является актуальной уже много лет и, вероятно, останется такой в обозримой перспективе. Более того, совокупность разнородных факторов приводит к ухудшению ситуации в сфере рождаемости. Гипотеза исследования заключается в том, что уровень развития социальной инфраструктуры в значительной степени определяет динамику показателя рождаемости.

Целью исследования являются анализ изменения уровня рождаемости в регионах России и формирование прогноза на среднесрочную перспективу. В статье сделан обзор литературы по рассматриваемой проблеме, проведен анализ уровня рождаемости и изменения репродуктивного поведения в стране, выполнены группировка и ранжирование регионов, разработана эконометрическая модель влияния уровня развития социальной инфраструктуры на рождаемость, сформирован сценарный прогноз развития ситуации в сфере рождаемости в регионах России. Показано, что снижение рождаемости обусловлено комплексом причин, многие из которых поддаются корректировке в весьма ограниченной мере. Прогноз развития ситуации по различным сценариям предполагает сохранение относительно низкого уровня рождаемости до 2024 г. даже в наиболее благоприятных условиях. В совокупности с другими факторами это усиливает угрозы для устойчивого демографического развития страны в целом.

Предложенный инструментарий может помочь принимать научно обоснованные решения в рамках практической деятельности органов государственного управления при реализации регулирующих мер в области социальной и демографической политики.

Ключевые слова: рождаемость; репродуктивное поведение; регионы России; социальная инфраструктура; корреляционно-регрессионный анализ; экономико-математическое моделирование; сценарное прогнозирование

Для цитирования: Низамутдинов М.М., Орешников В.В. Моделирование влияния социальной инфраструктуры на рождаемость в регионах России // Регион: экономика и социология. – 2022. – № 4 (116). – С. 81–106. DOI: 10.15372/REG20220404.

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы демографического развития России приобретают в настоящее время все большую актуальность. Негативные тенденции в данной сфере, вызванные как внутренними, так и внешними факторами, требуют незамедлительного принятия мер по стабилизации ситуации, а следовательно, и формирования четкого представления о значении ключевых параметров в будущем. Особое внимание в этой сфере традиционно уделяется вопросам повышения рождаемости. Вместе с тем инструменты государственного регулирования процессов естественного и миграционного движения населения крайне ограничены, в большинстве случаев носят опосредованный характер и основываются на создании благоприятных условий для жизнедеятельности человека и общества, в частности соответствующей социальной инфраструктуры.

Количественная оценка последствий реализации мер государственной политики и их эффективности, а значит, и оптимальности выбора того или иного решения требует применения научно обоснованного подхода. Необходим учет множества разнородных факторов, включая изменение репродуктивного поведения населения, выра-

жающееся в том числе в повышении возрастов вступления в брак и деторождения, а также в увеличении протогенетического интервала.

В связи с этим задачи разработки прогнозных оценок и формирования программ социально-экономического развития субъектов Российской Федерации и улучшения демографической ситуации являются актуальными. Одно из перспективных направлений исследования в данном случае – применение формализованных методов, в том числе экономико-математического моделирования, и построение на их основе прогнозных оценок.

КРАТКИЙ ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ТЕМЕ

Отечественные и зарубежные исследователи, занимающиеся репродуктивным поведением населения, акцентируют свое внимание на различных факторах рождаемости. При этом отмечая комплексность их влияния, авторы большинства работ в данной области ограничиваются рассмотрением отдельных факторов или их групп. В том числе изучаются следующие факторы:

- физиологические особенности индивида, связанные с возрастом [9; 11], состоянием здоровья [12], наследственностью, уровнем интеллекта. В достаточно большом количестве публикаций внимание акцентируется преимущественно на медицинской и физиологической сторонах вопроса и строятся частные прогнозы для отдельных случаев (например, для людей с определенными заболеваниями), что выходит за пределы нашего исследования и потому далее не рассматривается. При формировании макроэкономических прогнозов большее внимание уделяется половозрастной структуре населения, доле женщин фертильного возраста, однако подчеркивается ограниченность возможностей управления данными параметрами со стороны органов государственного управления;
- личностные и социальные установки и ценности, включая уровень гендерного равенства [25], влияние религии [26], передачу ценностных ориентиров из поколения в поколение [3], уровень образования [24], психологические особенности [28], удовлет-

воренность жизнью [21], особенность репродуктивного поведения [4]. В исследованиях в данной области либо концентрируется внимание на общественно-психологических аспектах, либо делается акцент на уровне развития человеческого капитала как результате развития социальной инфраструктуры территории;

- уровень жизни и особенности территории проживания, включая различия между городской и сельской местностями [2; 27], влияние экономических параметров развития территории [29], плотность населения [20], размеры домохозяйств [19], специфику системы расселения [13], состояние окружающей среды, уровень доходов населения, доступность медицинского обслуживания, образования и других социальных услуг [1; 17]. Во многих зарубежных исследованиях внимание акцентируется на особенностях развития тех или иных стран или групп стран [18; 22]. В частности, отмечается, что в промышленно развитых странах серьезные проблемы, связанные с работой и семьей, для женщин являются ключевым фактором, способствующим самой низкой рождаемости [23]. Вместе с тем, обращая внимание на такой значимый фактор рождаемости, как уровень доходов населения, исследователи рассматривают его во взаимосвязи с возможностью доступа к социальной инфраструктуре, например в системе здравоохранения. Исследуя влияние других факторов, например уровня урбанизированности, авторы вновь фактически рассматривают доступность и уровень развития социальной инфраструктуры, хотя зачастую и не акцентируют на этом внимание;
- прочие факторы, включая влияние экстремальных условий (война, пандемия и т.д.), сезонности [10], общей демографической политики государства и т.д.

Говоря о взаимосвязи между демографией и развитием социальной инфраструктуры, следует отметить работу М.Б. Мелихова [8], посвященную экономико-статистическому моделированию развития социальной сферы. Рассматривая влияние социальных и инфраструк-

турных факторов на демографические процессы, А.Н. Зубец [5] отмечает, что согласно результатам корреляционного анализа в наибольшей степени на рождаемость влияют уровень безработицы среди женщин, обеспеченность врачами, обеспеченность поликлиниками, а также денежные доходы и величина прожиточного минимума. Схожая позиция, но с выделением большего числа элементов социальной инфраструктуры, оказывающих влияние на уровень рождаемости в стране, представлена в работе С.В. Макара, Ю.А. Симагина и А.В. Ярашевой [7].

Кроме того, имеется ряд исследований посвященных моделированию отдельных компонентов социального развития. В частности, зависимость уровня рождаемости от обеспеченности врачами и расходов бюджета на здравоохранение, физическую культуру и спорт рассматривается в статье М.М. Цвиль и В.Е. Шумилиной [14]. Этими авторами построены уравнения для большинства федеральных округов, при этом вопрос о комплексности учета параметров развития социальной инфраструктуры остается нерешенным. Кроме того, невозможно провести количественную оценку для отдельных регионов внутри рассматриваемых федеральных округов. В этом же аспекте интерес представляет монография Б.Ф. Кирьяновой и М.С. Токмачёвой [6]. В литературе встречаются и частные модели демографических процессов для отдельных регионов. Так, в диссертации С.В. Чучкаловой [15] представлена модель, где в качестве одного из факторов рождаемости выступают расходы на здравоохранение. Имеется ряд работ, в которых рассматривается обеспеченность жильем в качестве фактора при моделировании рождаемости, например статья О.М. Шубат и А.П. Багировой [16].

К сожалению, обзор исследований показывает, что мы также не можем говорить о комплексности учета уровня развития социальной инфраструктуры, поскольку их авторы концентрируют внимание на отдельных сферах, определяемых исходя из целей исследования. Это вполне обоснованно при решении частных задач, но не отражает влияния общего уровня развитости социальной инфраструктуры в регионе.

АНАЛИЗ РОЖДАЕМОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Проведенный анализ литературных источников показал, что уровень рождаемости зависит от множества разнородных факторов. И как видно из исследований, в России сегодня преобладают негативные факторы. Так, за 2020 г. в стране родилось на 48,8 тыс. чел. меньше, чем в 2019 г. (т.е. на 3,3%). Общий коэффициент рождаемости снизился до 9,8 на 1000 чел. населения (против 10,1 годом ранее). При этом суммарный коэффициент рождаемости (входит в число ключевых целевых индикаторов, обозначенных в Указе Президента РФ № 204 от 7 мая 2018 г.) после достаточно продолжительного периода роста перешел с 2016 г. к непрерывному снижению и в 2020 г. опустился до отметки 1,5 ребенка на женщину, что соответствует уровню 2008 г. (рис. 1).

Динамика уровня рождаемости определяется как демографическими параметрами и ценностными установками людей, так и условиями их жизни. В связи с этим прежде чем перейти к непосредственному анализу влияния уровня развития социальной инфраструктуры

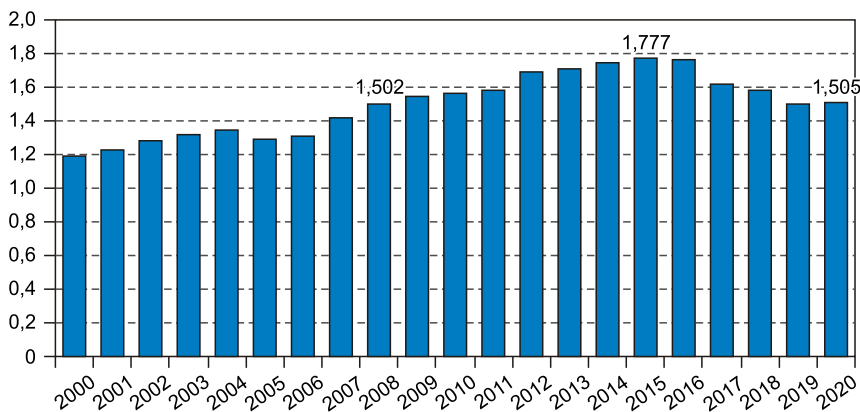

Рис. 1. Суммарный коэффициент рождаемости в России

Источник: построено авторами на основе данных Федеральной службы государственной статистики (URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>)

на репродуктивное поведение населения, на наш взгляд, требуется кратко охарактеризовать ключевые тенденции в рамках исследуемой проблематики.

В первую очередь следует отметить изменение возрастной структуры населения и снижение численности лиц фертильного возраста (средний возраст россиян превысил 40 лет). При этом в соответствии с данными, представленными на сайте Росстата¹, средний возраст вступления женщины в первый брак повысился с 21,9 года в 2000–2004 гг. до 25,3 года в 2015–2019 гг. В отношении мужчин наблюдается схожая тенденция: рост с 24,7 до 27,4 года за аналогичный период. Проведенный анализ показывает, что при сохранении существующей тенденции уже через 20 лет возраст вступления в первый брак у мужчин и женщин выровняется на отметке 32,3 года, что соответствует показателям многих европейских стран. Одновременно с этим увеличивается и протогенетический интервал, а также интервал между рождениями детей в семье. Эта тенденция коррелирует с повышением среднего возраста матери, что в совокупности с ранее указанными факторами способствует снижению уровня рождаемости в России.

Необходимо признать, что подобные ценностные установки являются следствием общих тенденций развития общества, направленных на повышение значимости образования, карьеры, самореализации человека и т.д. Потребность достижения некоего уровня материального благосостояния становится причиной, по которой рождение ребенка либо откладывается на более поздний период жизни человека, либо вовсе исключается из его планов (особенно если речь идет о втором и последующих детях). Так, 58,1% мужчин и 62,7% женщин указали, что появление еще одного ребенка в их семье ухудшило бы ее материальное положение². Об этом же свидетельствуют результаты исследе-

¹ См.: *Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения. 2017*. Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/RPN17/index.html.

² Там же.

дования НАФИ³, опубликованные в октябре 2020 г., согласно которым 46% опрошенных в возрасте от 18 до 45 лет не хотят заводить детей, и в качестве причины такого решения 24% указали «нехватку денег», а еще 12% – «плохие жилищные условия».

На наш взгляд, вопросы финансового обеспечения семей в данном случае во многом сопряжены с вопросами доступности тех или иных благ, предоставляемых за счет объектов социальной инфраструктуры (детские сады, школы, поликлиники и т.д.). Анализ значимости мотивов рождения второго ребенка для женщин в рамках проведенного Росстатом Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения показывает, что в группе факторов, которые «повлияли очень сильно», лидирует пункт «желание решить жилищные проблемы, используя государственную поддержку», что также непосредственно связано как с улучшением финансового положения семей, так и с развитием социальной инфраструктуры. В то же время повышение уровня образования, согласно результатам того же исследования, приводит к снижению как желаемого, так и планируемого числа детей в семье.

В связи с этим следует отметить разнонаправленное влияние различных элементов социальной инфраструктуры на репродуктивное поведение населения. Вместе с тем возникает вопрос, насколько однородны регионы России с точки зрения рассматриваемых процессов.

Таким образом, развитие социальной инфраструктуры способно оказать влияние на репродуктивное поведение населения, но необходимо учитывать две особенности. Во-первых, в рамках исследования требуется обеспечить комплексное представление уровня развития социальной инфраструктуры, а не отдельных его составляющих. Во-вторых, необходимо учесть региональные особенности, характеризующие вклад данного фактора, т.е. реализацию его потенциала с точки зрения влияния на уровень рождаемости в субъекте Федерации.

³ См.: *Россияне рассказали про барьеры, которые мешают им завести детей*. Аналитический центр НАФИ. 1 октября 2020. – URL: <https://nafi.ru/analytics/sokratilas-dolya-bezdetnykh-rossiyan-kotorye-khotyat-zavesti-detey/>.

ПОДХОД К ОЦЕНКЕ ВЛИЯНИЯ НА РОЖДАЕМОСТЬ УРОВНЯ РАЗВИТОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Перечень показателей и подход к формированию методики оценки уровня развития социальной инфраструктуры более подробно представлены нами ранее⁴. Здесь же обратимся к результатам апробации этой методики применительно к уровню рождаемости в регионах России. Отметим лишь ключевые этапы реализации предложенной методики.

Свертка частных показателей в интегральный была проведена в два этапа. На первом этапе был определен уровень развитости отдельных сфер в каждом регионе, для чего была проведена проверка на наличие корреляции между частными показателями. Это, в частности, позволило сократить количество рассматриваемых показателей для сферы «здравоохранение» до трех единиц: мощность амбулаторно-поликлинических организаций, численность врачей и заболеваемость в регионе.

Аналогичная процедура проведена в отношении частных показателей, характеризующих остальные указанные сферы: «образование» (обеспеченность местами в дошкольных образовательных учреждениях, обеспеченность учителями, доля обучающихся во вторую и третью смены, доля студентов в общей численности населения); «культурно-досуговая сфера» (посещаемость театров и музеев, обеспеченность спортзалами, объем библиотечного фонда, число детей, отдохнувших в оздоровительных лагерях, численность лиц, размещенных в коллективных средствах размещения); «жилье» (обеспеченность жильем, доля аварийного жилья, благоустройство, ввод жилья, доля расходов населения на ЖКХ); «торговля и услуги» (обороты розничной торговли, общественного питания, объемы предоставления бытовых услуг, транспортных услуг, услуг связи).

⁴ См.: Низамутдинов М.М., Орешиников В.В. Разработка комплекса эконометрических моделей влияния социальной инфраструктуры на параметры демографического развития регионов России // Регион: экономика и социология. – 2020. – № 4 (108). – С. 78–99. DOI: 10.15372/REG20200404.

Далее были проведены нормирование показателей и расчет среднего значения. Таким образом, была выполнена последовательная свертка показателей по соответствующим направлениям: здравоохранение ($Y_{\text{здр.}}^n$), образование ($Y_{\text{обр.}}^n$), культурно-досуговая сфера ($Y_{\text{кул.-дос.}}^n$), жилье ($Y_{\text{жил.}}^n$), торговля и услуги ($Y_{\text{торг./усл.}}^n$).

Второй этап включал объединение показателей по отдельным сферам в интегральный показатель развития социальной инфраструктуры с точки зрения создания условий для повышения рождаемости в регионе ($Y_{\text{СИ_рожд.}}^n$). Было получено следующее уравнение:

$$Y_{\text{СИ_рожд.}}^n = 0,89 Y_{\text{здр.}}^n + 0,00 Y_{\text{обр.}}^n + 0,38 Y_{\text{кул.-дос.}}^n + 0,10 Y_{\text{жил.}}^n + 1,00 Y_{\text{торг./усл.}}^n. \quad (1)$$

Коэффициенты при элементах данного уравнения получены в рамках корреляционного анализа (с учетом нормирования) и характеризуют степень взаимосвязи между Y_i^n и уровнем рождаемости в регионах России. Полученное уравнение позволяет количественно охарактеризовать комплексный уровень развития социальной инфраструктуры, что необходимо для дальнейшего прогнозирования на его основе параметров демографического развития региона.

При этом выявлено, что имеет место достаточно сильная дифференциация регионов России по уровню реализации имеющегося потенциала социальной инфраструктуры. Для учета данной особенности все регионы были разделены на пять групп так, что в первую группу вошли регионы с высоким уровнем развития социальной инфраструктуры и низким уровнем рождаемости, а в пятую – с низким уровнем развития социальной инфраструктуры и высоким уровнем рождаемости. Для этого были определены границы интервалов, соответствующие характеристикам «высокое», «среднее» и «низкое» для обоих параметров. Выделение трех интервалов в каждом случае обосновывается необходимостью соблюдения баланса между уровнем детализации и наполняемостью групп. Так, при увеличении количества интервалов ряд групп оказываются пустыми или содержат небольшое число наблюдений, имеющих незначительное отличие от

Таблица 1

Правила группировки регионов (определение номера группы)			
Значение суммарного коэффициента рождаемости	Значение уровня развития социальной инфраструктуры		
	Низкое (0,32–0,62)	Среднее (0,62–0,92)	Высокое (0,92–1,51)
Низкое (1,08–1,62)	3	2	1
Среднее (1,62–2,17)	4	3	2
Высокое (2,17–2,72)	5	4	3

Источник: разработано авторами.

представителей соседних групп. Определение границ интервалов было осуществлено с учетом соблюдения равенства значений между максимальным и минимальным уровнями в рамках каждого из интервалов. Правила группировки представлены в табл. 1.

Результаты количественной оценки рассматриваемых показателей для регионов с наибольшими и наименьшими значениями суммарного коэффициента рождаемости в 2020 г. приведены в табл. 2.

Полученная модель имеет следующий вид:

$$Y_{\text{рожд.}} = b_0 + b_1 Y_{\text{СИ_рожд.}}^n + b_2 N, \quad (2)$$

где $Y_{\text{рожд.}}$ – суммарный коэффициент рождаемости; N – присвоенный региону номер группы по каждому из элементов движения населения.

Результаты оценивания модели по данным субъектов Российской Федерации приведены в табл. 3.

Более подробно предлагаемый подход и описание разработанных экономико-математических моделей представлены в ранее опубликованной работе авторов⁵. Рассмотрим результаты, полученные на их основе с учетом данных за 2020 г.

⁵ См.: Низамутдинов М.М., Орешиников В.В. Разработка комплекса эконометрических моделей влияния социальной инфраструктуры на параметры демографического развития регионов России.

Таблица 2

Расчет параметров уровня развития социальной инфраструктуры в регионах России (фрагмент)

Регион	Суммарный коэффициент рождаемости, 2020	На 10 тыс. чел. населения			$Y^n_{здр.}$	$Y^n_{обр.}$	$Y^n_{кул.-дос.}$	$Y^n_{жил.}$	$Y^n_{торг./усл.}$	$Y^n_{СИ_рожд.}$	Группа
		Мощность амбул.-поликлин. орг-ций	Численность врачей	Заболелость							
Ленинградская обл.	1,06	250,8 (0,35)	35,0 (0,15)	692,0 (0,70)	0,34	0,44	0,22	0,67	0,23	0,683	4
Республика Мордовия	1,12	245,7 (0,34)	53,5 (0,52)	678,8 (0,71)	0,51	0,59	0,26	0,59	0,23	0,844	4
Смоленская обл.	1,16	288,4 (0,45)	51,0 (0,47)	702,3 (0,69)	0,53	0,48	0,30	0,54	0,26	0,897	3
Пензенская обл.	1,23	247,9 (0,34)	40,1 (0,25)	716,0 (0,68)	0,39	0,47	0,28	0,69	0,33	0,851	3
Саратовская обл.	1,23	273,8 (0,41)	49,0 (0,43)	735,5 (0,66)	0,49	0,50	0,14	0,59	0,32	0,865	3
Белгородская обл.	1,24	242,1 (0,33)	41,3 (0,27)	694,5 (0,70)	0,40	0,50	0,34	0,78	0,50	1,058	4
Ивановская обл.	1,24	243,3 (0,33)	43,8 (0,32)	931,1 (0,46)	0,38	0,48	0,21	0,52	0,27	0,740	3
...

Окончание табл. 2

Регион	Сум- марный коэффи- циент рождае- мости, 2020	На 10 тыс. чел. населения			$Y^n_{здр.}$	$Y^n_{обр.}$	$Y^n_{кул.-дос.}$	$Y^n_{жил.}$	$Y^n_{торг./усл.}$	$Y^n_{СИ_рожд.}$	Группа
		Моц- ность амбул.- поли- клин. орг-ций	Числен- ность врачей	Забо- левае- мость							
Республика Саха (Якутия)	1,86	294,5 (0,47)	57,2 (0,60)	1032,9 (0,36)	0,47	0,36	0,19	0,35	0,34	0,869	1
Республика Дагестан	1,87	119,8 (0,00)	38,1 (0,21)	776,6 (0,62)	0,00	0,42	0,06	0,56	0,42	0,503	1
Республика Бурятия	1,95	262,2 (0,38)	46,1 (0,37)	633,9 (0,76)	0,49	0,36	0,25	0,38	0,36	0,929	1
Сахалинская обл.	1,97	248,7 (0,34)	56,2 (0,57)	683,8 (0,71)	0,50	0,44	0,26	0,53	0,59	1,181	3
Республика Алтай	2,09	309,0 (0,50)	45,8 (0,36)	875,4 (0,55)	0,46	0,36	0,38	0,48	0,14	0,738	1
Чеченская Республика	2,57	180,2 (0,16)	27,7 (0,00)	395,7 (1,00)	0,00	0,38	0,05	0,62	0,24	0,322	1
Республика Тыва	2,97	323,4 (0,54)	50,7 (0,46)	614,3 (0,78)	0,59	0,35	0,21	0,35	0,09	0,724	1

Примечание: в скобках приведены нормированные значения.

Источник: построено авторами по данным Росстата.

Таблица 3

Результаты оценивания модели уровня рождаемости в регионах России

Показатель	b_0	b_1	b_2	R^2	F
Рождаемость	0,58	0,45	0,33	0,77	56,7
Стандартная ошибка	0,19	0,15	0,03	–	–

Источник: разработано авторами.

ПРОГНОЗНАЯ ОЦЕНКА ИЗМЕНЕНИЯ УРОВНЯ РОЖДАЕМОСТИ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Разработанный прогноз изменения ситуации в регионах России предусматривал несколько сценариев развития, базирующихся на анализе темпов изменения частных показателей, лежащих в основе оценки уровня развития социальной инфраструктуры (сценарий 1 – пессимистический, сценарий 2 – базовый, сценарий 3 – умеренно оптимистический). Различия между сценариями обуславливаются динамикой изменения значений показателей развития социальной инфраструктуры, задаваемой в модели экзогенно исходя из прогноза Министерства экономического развития Российской Федерации по темпам роста ВВП страны (табл. 4). В прогнозе Минэкономразвития рассматриваются два сценария развития событий – консервативный и базовый, соответствующие пессимистическому и базовому сценариям разработанного нами прогноза. Формирование параметров умеренно оптимистического сценария основывалось на необходимости сохранения баланса между парами сценариев. При этом были учтены

Таблица 4

Валовой внутренний продукт, % к предыдущему году

Сценарий	2020	2021	2022	2023	2024
Консервативный	97,0	103,9	102,5	102,6	102,7
Базовый	97,0	104,2	103,0	103,0	103,0

Источник: данные Министерства экономического развития РФ.

ретроспективные значения по каждому из рассматриваемых показателей модели. Последующая свертка показателей вплоть до интегральных показателей развития социальной инфраструктуры была произведена в соответствии с приведенными выше формулами. Таким образом, прогноз значений суммарного коэффициента рождаемости был сформирован на основе прогнозируемых значений уровня развития социальной инфраструктуры, зависящего от динамики ВВП России.

Анализ полученных результатов показывает, что в случае реализации пессимистического сценария изменение уровня развития социальной инфраструктуры приведет к снижению суммарного коэффициента рождаемости в среднем на 2,5%. При этом следует отметить, что в рамках модели не рассматривался ряд факторов, способных оказать существенное влияние в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Так, изменение возрастной структуры населения в Российской Федерации способствует уменьшению как численности, так и доли женщин фертильного возраста. В совокупности с данным фактором общее снижение уровня рождаемости в стране будет значительно более существенным.

Реализация базового сценария развития социально-экономической ситуации обеспечит в целом сохранение суммарного коэффициента рождаемости. В то же время следует подчеркнуть, что для различных регионов изменение может составить от $-7,5\%$ до $+3,8\%$, что связано как с различием в уровне развития социальной инфраструктуры, так и со степенью влияния данного показателя на рождаемость в регионах.

В частности, некоторое снижение уровня рождаемости прогнозируется авторами на основе проведенных расчетов в регионах Северного Кавказа, для которых сегодня традиционным является более высокий, по сравнению со среднероссийским, уровень рождаемости. В рамках предложенной модели подобный результат объясняется меньшим коэффициентом влияния социальной инфраструктуры на уровень рождаемости, чем в других регионах страны. В определенной степени это коррелирует с постепенным отходом от традиционно многодетной модели семьи. Впрочем, имеющиеся предпосылки не свидетельствуют о высокой динамике подобных изменений.

Рост рождаемости прогнозируется авторами в столичных регионах и отдельных областях Центральной России, отличающихся сегодня достаточно высоким уровнем жизни в сочетании с относительно низкими показателями рождаемости. При этом не следует забывать, что и в данном случае изменение возрастной структуры населения повлечет за собой негативные последствия для общего числа рождений.

Представляет интерес некоторое повышение суммарного коэффициента рождаемости в ряде регионов Дальнего Востока. На наш взгляд, это может быть следствием развития их социальной инфраструктуры в рамках реализации государственных программ и национальных проектов.

Следует подчеркнуть, что для таких регионов, как г. Москва, можно было бы ожидать еще большего эффекта, однако необходимо принимать во внимание два фактора. Во-первых, численность населения Москвы такова, что в удельном выражении обеспеченность объектами социальной инфраструктуры оказывается ниже, чем во многих других регионах страны. Во-вторых, предложенный подход предполагал выделение пяти отдельных групп регионов по степени влияния социальной инфраструктуры на уровень рождаемости. То есть даже при равных значениях показателей в Москве и регионах Дальнего Востока их принадлежность к разным группам объясняет различия в прогнозируемых в рамках модели уровнях рождаемости.

Именно по этим причинам предложенный подход и модельный инструментарий, несмотря на кажущиеся предпосылки, не прогнозируют «бэби-бума» в таких городах, как Москва и Санкт-Петербург. Кроме того, как и в случае с северокавказскими регионами, имеет место сложившийся тип воспроизводства населения. Так, несмотря на снижение с 2015 г. числа детей, приходящихся на одну женщину, в среднем по России к 2019 г. до 1,50 ребенка, в Сахалинской области данный показатель возрос до 1,95 ребенка. Лидерские позиции по-прежнему остаются за Республикой Тывой (2,72 в 2019 г., 2,61 в 2024 г.) и Чеченской Республикой (2,58 в 2019 г., 2,52 в 2024 г.). Аутсайдерами являются Республика Мордовия и, несмотря на незначительный рост показателя, Ленинградская область, для которых суммарный коэффициент рождаемости оценивается на уровне 1,23–1,25 (рис. 2).

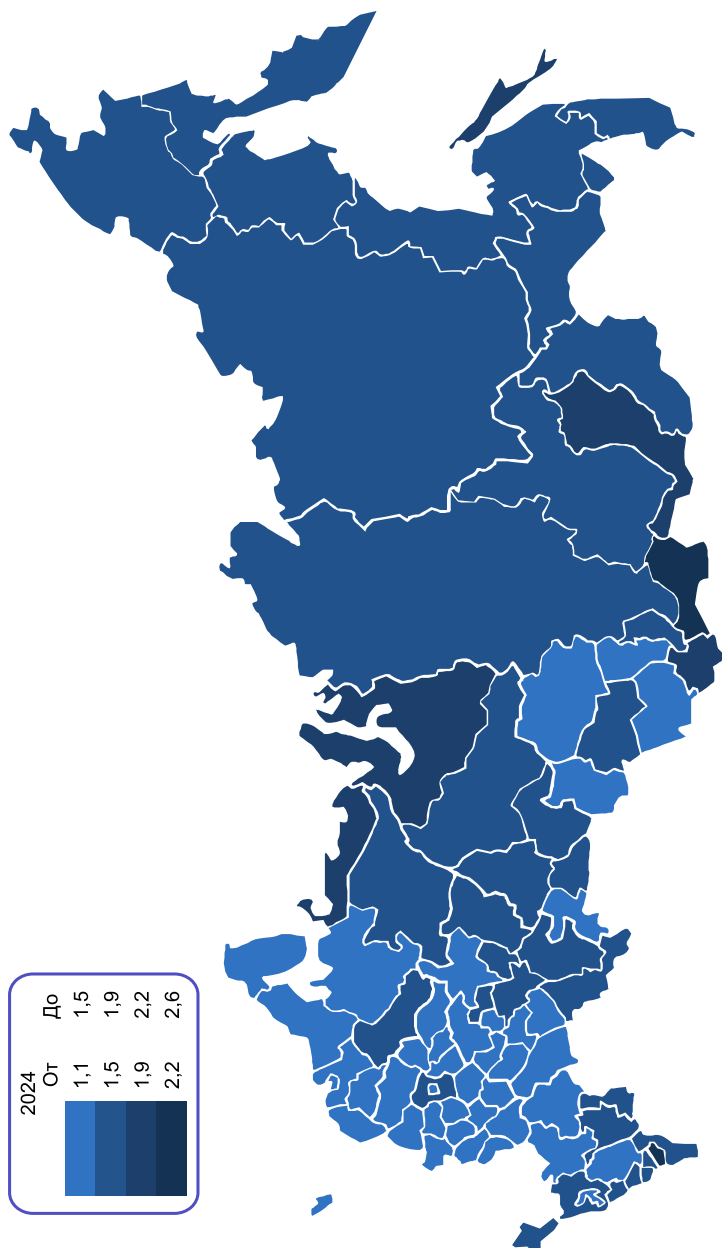

Рис. 2. Прогнозируемое значение суммарного коэффициента рождаемости в России

Примечание: представлены регионы, включенные в анализ

Источник: построено авторами

Полученные результаты в том числе подтверждают адекватность построенной модели и могут быть использованы для разработки практических мер в сфере социально-экономического развития регионов страны.

Реализация третьего, умеренно оптимистического, сценария позволит повысить суммарный коэффициент рождаемости в отдельных случаях до 3%. Однако ряд регионов (Республика Ингушетия, Республика Алтай и Чеченская Республика) по-прежнему будут характеризоваться снижением числа детей, приходящихся на одну женщину. Повышение же общего коэффициента рождаемости в целом по России в среднесрочной перспективе связано с дополнительными рисками, вызванными в том числе уменьшением численности и доли населения репродуктивного возраста.

Следует отметить, что полученные результаты прогнозирования изменения величины суммарного коэффициента рождаемости в целом соответствуют демографическому прогнозу до 2035 г., размещенному на сайте Росстата⁶, в рамках которого в соответствии с пессимистическим вариантом предполагается снижение данного показателя с 1,62 в 2017 г. до 1,54 в 2024 г. (базовый вариант – рост до 1,64, умеренно оптимистический вариант – рост до 1,74). Таким образом, общие тенденции в рамках обоих прогнозов совпадают.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование количественно подтвердило, что демографические процессы в регионах России во многом определяются условиями жизни населения, и в частности уровнем развития социальной инфраструктуры. В целях оценки данной взаимосвязи был разработан комплекс эконометрических моделей, учитывающих как уровень развития социальной инфраструктуры, так и результаты группировки регионов по степени реализации потенциала социальной инфраструктуры, что позволило повысить адекватность моделей

⁶ См.: *Демография*. Росстат. – URL: <https://www.gks.ru/folder/12781#>.

реальной ситуации за счет отражения особенностей воспроизводственного поведения населения в различных регионах России. На основе разработанного комплекса эконометрических моделей сформирован прогноз изменения демографических параметров по трем сценарным вариантам. Анализ результатов показывает, что повышение общего коэффициента рождаемости в среднесрочной перспективе представляется маловероятным, а в совокупности с замедлением темпов снижения смертности и сохранением сложной миграционной ситуации в значительной части регионов страны нарастает угроза снижения устойчивости демографического развития страны в целом.

*Исследование выполнено в рамках государственного задания
ИСЭИ УФИЦ РАН № 075-03-2022-001 от 14.01.2022 г.*

Список источников

1. Аитова Ю.С., Орешников В.В. Взаимосвязь уровня развития и финансирования социальной инфраструктуры в Российской Федерации // Вестник НГИЭИ. – 2020. – № 11 (114). – С. 160–174. DOI: 10.24411/2227-9407-2020-10114.
2. Блинова Т.В., Кутенков Р.П., Шабанов В.Л. Моделирование и оценка сельско-городских различий в динамике рождаемости населения России // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2019. – № 3 (77). – С. 73–77.
3. Гольцова Е.В., Леценко Я.А. Факторы социальной среды как детерминанты брачности и рождаемости // Социологические исследования. – 2010. – № 2 (310). – С. 125–130.
4. Зайцева Н.В., Кирьянов Д.А., Бабина С.В., Сичихина Л.А. Методические подходы к прогнозированию суммарного коэффициента рождаемости на основе исследования закономерностей очередности рождений // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2020. – Т. 28, № 4. – С. 548–554. DOI: 10.32687/0869-866X-2020-28-4-548-554.
5. Зубец А.Н. Основные социальные и инфраструктурные факторы, определяющие демографическую динамику в регионах России и их привлекательность для миграции // Социология. – 2019. – № 6. – С. 77–86.
6. Кирьянова Б.Ф., Токмачёва М.С. Математические модели в здравоохранении. – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2009. – 279 с.
7. Макара С.В., Симагин Ю.А., Ярашева А.В. Демографическая ситуация в России и социальная инфраструктура // Народонаселение. – 2020. – Т. 23, № 1. – С. 67–75. DOI: 10.19181/population.2020.23.1.6.

8. Мелихов М.Б. Экономико-статистическое моделирование социальной сферы: методология и анализ: Автореф. дисс. ... д-ра экон. наук. – М., 1997. – 32 с.
9. Носова М.Г. Моделирование возрастной функции рождаемости // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019. – № 8-2. – С. 88–90. DOI: 10.24411/2500-1000-2019-11497.
10. Родионова Л.А., Копнова Е.Д. Статистические подходы к анализу и моделированию сезонности в демографических данных // Демографическое обозрение. – 2019. – Т. 6, № 2. – С. 104–141. DOI: 10.17323/demreview.v6i2.9874.
11. Смулянская Н.С. Классификация регионов России по возрастным моделям рождаемости // Регион: экономика и социология. – 2017. – № 3 (95). – С. 146–157. DOI: 10.15372/REG20170307.
12. Стародубов В.И., Суханова Л.П., Сыченков Ю.Г. Репродуктивные потери как медико-социальная проблема демографического развития России // Социальные аспекты здоровья населения. – 2011. – № 6 (22). – URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/367/30/lang.ru> (дата обращения: 20.08.2021).
13. Фаттахов Р.В., Низамутдинов М.М., Орешников В.В. Анализ и моделирование тенденций развития системы территориального расселения в России // Экономика региона. – 2019. – Т. 15, № 2. – С. 436–450. DOI: 10.17059/2019-2-10.
14. Цвиль М.М., Шумилина В.Е. Изучение зависимости рождаемости населения от обеспеченности врачебным персоналом и расходов на здравоохранение, физическую культуру и спорт с помощью эконометрических моделей // Инженерный вестник Дона. – 2014. – № 1 (28). – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21804388> (дата обращения: 21.08.2021).
15. Чучкалова С.В. Моделирование демографических процессов в Кировской области: Автореф. дисс. ... канд. экон. наук. – Пермь, 2011. – 23 с.
16. Шубат О.М., Багирова А.П. Экономические детерминанты рождаемости в России: оценка потенциала воздействия // Демографическая и семейная политика в контексте целей устойчивого развития: Сб. ст. IX Уральского демографического форума: В 2 т. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2018. – С. 461–473.
17. Bijlsma M.J., Wilson B. Modelling the socio-economic determinants of fertility: a mediation analysis using the parametric g-formula // Journal of the Royal Statistical Society. Series A: Statistics in Society. – 2020. – Vol. 183, No. 2. – P. 493–513. DOI: 10.1111/rssa.12520.
18. Burillo P., Salvati L., Matthews S.A., Benassi F. Local-scale fertility variations in a low-fertility country: Evidence from Spain (2002–2017) // Canadian Studies in Population. – 2020. – Vol. 47, No. 4. – P. 279–295. DOI: 10.1007/s42650-020-00036-6.
19. Chen S. Parental investment after the birth of a sibling: the effect of family size in low-fertility China // Demography. – 2020. – Vol. 57, No. 6. – P. 2085–2111. DOI: 10.1007/s13524-020-00931-2.
20. Egidi G., Quaranta G., Salvati L., Salvia R., Antonio G.M. Investigating density-dependent patterns of population growth in Southern Italy, 1861–2019 // Letters

in Spatial and Resource Sciences. – 2021. – No. 14. – P. 11–30. DOI: 10.1007/s12076-020-00262-1.

21. *Gauthier A.H., de Jong P.W.* Costly children: the motivations for parental investment in children in a low fertility context // *Genus*. – 2021. – Vol. 77, No. 6. – URL: <https://genus.springeropen.com/articles/10.1186/s41118-020-00111-5> (дата обращения: 20.06.2021). DOI: 10.1186/s41118-020-00111-5.

22. *Hartnett C.S., Gemmill A.* Recent trends in U.S. childbearing intentions // *Demography*. – 2020. – Vol. 57, No. 6. – P. 2035–2045. DOI: 10.1007/s13524-020-00929-w.

23. *Kim J., Luke N.* Lowest-low fertility in South Korea: Policy and domestic labor supports and the transition to second birth // *Social Forces*. – 2020. – Vol. 99, No. 2. – P. 700–731. DOI: 10.1093/sf/soz159.

24. *Kountouris Y.* Higher education and fertility: Evidence from reforms in Greece // *Economics of Education*. – 2020. – No. 79. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0272775720305458?via%3Dihub> (дата обращения: 20.06.2021). DOI: 10.1016/j.econedurev.2020.102059.

25. *Mariara J., McKay A., Newell A., Rienzo C.* Gender gaps in the path to adulthood for young females and males in six African countries from the 1990s to the 2010s // *Journal of Development and Migration*. – 2018. – Vol. 8, No. 11. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1186%2Fs40176-018-0124-8> (дата обращения: 21.08.2021). DOI: 10.1186/s40176-018-0124-8.

26. *Martinez G., Daniels K., Chandra A.* Fertility of men and women aged 15–44 years in the United States: National Survey of Family Growth, 2006–2010 (primary research report) // *National Health Statistics Reports*. Division of Vital Statistics, National Center for Health Statistics. – 2012. – No. 51. – P. 1–28.

27. *Salvati L.* Births and the city: urban cycles and increasing socio-spatial heterogeneity in a low-fertility context // *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*. – 2021. – Vol. 112, No. 2. – P. 195–215. DOI: 10.1111/tesg.12454.

28. *Vicsek L.* Fertility myths, technology myths and their sources – Lay reasoning about age-related fertility decline // *Corvinus Journal of Sociology and Social Policy*. – 2018. – Vol. 9, No. 2. – P. 49–75. DOI: 10.14267/cjssp.2018.2.03.

29. *Zhahov N.V., Alpeeva E.A., Krivoslykov V.S., Nesenjuk E.S.* Inevitability of structural and economic reforms of regional // *Proceedings of the 33rd International Business Information Management Association Conference, IBIMA*. – 2019. – P. 4392–4397.

Информация об авторах

Низамутдинов Марсель Малихович (Россия, Уфа) – кандидат технических наук, доцент, заведующий сектором экономико-математического моделирования Института социально-экономических иссле-

дований УФИЦ РАН (450054, Уфа, Проспект Октября, 71). E-mail: marsel_n@mail.ru.

Орешиников Владимир Владимирович (Россия, Уфа) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора экономико-математического моделирования Института социально-экономических исследований УФИЦ РАН (450054, Уфа, Проспект Октября, 71). E-mail: voresh@mail.ru.

DOI: 10.15372/REG20220404

Region: Economics & Sociology, 2022, No. 4 (116), p. 81–106

M.M. Nizamutdinov, V.V. Oreshnikov

MODELING THE IMPACT OF SOCIAL INFRASTRUCTURE ON FERTILITY IN RUSSIAN REGIONS

The problem of demographic development in Russia and its regions has been a pressing one for many years and is likely to remain such for the foreseeable future. Moreover, a set of heterogeneous factors leads to a worsening of the situation in the field of fertility. The hypothesis of this study is that the level of development of social infrastructure largely determines the dynamics of the fertility indicator.

The aim of the research is to analyze the changes in the level of fertility in the regions of Russia and to form a forecast for the medium term. The article reviews relevant scientific works, analyzes the level of fertility and changes in domestic reproductive behavior, groups and ranks the regions, develops an econometric model to describe the impact exerted by the level of social infrastructure development on fertility, and forms a scenario forecast for the fertility situation in the Russian regions. It is shown that the decline in the birth rate is due to a range of reasons, many of which can be adjusted to a very limited extent. The forecast of the situation development according to different scenarios assumes that the relatively low birth rate will remain until 2024 even in the most favorable conditions. Combined with other factors, this increases the threats to the sustainable demographic development of the country overall.

The proposed toolkit can help make evidence-based decisions in public administration practices when implementing regulatory measures in social and demographic policy.

Keywords: fertility; reproductive behavior; Russian regions; social infrastructure; correlation and regression analysis; economic and mathematical modeling; scenario forecasting

For citation: Nizamutdinov, M.M. & V.V. Oreshnikov. (2022). Modelirovanie vliyaniya sotsialnoy infrastruktury na rozhdaemost v regionakh Rossii [Modeling the impact of social infrastructure on fertility in Russian regions]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 4 (116), 81–106. DOI: 10.15372/REG20220404.

*The study was funded by the state assignment of the Institute of Social and Economic Research, Ufa Federal Research Center RAS,
No. 075-03-2022-001 date 14.01.2022*

References

1. Aitova, Yu.S. & V.V. Oreshnikov. (2020). Vzaimosvyaz urovnya razvitiya i finansirovaniya sotsialnoy infrastruktury v Rossiyskoy Federatsii [Interrelation between the level of development and financing of social infrastructure in the Russian Federation]. Vestnik NGIEI [Bulletin NGII], 11 (114), 160–174. DOI: 10.24411/2227-9407-2020-10114.
2. Blinova, T.V., R.P. Kutenkov & V.L. Shabanov. (2019). Modelirovanie i otsenka selsko-gorodskikh razlichiy v dinamike rozhdaemosti naseleniya Rossii [Modeling and assessment of rural-urban differences in the dynamics of the birth rate in Russia]. Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsialno-ekonomicheskogo universiteta [Vestnik Saratov State Socio-Economic University], 3 (77), 73–77.
3. Goltsova, E.V. & Ya.A. Leshchenko. (2010). Faktory sotsialnoy sredy kak determinanty brachnosti i rozhdaemosti [Factors of social environment as determinants for marriage and birth rate]. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Research], 2 (310), 125–130.
4. Zaytseva, N.V., D.A. Kiryanov, S.V. Babina & L.A. Sichikhina. (2020). Metodicheskie podkhody k prognozirovaniyu summarnogo koeffitsienta rozhdaemosti na osnove issledovaniya zakonornostey ocherednosti rozhdeniy [The methodological approaches to prognostication of morbidity summary coefficient on the basis of studying patterns of natality order]. Problemy sotsialnoy gigeny, zdravookhraneniya i istorii

meditsiny [Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine, Russian Journal], Vol. 28, No. 4, 548–554. DOI: 10.32687/0869-866X-2020-28-4-548-554.

5. *Zubets, A.N.* (2019). Osnovnye sotsialnye i infrastrukturnye faktory, opredelyayushchie demograficheskuyu dinamiku v regionakh Rossii i ikh privlekatel'nost' dlya migratsii [The main social and infrastructural factors determining the demographic dynamics in the regions of Russia and their attractiveness for migration]. *Sotsiologiya* [Sociology], 6, 77–86.

6. *Kiryanova, B.F. & M.S. Tokmachyova.* (2009). Matematicheskie modeli v zdoravookhranении [Mathematical Models in Healthcare]. Veliky Novgorod, Yaroslavl-the-Wise Novgorod State University, 279.

7. *Makar, S.V., Yu.A. Simagin & A.V. Yarasheva.* (2020). Demograficheskaya situatsiya v Rossii i sotsialnaya infrastruktura [Demographic situation in Russia and social structure]. *Narodonaselenie* [Population], Vol. 23, No. 1, 67–75. DOI: 10.19181/population.2020.23.1.6.

8. *Melikhov, M.B.* (1997). Ekonomiko-statisticheskoe modelirovanie sotsialnoy sfery: metodologiya i analiz: Avtoref. diss. ... d-ra ekon. nauk [Economic and Statistical Modeling of the Social Sphere: Methodology and Analysis: Author's abstract for the Doctor of Economics Thesis]. Moscow, 32.

9. *Nosova, M.G.* (2019). Modelirovanie vozrastnoy funktsii rozhdaemosti [Modeling of age-related fertility function]. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences], 8-2, 88–90. DOI: 10.24411/2500-1000-2019-11497.

10. *Rodionova, L.A. & E.D. Kopnova.* (2019). Statisticheskie podkhody k analizu i modelirovaniyu sezonnosti v demograficheskikh dannykh [Statistical approaches to analysis and modeling of seasonality in demographic data]. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic Review], Vol. 6, No. 2, 104–141. DOI: 10.17323/demreview.v6i2.9874.

11. *Smulyanskaya, N.S.* (2017). Klassifikatsiya regionov Rossii po vozrastnym modelyam rozhdaemosti [Classification of Russian regions by age-specific natality models]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 3 (95), 146–157. DOI: 10.15372/REG20170307.

12. *Starodubov, V.I., L.P. Sukhanova & Yu.G. Sychenkov.* (2011). Reproduktivnyye poteri kak mediko-sotsialnaya problema demograficheskogo razvitiya Rossii [Reproductive losses as medical social problem in demographic development of Russia]. *Sotsialnye aspekty zdorov'ya naseleniya* [Social Aspects of Population Health], 6 (22). Available at: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/367/30/lang,ru> (date of access: 20.08.2021).

13. *Fattakhov, R.V., M.M. Nizamutdinov & V.V. Oreshnikov.* (2019). Analiz i modelirovanie tendentsiy razvitiya sistemy territorial'nogo rasseleniya v Rossii [Analysing and modelling of trends in the development of the territorial settlement system in Russia]. *Ekonomika regiona* [Economy of Regions], Vol. 15, No. 2, 436–450. DOI: 10.17059/2019-2-10.

14. *Tsvil, M.M. & V.E. Shumilina.* (2014). Izuchenie zavisimosti rozhdaemosti naseleniya ot obespechennosti vrachebnym personalom i raskhodov na zdravookhraneniye, fizicheskuyu kulturu i sport s pomoshchyu ekonometricheskikh modeley [Studying of dependence of birth rate of the population from security with the medical personnel and expenses on health care, physical culture and sport by means of econometric models]. *Inzhenernyy vestnik Dona* [Engineering Journal of Don], 1 (28). Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21804388> (date of access: 21.08.2021).
15. *Chuchkalova, S.V.* (2011). Modelirovaniye demograficheskikh protsessov v Kirovskoy oblasti: Avtoref. diss. ... kand. ekon. nauk [Modeling demographic processes in the Kirov region: Author's abstract for the Candidate of Economics Thesis]. Perm, 23.
16. *Shubat, O.M. & A.P. Bagirova.* (2018). Ekonomicheskie determinanty rozhdaemosti v Rossii: otsenka potentsiala vozdeystviya [Economic determinants of Russian fertility: an assessment of the potential impact]. In: *Demograficheskaya i semeynaya politika v kontekste tseyey ustoychivogo razvitiya. Sbornik statey IX Uralskogo demograficheskogo foruma: V 2 t.* [Demographic and Family Policy in the Context of Sustainable Development Goals: Collection of Articles of the IX Ural Demographic Forum: In 2 vols]. Ekaterinburg, Institute of Economics UrB RAS Publ., 461–473.
17. *Bijlsma, M.J. & B. Wilson.* (2020). Modelling the socio-economic determinants of fertility: a mediation analysis using the parametric g-formula. *Journal of the Royal Statistical Society. Series A: Statistics in Society*, Vol. 183, No. 2, 493–513. DOI: 10.1111/rssa.12520.
18. *Burillo, P., L. Salvati, S.A. Matthews & F. Benassi.* (2020). Local-scale fertility variations in a low-fertility country: Evidence from Spain (2002–2017). *Canadian Studies in Population*, Vol. 47, No. 4, 279–295. DOI: 10.1007/s42650-020-00036-6.
19. *Chen, S.* (2020). Parental investment after the birth of a sibling: the effect of family size in low-fertility China. *Demography*, Vol. 57, No. 6, 2085–2111. DOI: 10.1007/s13524-020-00931-2.
20. *Egidi, G., G. Quaranta, L. Salvati, R. Salvia & G.M. Antonio.* (2021). Investigating density-dependent patterns of population growth in Southern Italy, 1861–2019. *Letters in Spatial and Resource Sciences*, 14, 11–30. DOI: 10.1007/s12076-020-00262-1.
21. *Gauthier, A.H., P.W. de Jong.* (2021). Costly children: the motivations for parental investment in children in a low fertility context. *Genus*, Vol. 77, No. 6. Available at: <https://genus.springeropen.com/articles/10.1186/s41118-020-00111-5> (date of access: 20.06.2021). DOI: 10.1186/s41118-020-00111-5.
22. *Hartnett, C.S. & A. Gemmill.* (2020). Recent Trends in U.S. Childbearing Intentions. *Demography*, Vol. 57, No. 6, 2035–2045. DOI: 10.1007/s13524-020-00929-w.
23. *Kim, J. & N. Luke.* (2020). Lowest-low fertility in South Korea: Policy and domestic labor supports and the transition to second birth. *Social Forces*, Vol. 99, No. 2, 700–731. DOI: 10.1093/sf/soz159.
24. *Kountouris, Y.* (2020). Higher education and fertility: Evidence from reforms in Greece. *Economics of Education*, 79. Available at: <https://www.sciencedirect.com/>

science/article/pii/S0272775720305458?via%3Dihub (date of access: 20.06.2021). DOI: 10.1016/j.econedurev.2020.102059.

25. *Mariara, J., A. McKay, A. Newell & C. Rienzo.* (2018). Gender gaps in the path to adulthood for young females and males in six African countries from the 1990s to the 2010s. *Journal of Development and Migration*, Vol. 8, No. 11. Available at: <https://link.springer.com/article/10.1186%2Fs40176-018-0124-8> (date of access: 21.08.2021). DOI: 10.1186/s40176-018-0124-8.

26. *Martinez, G., K. Daniels & A. Chandra.* (2012). Fertility of men and women aged 15–44 years in the United States: National Survey of Family Growth, 2006–2010 (primary research report). *National Health Statistics Reports*. Division of Vital Statistics, National Center for Health Statistics, 51, 1–28.

27. *Salvati, L.* (2021). Births and the city: urban cycles and increasing socio-spatial heterogeneity in a low-fertility context. *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*, Vol. 112, No. 2, 195–215. DOI: 10.1111/tesg.12454.

28. *Vicsek, L.* (2018). Fertility myths, technology myths and their sources – Lay reasoning about age-related fertility decline. *Corvinus Journal of Sociology and Social Policy*, Vol. 9, No. 2, 49–75. DOI: 10.14267/cjssp.2018.2.03.

29. *Zhahov, N.V., E.A. Alpeeva, V.S. Krivoshlykov & E.S. Nesenyuk.* (2019). Inevitability of structural and economic reforms of regional. *Proceedings of the 33rd International Business Information Management Association Conference, IBIMA*, 4392–4397.

Information about the authors

Nizamutdinov, Marsel Malikhovich (Ufa, Russia) – Candidate of Sciences (Engineering), Docent, Head of the Sector of Economic and Mathematical Modeling, Institute of Social and Economic Research, UFRS RAS (71, Oktyabrya av., Ufa, 450054, Russia). E-mail: marsel_n@mail.ru.

Oreshnikov, Vladimir Vladimirovich (Ufa, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher at the Sector of Economic and Mathematical Modeling, Institute of Social and Economic Research, UFRS RAS (71, Oktyabrya av., Ufa, 450054, Russia). E-mail: voresh@mail.ru.

Поступила в редколлегию 30.12.2021.

После доработки 31.03.2022.

Принята к публикации 07.04.2022.

Д.А. Гайнанов, А.Г. Атаева, Л.И. Мигранова, А.Р. Атнабаева

ВЛИЯНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ВЫБОРА ШКОЛЬНИКОВ НА КАЧЕСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА РЕГИОНА

Одной из причин оттока и снижения качества человеческого капитала в регионах России является образовательная миграция, на которую влияет множество факторов, в том числе территориальные особенности образовательного выбора школьников (вуза и его местонахождения) и последующее невозвращение выпускников вузов на родину. В статье исследуются территориальные особенности образовательного выбора школьников региона на примере Республики Башкортостан. Определен уровень утери республикой высококвалифицированных кадров на основе сопоставления коэффициентов привлекательности вузов России с долей высококвалифицированных кадров в прибывшем или выбывшем населении. Анализ территориальных аспектов образовательного выбора проведен на основе социологического опроса школьников 10-х и 11-х классов школ городских округов и муниципальных районов Республики Башкортостан о выборе места обучения с использованием анкетного метода. Проанализированы результаты выбора в зависимости от места проживания школьника, профиля класса обучения, материального достатка семьи. Территориальное распределение предпочтений школьников по муниципальным районам и городским округам изучено во взаимосвязи с рейтингами вузов соседних регионов и с их географической близостью.

Ключевые слова: человеческий капитал; абитуриенты; образовательная миграция; молодежная миграция; миграционное поведение; высшее образование

Для цитирования: Гайнанов Д.А., Атаева А.Г., Мигранова Л.И., Атнабаева А.Р. Влияние пространственных аспектов образовательного выбора школьников на качество человеческого капитала региона // Регион: экономика и социология. – 2022. – № 4 (116). – С. 107–132. DOI: 10.15372/REG20220405.

ВВЕДЕНИЕ

Категория «человеческий капитал» (Human Capital), введенная в научный оборот Т. Шульцем, появилась как результат естественной эволюции и обобщения категорий «трудовые ресурсы», «рабочая сила», «человеческий фактор» [2]. В экономических и социологических исследованиях понятие «человеческий капитал» применяется для объяснения причин и оценки влияния образования, опыта, иных личных характеристик индивида на его производительность, эффективность труда. В настоящее время понятие о человеческом капитале уже давно вышло за рамки экономической категории «рабочая сила», включая в себя также представления о способностях, мотивации к производительному труду, знаниях и компетенциях индивидов, имеющих экономическую ценность, вплоть до состояния здоровья.

Для территориальных социально-экономических систем, в том числе для регионов, человеческий капитал является ключевым фактором долгосрочной конкурентоспособности. Если ранее, в неоклассических моделях, человеческий фактор в качестве фактора роста производительности не учитывался (модель Солоу), то в новых теориях роста человеческий капитал выступает одним из производственных факторов. Есть исследования, подтверждающие, что человеческий капитал имеет для регионального развития такое же значение, как и физический капитал, а «региональная политика, направленная на улучшение условий для накопления человеческого капитала, является такой же важной и актуальной, как и меры по улучшению инвестиционного климата» [5].

Формирование человеческого капитала – длительный и сложный инвестиционный процесс, который под силу только государству, оно осуществляется на всех уровнях образовательной системы. И часто возникает ситуация, когда выбор образовательного учреждения влия-

ет не только на получение индивидами специальностей, соответствующих рынку труда, но и на пространственные перетоки человеческих ресурсов между регионами. Это связано не столько с миграцией, сколько с невозвращением выпускников вузов в родные регионы. Изучение пространственных аспектов выбора места обучения является отдельным направлением зарубежных исследований [7; 11; 15; 16]. В частности, разрабатывались гравитационные модели для анализа потоков абитуриентов в учреждения высшего образования [6; 8; 10]. В отечественной науке также исследуются проблемы выбора учреждений образования, в том числе разрабатываются отдельные математические модели [3; 4]¹.

Безусловно, традиционные факторы миграции влияют и на образовательную миграцию, в том числе это касается желания уехать из малых городов или из сельской местности в мегаполисы как следствия агломерационных эффектов [1; 13; 14]. Но кроме этого, значительное влияние на выбор молодежи оказывает образовательный потенциал территории [9]. В частности, даже наличие в регионе с развитой экономикой достаточно крупных вузов, как в Республике Башкортостан, не удерживает молодежь, создавая для региона угрозу утери человеческого капитала в долгосрочной перспективе.

Дисбаланс рынка труда и рынка образовательных услуг является одной из причин утери человеческого капитала в ряде регионов России. Например, в Республике Башкортостан, для которой характерен положительный естественный прирост, сокращение количества населения связано с высоким значением миграционной убыли. В 2020 г. численность мигрантов в республике составила 125 тыс. чел., т.е. 3% от общей численности населения региона. Основное количество выбывающих (43%) приходится на возраст 15–29 лет – возраст получения высшего образования и устройства на работу по его завершении. В 2021 г. с целью поступления в вузы регион покинули 40% всех выпускников 11-х классов. Эти абитуриенты не являются ми-

¹ См. также: *Гайнанов Д.А., Мигранова Л.И.* Агент-ориентированный подход к сбалансированному взаимодействию региональных рынков труда и образовательных услуг // *Фундаментальные исследования.* – 2013. – № 8-2. – С. 394–398.

грантами, но как показывает практика, большинство из них не возвращаются в республику.

Цель статьи – исследование факторов влияния образовательной миграции на человеческий капитал региона. В качестве объекта исследования выбрана Республика Башкортостан, обладающая большим образовательным потенциалом (всего в регионе 51 вуз²), но с высокой долей молодежи, уезжающей на обучение в другие регионы. Выбор Башкортостана интересен также в связи с его географическими особенностями. Столица республики, г. Уфа, находится в центре региона, а вокруг него примерно на одинаковом расстоянии по всем направлениям располагаются крупнейшие образовательные центры России: Казань, Екатеринбург, Челябинск, Оренбург и др., что дополнительно влияет на направления потоков обучающихся.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование осуществлено по двум основным направлениям: 1) определение рейтинга Республики Башкортостан среди регионов России по угрозе оттока человеческого капитала; 2) анализ перспектив миграционного поведения выпускников школ Республики Башкортостан.

В рамках первого направления для анализа была построена матрица распределения регионов по трем показателям: коэффициенту привлекательности вузов ($K_{\text{привл}}$), доле высококвалифицированных кадров в прибывшем населении для регионов с положительным миграционным приростом ($K_{\text{приб}_{\text{квал}}}$) и доле высококвалифицированных кадров в выбывшем населении для регионов с отрицательным миграционным приростом ($K_{\text{выб}_{\text{квал}}}$).

Первый показатель отражает привлекательность вузов региона на основе соотношения числа выпускников школ региона с числом абитуриентов, поступивших на первый курс. При этом логика была следующей: если количество выпускников школ меньше количества поступивших на первый курс в этом же регионе, то часть поступивших,

² URL: <https://vuzoteka.ru/вузы/Уфа>.

скорее всего, приехали из других регионов. Соответственно, если количество школьников, получивших аттестат о среднем общем образовании, гораздо больше количества студентов, принятых на первый курс, то часть выпускников поступают в вузы других регионов.

Таким образом, коэффициент привлекательности вузов региона определялся по следующей формуле:

$$K_{\text{привл}} = \text{Вып}_{\text{скор}} / \text{Пост}_{\text{скор}} = (0,78 \text{ Вып}) / (0,87 \text{ Пост}), \quad (1)$$

где $K_{\text{привл}}$ – коэффициент привлекательности вузов региона, ед.; $\text{Вып}_{\text{скор}}$ – скорректированный показатель числа выпускников школ, поступающих в вузы, тыс. чел.; $\text{Пост}_{\text{скор}}$ – скорректированный показатель принятых на обучение на очную форму обучения в регионе, тыс. чел.; Вып – количество выпускников, получивших аттестат о среднем общем образовании, тыс. чел.; Пост – количество принятых на обучение на очную форму обучения, тыс. чел. Показатели 0,78 и 0,87 взяты из исследования И.С. Кашницкого и его коллег [12], они связаны со следующими ограничениями: не все выпускники школ сразу поступают в вузы (выбирают среднее профессиональное образование, могут уйти в армию, пойти работать и т.д.), не все поступившие в вузы окончили школу в этом же году (выпускники учреждений среднего профессионального образования, работали после школы, пришли из армии и т.д.).

Доли высококвалифицированных кадров в численности прибывшего или выбывшего населения региона отдельно для территорий с положительным и отрицательным миграционным приростом отражают наличие или отсутствие компенсации оттока абитуриентов из региона за счет притока кадров с высшим образованием:

$$K_{\text{приб квал}} = \frac{\text{Ч}_{\text{приб квал}}}{\text{Ч}_{\text{приб}}}, \quad (2)$$

$$K_{\text{выб квал}} = \frac{\text{Ч}_{\text{выб квал}}}{\text{Ч}_{\text{выб}}}, \quad (3)$$

где $\text{Ч}_{\text{приб квал}}$ – численность прибывших в регион с высшим профессиональным образованием, чел.; $\text{Ч}_{\text{приб}}$ – общая численность прибыв-

ших в регион, чел.; $Ч_{\text{выб}_{\text{квал}}}$ – численность выбывших из региона с высшим профессиональным образованием, чел.; $Ч_{\text{выб}}$ – общая численность выбывших из региона, чел.

Авторы понимают, что этот показатель весьма условно характеризует уровень утери высококвалифицированных кадров или их компенсации, учитывая, что есть еще мигранты с неполным высшим, средне-специальным и начальным профессиональным образованием. Мы выделили мигрантов с высшим образованием только в связи с тем, что рассматриваем в целом потоки абитуриентов в вузы.

В рамках второго направления исследования для анализа был проведен социологический опрос учащихся школ городских округов и муниципальных районов Республики Башкортостан о выборе места обучения с использованием анкетного метода при поддержке Министерства образования Республики Башкортостан. Поскольку опрашивались несовершеннолетние, до начала опроса министерство разослало письма по школам республики для получения разрешения от родителей учеников.

Опрос проводился авторами в период с мая по июнь 2021 г. Были опрошены учащиеся 10-х и 11-х классов в 62 муниципальных образованиях Республики Башкортостан. Составленный для этого опросник включал 28 вопросов, охватывающих: социальный портрет школьника (пол, возраст, класс, место жительства); предпочтения в учебе (профильный класс, любимый предмет, планы по ЕГЭ, школьные достижения), при выборе учебного заведения (выбор вуза, значимые характеристики вуза при выборе), при выборе специальности (предпочтительные направления специальности, причины выбора направления); миграционное поведение (причины переезда, вуз); профориентацию (источники информации о вузе, профориентационные мероприятия в школе). Опрос был разработан на платформе Google Forms и разослан по школам региона по электронной почте при содействии Министерства образования Республики Башкортостан.

В опросе приняли участие 6 127 школьников, что составило 17,2% от генеральной совокупности. В полученной выборке наблюдается смещение процентного соотношения респондентов мужского и женского пола (32% – мужского, 68% – женского) по сравнению с генеральной совокупностью (51% – мужского, 49% – женского). Для

уравнивания выборочных и генеральных распределений социально-демографических характеристик респондентов был осуществлен ремонт выборки: удалены ответы респондентов женского пола в случайном порядке равномерно по всем муниципальным образованиям; удалены ответы респондентов со случайными и неполными ответами; унифицированы ответы респондентов, данные в свободной форме. В результате выборка сократилась до 2 069 юношей (48,3%) и 2 219 девушек (51,7%), половина из которых проживают в сельской местности (2 152 чел.), а другая половина – в городской (2 136 чел.). Из всех опрошенных 50,6% обучаются в 10-м классе, 49,4% – в 11-м классе; 1 198 учеников (27,9%) числятся в физико-математическом профильном классе, 546 (12,7%) – в химико-биологическом, 456 (10,6%) – в социально-экономическом, 199 (4,6%) – в информационно-технологическом, 18 (0,4%) – в художественно-эстетическом, 1 871 – в не-профильном классе.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Определение рейтинга Республики Башкортостан среди регионов России по угрозе оттока человеческого капитала. В таблице 1 представлена матрица распределения регионов по показателям привлекательности вузов и доли высококвалифицированных кадров в прибывающем и выбывающем населении региона. Отмечены регионы со столицами – городами-миллионниками, для остальных регионов указано только их общее количество.

Из таблицы 1 видно, что в зоне притяжения человеческого капитала находятся в основном крупные регионы со столицами – городами-миллионниками. С одной стороны, здесь представлены крупнейшие образовательные центры России: Москва, Санкт-Петербург, Татарстан, Свердловская и Новосибирская области, которые притягивают к себе абитуриентов из других регионов России. С другой стороны, они же являются крупнейшими агломерациями с развитыми экономикой и социальной инфраструктурой, более высоким качеством жизни в сравнении с другими регионами.

Таблица 1

Матрица соответствия коэффициента привлекательности вузов удельному коэффициенту оттока населения по регионам РФ

Показатель	Значение коэффициента	Коэффициент привлекательности вузов региона, 2020			
		0–0,5	0,5–1,0	1,0–1,5	1,5–2,0
Положительный миграционный прирост лиц старше 14 лет	$K_{\text{приб}}_{\text{квал}} 20\%$	6 регионов	8 регионов	Воронежская обл. (8), Нижегородская обл. (13) + 2 региона	Ростовская обл. (17), Татарстан (4)
	$K_{\text{приб}}_{\text{квал}} 20\%$	2 региона	Красноярский край (46) + 5 регионов	Свердловская обл. (15), Новосибирская обл. (22)	г. Санкт-Петербург (2), + 1 регион
Отрицательный миграционный прирост лиц старше 14 лет	$K_{\text{выб}}_{\text{квал}} 20\%$	5 регионов	Пермский край (48) + 13 регионов	1 регион	г. Москва (1)
	$K_{\text{выб}}_{\text{квал}} 20\%$	9 регионов	Челябинская обл. (25), Омская обл. (53), Башкортостан (29) + 14 регионов	2 региона	Томская обл.
	Зона притяжения человеческого капитала				
	Зона компенсации непривлекательности местных вузов за счет притока высококвалифицированных кадров				
	Зона подготовки и донорства будущего трудового потенциала				
	Зона оттока человеческого капитала				

Примечание: в скобках указан показатель качества жизни населения в регионе на 2021 г. (см.: *Рейтинг регионов России по качеству жизни 2021–2022*. – URL: <https://top-rg.ru/places/110-rejting-regionov.html>).

Источник: составлено авторами по результатам расчетов.

Есть регионы, в которых непривлекательность вузов для абитуриентов компенсируется за счет положительного миграционного прироста и высокой доли в нем кадров с высшим образованием, например Красноярский край. Есть ярко выраженные образовательные центры России, являющиеся донорами высококвалифицированных кадров, например Томская область. Однако подавляющее большинство российских регионов (45 субъектов Федерации) относятся к зоне оттока человеческого капитала, в том числе четыре региона со столицами – городами-миллионниками, в которых даже наличие агломерации не сдерживает отток высококвалифицированных кадров, а существующая система подготовки кадров высшей квалификации является непривлекательной не только для абитуриентов из других регионов, но и для местных выпускников школ. Мурманская, Астраханская, Магаданская, Сахалинская области, Республика Бурятия, Забайкальский, Камчатский края, Еврейская автономная область и Чукотский автономный округ входят в зону наибольшего оттока потенциального и существующего высококвалифицированного человеческого капитала.

К регионам, входящим в зону оттока человеческого капитала и непривлекательности местных вузов для абитуриентов, относится и Республика Башкортостан. Для региона в целом характерна миграционная убыль, которая на треть является межрегиональной (на внутрирегиональную миграцию приходится 64% всех выбывших, 29% – на межрегиональную, 5% – на международную). Если рассмотреть средние значения численности выбывших за 2017–2020 гг., то видно, что основной процент выбывающих (43%), как мы уже отмечали, приходится на возраст 15–29 лет – возраст получения высшего образования и устройства на работу по окончании учебы (рис. 1). Из города выбывает преимущественно население в возрасте 20–24 лет (17%), из села – в возрасте 15–19 лет (15%).

В 2019 г. 11,8% населения Республики Башкортостан выбыло по причинам, связанным с получением образования. Миграционная убыль в связи с учебой в 2019 г. составила 1 738 чел. При этом, по некоторым данным, «ежегодно из Башкирии уезжают около

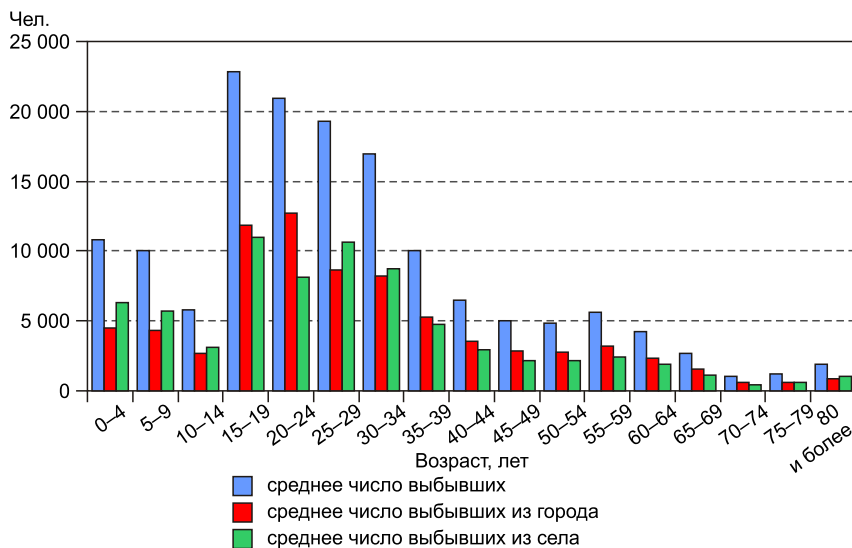

Рис. 1. Распределение мигрантов по возрасту, потокам миграции, категориям поселений в Республике Башкортостан в среднем за 2017–2020 гг.

Источник: составлено авторами по данным официальной статистики Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан (URL: <https://bashstat.gks.ru/folder/25491#>)

пяти-шести тысяч ребят, которые поступают в университеты других регионов страны»³.

В целом следует отметить, что Республика Башкортостан во всех срезах имеет негативную тенденцию потери человеческого капитала, основную часть которой составляет молодежь.

Анализ перспектив миграционного поведения выпускников школ Республики Башкортостан. Результаты опроса 6 127 школьников 10–11-х классов в 54 муниципальных районах и восьми городских округах Республики Башкортостан (17,2% от генеральной совокупности) в отношении их планов уехать в другой регион для получения образования представлены в табл. 2.

³ URL: <https://rg.ru/2021/07/14/reg-pfo/bashkirskie-stoballniki-mogut-poluchit-150-tysiach-rublej.html>.

Таблица 2

**Распределение ответов школьников 10–11-х классов
Республики Башкортостан о намерении уехать в другой регион
для получения образования по отдельным группам, % (чел.)**

Группы школьников	Плани- руют уехать	Казань	Москва	Санкт- Петер- бург	Екате- рин- бург	Другие регионы
<i>Территориальное распределение ответов</i>						
Школьники г. Уфы (N = 1 410)	43,0 (601)	11,8	29,6	23,0	1,0	34,6
Школьники городских округов (N = 582)	64,0 (371)	31,3	14,0	17,5	1,6	35,6
Школьники муниципальных районов (N = 2 296)	38,0 (869)	21,3	16,5	12,1	4,5	45,7
Всего (N = 4 288)	42,9 (1 841)	20,8	20,8	17,1	2,8	38,5
<i>Выбор медалистов</i>						
Учащиеся 11-х классов с золо- той медалью (N = 396)	39,9 (158)	19,6	28,5	18,4	5,7	27,8
Учащиеся 11-х классов с сереб- ряной медалью (N = 160)	28,7 (46)	34,8	17,4	19,6	0,0	28,3
<i>Корреляция с профильным классом</i>						
Учащиеся 11-го профильного физико-математического класса (N = 1 198)	51,0 (612)	12,7	11,8	8,5	1,5	65,5
Учащиеся 11-го профильного химико-биологического класса (N = 546)	45,6 (249)	8,8	4,0	11,6	2,8	72,7
Учащиеся 11-го профильного социально-экономического класса (N = 456)	40,1 (183)	12,6	12,6	7,7	1,6	65,6
<i>Доходы семей учащихся</i>						
Ниже среднего (денег сейчас не хватает даже на приобре- тение продуктов питания; денег сейчас хватает только на приобретение продуктов питания) (N = 149)	45,6 (68)	17,6	23,5	2,9	4,4	51,5

Окончание табл. 2

Группы школьников	Плани- руют уехать	Казань	Москва	Санкт- Петер- бург	Екате- рин- бург	Другие регионы
Средний (денег хватает для приобретения необходимых продуктов питания и одежды, более крупные покупки приходится откладывать на потом) (N = 1 254)	49,0 (614)	21,8	20,8	16,0	2,6	38,8
Высокий (денег хватает для покупки товаров длительного пользования, ни в чем себе не отказывать) (N = 1 546)	55,8 (863)	21,4	20,4	19,9	3,0	35,2

Источник: составлено авторами по результатам проведенного опроса.

Результаты анализа ответов школьников по поводу выбора вуза характеризуют усиливающуюся проблему угрозы утери человеческого капитала для Республики Башкортостан. Почти половина опрошенных школьников (42,9%) планируют поступать в вузы других регионов. При этом предпочтения учащихся различаются в зависимости от места их проживания. Если школьники из муниципальных районов предпочитают вузы внутри региона (62% учащихся 10–11-х классов), то в отношении школьников из городских округов ситуация кардинально иная. Почти две трети школьников из городских округов республики планируют поступать в вузы других регионов, при этом территориальное предпочтение отдается Казани, одному из крупнейших образовательных центров, который располагается в 548 км от столицы Башкортостана (Москва – в 1 355 км, Санкт-Петербург – в 2 050 км). Для школьников Уфы предпочтительными являются вузы Москвы и Санкт-Петербурга. Связано это как с традиционно более высокими баллами ЕГЭ в городе, так и с развитым авиасообщением с Москвой и Санкт-Петербургом (количество ежедневных прямых авиарейсов в Москву больше десяти, в Санкт-Петербург – три).

Наличие медали не особо сильно влияет на предпочтение места обучения, так как почти не учитывается при поступлении в вузы.

Имеется расхождение в предпочтениях школьников в зависимости от профиля класса. Планируют уехать более половины учеников профильных математических классов, тогда как для социально-экономических классов эта доля составляет 40%. Кроме того, по результатам опроса наблюдается тенденция оттока учащихся с более высокими доходами семьи, при этом территориальное расстояние до вузов не имеет принципиального значения (две трети школьников из наиболее обеспеченных семей в равной степени предпочитают вузы Москвы, Санкт-Петербурга или Казани).

Если рассмотреть только 11-й класс (школьники, которые с большей вероятностью уже приняли решение относительно поступления), то средний портрет потенциального мигранта Республики Башкортостан представлен в табл. 3. В среднем из республики планируют уехать школьники из более обеспеченных семей. Как правило, это обучающиеся в профильных физико-математических классах (в особенности в городских округах). Предпочитаемая специальность для потенциального мигранта связана с инженерным делом и техническими науками.

Таблица 3

**Портрет потенциального мигранта среди школьников 11-х классов
Республики Башкортостан**

Характеристика респондентов	В городских округах (N = 164)	В муниципаль- ных районах (N = 426)
Высокий доход семьи (денег хватает для покупки товаров длительного пользования, ни в чем себе не отказываем), %	48,2	43,4
Профильный класс (физико-математический), %	46,3	30,3
Медалисты, %	23,8	23,0
Инженерное дело, технологии и технические науки, %	35,4	29,1

Источник: составлено авторами по результатам проведенного опроса.

Таблица 4

Факторы, влияющие на желание учеников 10–11-х классов Республики Башкортостан поступать в вузы других регионов, % ответов

Фактор	В Уфе (N = 1 410)	В городских округах (N = 582)	В муниципаль- ных районах (N = 2 296)
В вузах Республики Башкортостан нет желаемой специальности	28,4	32,4	29,3
В этих регионах легче найти работу, чем в Республике Башкортостан	25,4	26,3	30,8
Эти вузы находятся в крупных городах, привлекательных для проживания	50,6	30,6	25,8
У вузов Республики Башкортостан низкий рейтинг	36,6	35,7	32,4
Просто хочу уехать из Республики Башкортостан	6,3	8,8	9,7

Источник: составлено авторами по результатам проведенного опроса.

Дополнительно школьникам был задан вопрос о факторах, влияющих на их желание уехать из региона (табл. 4). Притягательность крупнейших экономических, культурных, образовательных центров – Москвы и Санкт-Петербурга как фактор выбора вуза наиболее значима для школьников столицы Башкортостана (более половины опрошенных школьников указали этот фактор). Для школьников семи других городских округов и 54 муниципальных районов более значимым фактором является низкий рейтинг вузов республики.

Примерно на одинаковом уровне значимости для школьников находятся отсутствие в вузах Республики Башкортостан желаемой специальности и более высокие шансы трудоустройства в других регионах. При этом само по себе желание уехать из республики не является для школьников сильно значимым. Это говорит о важности повышения качества образования и изменения состава предлагаемых специальностей как факторов, позволяющих удержать молодежь в регионе.

Если сравнить факторы привлекательности городов как образовательных центров, то Уфа уступает не только Москве и Санкт-Петербургу, но и ближайшим соседним городам-миллионникам. Это касается как качества образования, косвенно отражаемого через рейтинги, так и количества вузов в городе (табл. 5). При этом как на

Таблица 5

Факторы привлекательности вузов крупнейших городов России, в которые хотят поехать учиться школьники Республики Башкортостан

Фактор	Уфа	Москва	Санкт-Петербург	Екатеринбург	Казань
<i>Привлекательность вузов</i>					
Кол-во вузов в городе (включая филиалы)*	23	266	88	41	34
Кол-во вузов, входящих в рейтинг университетов мира QS	0	8	3	1	1
Кол-во вузов, входящих в рейтинг мировых университетов журнала Times Higher Education (THE)	2	13	5	1	2
Кол-во вузов, входящих в рейтинг «Топ-100 вузов России» RAEX-2021	2	31	11	2	4
<i>Социально-экономические факторы</i>					
Средняя заработная плата в регионе, тыс. руб.**	44,2	135,4	83,6	50,9	47,5
Уровень безработицы в регионе, %***	4,7	1,5	1,5	4,0	3,2
Качество жизни, баллов****	50,0	82,2	80,6	56,6	66,6
ВРП на душу населения в 2018 г., млн руб.*****	0,41	1,42	0,78	0,53	0,63

Источники: * – URL: <https://vuzoteka.ru/вузы/города/>; ** – URL: http://fincan.ru/articles/119_srednyaja-zarplata-v-rossii-po-regionam-v-2020-godu/; *** – URL: <https://riarating.ru/infografika/20200317/630157723.html>; **** – URL: <https://riarating.ru/regions/20210216/630194647.html>; ***** – URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_14p/Main.htm.

выбор города для получения высшего образования, так и на возвращение выпускников вузов в родной регион влияют социально-экономические факторы: уровень и качество жизни в регионе, возможность трудоустройства и др. По всем ключевым социально-экономическим показателям Башкортостан уступает регионам, в вузы которых хотя бы поступать учиться школьники из республики. Это свидетельствует о низкой привлекательности Башкортостана для потенциальных мигрантов и о высокой вероятности невозвращения в республику выпускников, получивших образование в вузах других регионов.

Факторы территориального притяжения абитуриентов вузов соседних регионов. Изначально планировалось определить территориальные группы муниципальных образований Республики Башкортостан по направлениям образовательной миграции. Однако анализ результатов опроса по категории выбора предпочтительного для поступления вуза из другого региона не дал возможности сгруппировать территории по данному параметру. Поэтому были исследованы аспекты мобильности и удаленности и выявлены следующие закономерности:

во-первых, более подвижное население проживает в северных районах республики, что объясняется близостью крупных научных центров в Казани, Ижевске и Екатеринбурге;

во-вторых, снижается значимость удаленности (близости) учебного заведения, что подтверждается равномерным распределением количества школьников из районов республики, желающих поступить в вузы Казани, Москвы и Санкт-Петербурга.

На рисунке 2 отображены предпочтения школьников, планирующих поступать в вузы других регионов⁴. Если рассмотреть географическое распределение выбора школьников по муниципальным обра-

⁴ Школьникам были предложены следующие варианты: Альметьевск, Аша, Белгород, Владивосток, Волгоград, Екатеринбург, Ижевск, Казань, Кострома, Краснодар, Кубань, Курск, Магнитогорск, Москва, Нефтеюганск, Новороссийск, Новосибирск, Обнинск, Омск, Оренбург, Пермь, Рязань, Самара, Санкт-Петербург, Севастополь, Томск, Тюмень, Ульяновск, Челябинск, свой вариант ответа.

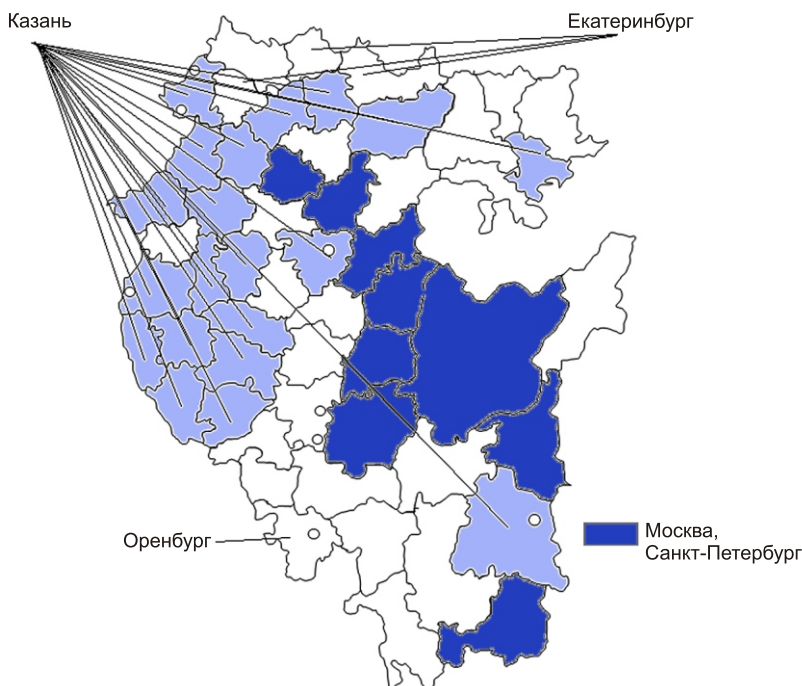

Рис. 2. Предпочтения школьников в выборе вузов других регионов по муниципальным районам Республики Башкортостан (максимальная доля)

Источник: составлено авторами по результатам проведенного опроса

зованиям (на карте, представляющей 54 муниципальных района Республики Башкортостан), то можно сделать следующие выводы:

1) в западной части Башкортостана учащиеся школ в большей степени тяготеют к Республике Татарстан, практически в большинстве муниципальных районов этой части региона школьники явно предпочитают поступать в вузы Казани;

2) несмотря на то что Екатеринбург – один из крупнейших образовательных центров России, он не является притягательным для старшеклассников Башкортостана. Вузы Екатеринбурга предпочитают

абитуриенты лишь из нескольких муниципальных районов на севере региона;

3) территориальная близость Куюргазинского района к Оренбургской области объясняет выбор школьников 10–11-х классов этого муниципалитета;

4) поскольку Челябинск и Магнитогорск, находящиеся к востоку от Республики Башкортостан, не имеют вузов, конкурентоспособных по сравнению с Казанским и Уральским федеральными университетами, они не являются притягательными для школьников, проживающих в территориальной близости от них. Значительная часть учащихся старших классов из муниципалитетов восточных районов Республики Башкортостан планируют поступать в вузы Москвы или Санкт-Петербурга;

5) ситуация для абитуриентов из других муниципалитетов не так очевидна и не позволяет выделить явные предпочтения школьников.

Привлекательность вузов Республики Башкортостан как фактор удержания и привлечения в регион человеческого капитала. У всех категорий школьников, которые планируют поступать в вузы Республики Башкортостан, наиболее популярными являются четыре крупнейших вуза: Уфимский государственный нефтяной технический университет (УГНТУ), Уфимский государственный авиационный технический университет (УГАТУ), Башкирский государственный университет (БГУ), Башкирский государственный медицинский университет (БГМУ). Из выпускников 11-х классов 85,5% золотых медалистов и 86,7% серебряных медалистов, которые планируют поступать в вузы республики, выбирают эти четыре вуза. Причем наиболее популярным является УГНТУ как престижный технический вуз с максимальной долей бюджетных мест по востребованным специальностям (табл. 6).

УГАТУ как технический вуз с престижными в будущем специальностями также популярен у школьников из городских округов. Для школьников из муниципальных районов разрыв в выборе вузов не так очевиден. Здесь более значимыми факторами, особенно для выпуск-

Таблица 6

**Результаты опроса школьников, планировавших поступать в вузы
Республики Башкортостан в 2021 г., и отдельные характеристики
наиболее популярных вузов**

Характеристика респондентов	УГНТУ	УГАТУ	БГУ	БГМУ
<i>Территориальное распределение ответов, %</i>				
Школьники г. Уфы (N = 630)	9,1	4,5	4,6	5,3
Школьники городских округов (N = 143)	17,0	11,5	8,1	4,8
Школьники муниципальных районов (N = 944)	11,1	7,8	10,0	6,9
<i>Выбор медалистов, %</i>				
Учащиеся 11-х классов с золотой медалью (N = 117)	38,5	18,8	12,8	15,4
Учащиеся 11-х классов с серебряной медалью (N = 45)	46,7	15,6	13,3	11,1
<i>Корреляция с профильным классом, %</i>				
Учащиеся 11-го профильного физико-математического класса (N = 257)	45,9	28,0	12,8	1,9
Учащиеся 11-го профильного химико-биологического класса (N = 120)	19,2	5,0	9,2	54,2
Учащиеся 11-го профильного социально-экономического класса (N = 88)	22,7	26,1	25,0	3,4
<i>Доходы семей учащихся, %</i>				
Ниже среднего (денег сейчас не хватает даже на приобретение продуктов питания; денег сейчас хватает только на приобретение продуктов питания) (N = 70)	15,7	30,0	28,6	14,3
Средний (денег хватает для приобретения необходимых продуктов питания и одежды, более крупные покупки приходится откладывать на потом) (N = 593)	28,2	17,2	22,6	12,1

Окончание табл. 6

Характеристика респондентов	УГНТУ	УГАТУ	БГУ	БГМУ
Высокий (денег хватает для покупки товаров длительного пользования, ни в чем себе не отказывать) (N = 646)	31,6	20,9	15,3	14,6

Отдельные характеристики вузов

Кол-во бюджетных мест	2 073	1 473	1 328	696
Кол-во мест на платное обучение	3 045	1 662	3 794	870
Кол-во специальностей	184	111	227	8
Кол-во направлений подготовки	39	47	67	7
Минимальные проходные баллы на бюджет	От 42,7	От 42,7	От 45,3	От 71,0
Минимальная стоимость обучения, руб.	60 000	51 600	29 000	134 712

Источник: составлено авторами по результатам опроса.

ников из сельской местности, являются стоимость обучения (БГУ), возможность поступления, т.е. количество специальностей для поступления (БГУ), и выделяемое количество бюджетных мест (на медицинские специальности в БГМУ). Медалисты, которые не планируют уезжать на обучение в другой регион, выбирают более престижный вуз – УГНТУ.

Выбор вуза также коррелирует с профилем класса, в котором учится школьник. Из учащихся 11-х классов физико-математического профиля две трети планируют поступать в технические вузы (УГНТУ, УГАТУ), более половины учащихся химико-биологических классов – в медицинский университет.

Чем выше доходы семьи учащегося, тем более престижный вуз он выбирает (УГНТУ), чем ниже доходы, тем больше влияет на выбор минимальная стоимость обучения (БГУ).

В целом полученное распределение коррелирует с результатами ответов на вопрос о важности для школьников тех или иных факторов выбора вуза. Приоритеты определились следующим образом: качест-

во образования – 90%, наличие бюджетных мест – 87%, стоимость обучения – 75%, репутация вуза – 64%, наличие общежития – 47%. Такие факторы, как близость к дому, мнение родителей и др., не особо важны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показало проведенное исследование, в Республике Башкортостан в явном виде имеется угроза утери человеческого капитала, связанной как с выбытием высококвалифицированного трудового капитала, так и с предпочтениями местных учащихся старших классов в выборе для обучения вузов других регионов. Республика значительно проигрывает по качеству высшего образования как крупнейшим образовательным центрам России (Москва, Санкт-Петербург, Томск, Новосибирск), так и соседним регионам (Республика Татарстан и Свердловская область). При этом, как показал опрос, для школьников Башкортостана само по себе желание уехать из республики не является значимым, гораздо более важные факторы – отсутствие в регионе высокорейтинговых вузов, отсутствие в программах местных вузов желаемых специальностей и более низкие возможности трудоустройства. Это говорит о том, что ключевым направлением в преодолении угрозы утери человеческого капитала являются качественная перестройка системы высшего образования в регионе и обеспечение ее конкурентоспособности хотя бы по сравнению с соседними регионами.

Одним из вариантов решения данной проблемы является обсуждаемый в Республике Башкортостан проект создания Евразийского научно-образовательного центра мирового уровня⁵, который представляет собой новую кластерную модель научно-образовательной, производственно-технологической и пространственно-инновационной трансформации региона. Однако его создание само по себе не решит проблему. Необходима комплексная совместная работа орга-

⁵ URL: <https://nocrb.ru/> .

нов власти, образовательных учреждений, общественных организаций, науки и бизнеса по накоплению и удержанию человеческого капитала региона. Работа должна включать в себя прогнозирование будущих кадровых потребностей, определение перспективных специальностей и их внедрение в систему высшего образования, экономико-математическое моделирование поведения абитуриентов и профориентационную работу по корректированию их поведения, а также комплекс мер по адаптации системы высшего образования Республики Башкортостан под потребности абитуриентов и рынка труда региона.

*Исследование выполнено в рамках государственного задания
УФИЦ РАН № 075-00504-21-00 на 2021 г.*

Список источников

1. Карачурина Л.Б., Флоринская Ю.Ф. Миграционные намерения выпускников школ малых и средних городов России // Вестник Московского университета. Сер. 5: География. – 2019. – № 6. – С. 82–89.
2. Мызин А.Л., Гурбан И.А. Проблемы оценки человеческого капитала в контексте исследования национального богатства регионов России // Экономика региона. – 2011. – № 1 (25). – С. 104–109.
3. Насадкин М.Ю., Питухин Е.А., Астафьева М.П. Агентное моделирование поведения абитуриентов при выборе вуза в России // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 8-2. – С. 307–311.
4. Паришутин И.А., Воронина А.С. Выбор абитуриентом специальности обучения как фактор изменения его профессиональной идентичности // Человеческий капитал. – 2020. – № 12 (144). – С. 213–222. DOI: 10.25629/НС.2020.12.21.
5. Штерцер Т.А. Роль человеческого капитала в экономическом развитии регионов РФ // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Социально-экономические науки. – 2006. – Т. 6, № 2. – С. 37–51.
6. Alm J., Winters J. Distance and intrastate college student migration // Economics of Education Review. – 2009. – No. 28. – P. 728–738.
7. Broecke S. University rankings: do they matter in the UK? // Education Economics. – 2015. – No. 23 (2). – P. 137–161. DOI: 10.1080/09645292.2012.729328.
8. Cooke T.J., Boyle P. The migration of high school graduates to college // Educational Evaluation and Policy Analysis. – 2011. – Vol. 33, No. 2. – P. 202–213.

9. *Dustmann C., Glitz A.* Migration and education // Handbook of the Economics of Education / Ed. by E.A. Hanushek, S. Machin, L. Woessmann. Amsterdam: Elsevier, 2011. – Vol. 4. – P. 327–439.

10. *Faggian A., Franklin R.S.* Human capital redistribution in the USA: the migration of the college-bound // Spatial Economic Analysis. – 2014. – No. 9. – P. 376–395.

11. *Gibbons S., Vignoles A.* Geography, choice and participation in higher education in England // Regional Science and Urban Economics. – 2012. – No. 42. – P. 98–113.

12. *Kashnitsky I., Mkrtchyan N., Leshukov O.* Interregional migration of youths in Russia: A comprehensive analysis of demographic statistics // Educational Studies. – Moscow, 2016. – No. 3. – P. 169–203. DOI: 10.17323/1814-9545-2016-3-169-203.

13. *Makkai B., Máté E., Pirisi G., Trócsányi A.* Where have all the youngsters gone? The background and consequences of young adults' outmigration from Hungarian small towns // European Countryside. – 2017. – Vol. 9, No. 4. – P. 789–807.

14. *Nugin R.* “I think that they should go. Let them see something”: The context of rural youth's out-migration in post-socialist Estonia // Journal of Rural Studies. – 2014. – No. 34. – P. 51–64.

15. *Spiess C.K., Wrohlich K.* Does distance determine who attends a university in Germany? // Economics of Education Review. – 2010. – No. 29. – P. 470–479.

16. *Suhonen T.* Field-of-study choice in higher education: does distance matter? // Spatial Economic Analysis. – 2014. – No. 9. – P. 355–375.

Информация об авторах

Гайнанов Дамир Ахнафович (Россия, Уфа) – доктор экономических наук, профессор, директор Института социально-экономических исследований УФИЦ РАН (450045, Уфа, Проспект Октября, 71). E-mail: 2d2@inbox.ru.

Атаева Айсылу Гарифулловна (Россия, Уфа) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института социально-экономических исследований УФИЦ РАН (450045, Уфа, Проспект Октября, 71). E-mail: ice_lu@mail.ru.

Мигранова Лилия Ишмухаметовна (Россия, Уфа) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института социально-экономических исследований УФИЦ РАН (450045, Уфа, Проспект Октября, 71). E-mail: lilya2710@yandex.ru.

Атнабаева Алсу Расилевна (Россия, Уфа) – научный сотрудник Института социально-экономических исследований УФИЦ РАН (450045, Уфа, Проспект Октября, 71). E-mail: alsouy@mail.ru.

DOI: 10.15372/REG20220405

Region: Economics & Sociology, 2022, No. 4 (116), p. 107–132

D.A. Gainanov, A.G. Ataeva, L.I. Migranova, A.R. Atnabaeva

THE IMPACT OF SCHOOLCHILDREN'S EDUCATIONAL CHOICES ON THE QUALITY OF THE HUMAN CAPITAL IN THE REGION

One of the reasons for the outflow and decline in the quality of human capital in Russian regions is educational migration, which is influenced by many factors, including the geography around schoolchildren's educational choices (which university and where it is located) and further non-return of university graduates to their place of origin. The article considers the spatial features of schoolchildren's educational choices in the region, using the Republic of Bashkortostan for a case study. It identifies how much highly qualified personnel leave the republic by comparing the attractiveness coefficients of Russian universities with the share of highly qualified personnel in the in- and out-migration. Spatial aspects of educational choices are analyzed through a questionnaire-based sociological survey of schoolchildren attending 10th and 11th grades in urban and municipal districts of the Republic of Bashkortostan as regards their selection of a place of study. We investigate the results of such a choice depending on the student's place of residence, class profile, and family wealth. The territorial distribution of schoolchildren's preferences by municipal and urban districts is studied in relation to the ratings of universities in neighboring regions and their geographical proximity.

Keywords: human capital; applicants; educational migration; youth migration; migration behavior; higher education

For citation: Gainanov, D.A., A.G. Ataeva, L.I. Migranova & A.R. Atnabaeva. (2022). Vliyaniye prostranstvennykh aspektov obrazovatel'nogo vybora shkolnikov na kachestvo chelovecheskogo kapitala regiona [The impact of schoolchildren's educational choices on the quality of the human capital in the region]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 4 (116), 107–132. DOI: 10.15372/REG20220405.

The study was funded by the state assignment of the Ufa Federal Research Center RAS No. 075-00504-21-00 for 2021

References

1. *Karachurina, L.B. & Yu.F. Florinskaya.* (2019). Migratsionnye namereniya vy-pusknikov shkol malykh i srednikh gorodov Rossii [Migration intentions of school graduates in small and midsize towns of Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 5: Geografiya* [Moscow University Bulletin. Series 5: Geography], 6, 82–89.
2. *Myzin, A.L. & I.A. Gurban.* (2011). Problemy otsenki chelovecheskogo kapitala v kontekste issledovaniya natsionalnogo bogatstva regionov Rossii [Problems of human capital estimating in a context of studying national wealth of Russian regions]. *Ekonomika regiona* [Economy of Regions], 1 (25), 104–109.
3. *Nasadkin, M.Yu., E.A. Pitukhin & M.P. Astafyeva.* (2015). Agentnoe modelirovanie povedeniya abiturientov pri vybore vuza v Rossii [The agent-based modeling of entrants' university choice in Russia]. *Fundamentalnye issledovaniya* [Fundamental Research], 8-2, 307–311.
4. *Parshutin, I.A. & A.S. Voronina.* (2020). Vybory abiturientom spetsialnosti obucheniya kak faktor izmeneniya ego professionalnoy identichnosti [The choice of a training specialty by an applicant as a factor of change in his or her professional identity]. *Chelovecheskiy kapital* [Human Capital], 12 (144), 213–222. DOI: 10.25629/HC.2020.12.21.
5. *Shtertser, T.A.* (2006). Rol chelovecheskogo kapitala v ekonomicheskom razvitiy regionov RF [The role of human capital in the economic development of the regions of the Russian Federation]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsialno-ekonomicheskie nauki* [Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Social and Economic Sciences], Vol. 6, No. 2, 37–51.
6. *Alm, J. & J. Winters.* (2009). Distance and intrastate college student migration. *Economics of Education Review*, 28, 728–738.
7. *Broecke, S.* (2015). University rankings: do they matter in the UK? *Education Economics*, 23 (2), 137–161. DOI: 10.1080/09645292.2012.729328.
8. *Cooke, T.J. & P. Boyle.* (2011). The migration of high school graduates to college. *Educational Evaluation and Policy Analysis*, Vol. 33, No. 2, 202–213.
9. *Dustmann, C. & A. Glitz.* (2011). Migration and education. In: E.A. Hanushek, S. Machin, L. Woessmann (Eds.). *Handbook of the Economics of Education*. Amsterdam, Elsevier, 4, 327–439.
10. *Faggian, A. & R.S. Franklin.* (2014). Human capital redistribution in the USA: the migration of the college-bound. *Spatial Economic Analysis*, 9, 376–395.
11. *Gibbons, S. & A. Vignoles.* (2012). Geography, choice and participation in higher education in England. *Regional Science and Urban Economics*, 42, 98–113.

12. *Kashnitsky, I., N. Mkrtchyan & O. Leshukov.* (2016). Interregional migration of youths in Russia: A comprehensive analysis of demographic statistics. *Educational Studies*. Moscow, 3, 169–203. DOI: 10.17323/1814-9545-2016-3-169-203.

13. *Makkai, B., E. Máté, G. Pirisi & A. Trócsányi.* (2017). Where have all the youngsters gone? The background and consequences of young Adults' outmigration from Hungarian small towns. *European Countryside*, Vol. 9, No. 4, 789–807.

14. *Nugin, R.* (2014). "I think that they should go. Let them see something": The context of rural youth's out-migration in post-socialist Estonia. *Journal of Rural Studies*, 34, 51–64.

15. *Spiess, C.K. & K. Wrohlich.* (2010). Does distance determine who attends a university in Germany? *Economics of Education Review*, 29, 470–479.

16. *Suhonen, T.* (2014). Field-of-study choice in higher education: does distance matter? *Spatial Economic Analysis*, 9, 355–375.

Information about the authors

Gainanov, Damir Ahnafovich (Ufa, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Director of the Institute of Social and Economic Research, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (71, Oktyabrya av., Ufa, 450045, Russia). E-mail: 2d2@inbox.ru.

Ataeva, Aisylu Garifullova (Ufa, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher at the Institute of Social and Economic Research, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (71, Oktyabrya av., Ufa, 450045, Russia). E-mail: ice_lu@mail.ru.

Migranova, Liliya Ishmuhamatovna (Ufa, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher at the Institute of Social and Economic Research, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (71, Oktyabrya av., Ufa, 450045, Russia). E-mail: lilya2710@yandex.ru.

Atnabaeva, Alsu Rasilevna (Ufa, Russia) – Researcher at the Institute of Social and Economic Research, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (71, Oktyabrya av., Ufa, 450045, Russia). E-mail: alsouy@mail.ru.

Поступила в редколлегию 05.10.2021.

После доработки 23.03.2022.

Принята к публикации 28.03.2022.

**А.В. Гармонова, Д.В. Щеглова, Е.А. Опфер,
Н.В. Андрейченко, М.О. Плохая**

**ТРЕКИ ПОСТУПЛЕНИЯ В МАГИСТРАТУРУ:
КАКИЕ ПРОГРАММЫ ПРИВЛЕКАЮТ
АБИТУРИЕНТОВ
(КЕЙС ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА)**

В статье рассматриваются треки поступления студентов в магистратуру Южного федерального университета (ЮФУ) в 2020 г., во время апробации сервисов и инструментов дистанционной подачи документов и дистанционных вступительных испытаний. Целью исследования стали проверка гипотез о треках поступления в магистратуру ЮФУ и анализ наиболее востребованных направлений подготовки с точки зрения стратегий поступления. На основе данных приемной комиссии и социологического опроса студентов ЮФУ описаны и проанализированы стратегии поступления магистрантов по следующим критериям: перерыв в обучении, смена вуза, смена города в бакалавриате, смена города в магистратуре.

В результате исследования выявлены наиболее и наименее востребованные направления подготовки и сформирован портрет потенциального магистранта, демонстрирующий, что целевая аудитория абитуриентов магистратуры разнородна по возрасту, стратегии выбора направлений подготовки и мотивам поступления. Гипотеза о том, что самым популярным треком для магистрантов является продолжение обучения в своем вузе без перерыва, не подтвердилась. Сделан вывод, что треки поступления, включающие смену региона при поступлении, характерны для магистрантов, выбирающих уникальные программы: не самые массовые, с небольшим конкурсом, но с сильной научной школой.

Доказано, что у магистрантов сформировался спрос на индивидуальные образовательные траектории.

Ключевые слова: российская магистратура; стратегии поступления; продвижение магистерских программ; портрет магистранта; Южный федеральный университет

Для цитирования: *Гармонова А.В., Щеглова Д.В., Опфер Е.А., Андрейченко Н.В., Плохая М.О.* Треки поступления в магистратуру: какие программы привлекают абитуриентов (кейс Южного федерального университета) // Регион: экономика и социология. – 2022. – № 4 (116). – С. 133–162. DOI: 10.15372/REG20220406.

ВВЕДЕНИЕ

В условиях формирования новой стратегии академического лидерства большинство ведущих университетов России поставили перед собой задачу стратегического проектирования изменений в магистратуре до 2030 г. [10]. Такое внимание к магистратуре не случайно.

Во-первых, магистратура служит индикатором жизненных стратегий молодых людей, которые проявляются в треках, выбранных после окончания бакалавриата. Имея опыт обучения в бакалавриате, абитуриент магистратуры делает более осознанный выбор направления подготовки, в том числе ориентируясь на рынок труда. Переезд в другой город для обучения в магистратуре становится легче, чем для обучения в бакалавриате, так как к тому времени большинство молодых людей уже имеют собственный источник дохода и обретают независимость от родителей [16].

Во-вторых, специфическая социальная роль магистратуры в России состоит в ее использовании как инструмента быстрого антикризисного регулирования занятости [19]. Так, в России магистратура является самой массовой среди стран ОЭСР на фоне слабой связи с запросом рынка труда, что говорит о том, что она регулируется не «рукой рынка», а государством [2].

В-третьих, целевые группы магистерского образования разнородны по возрасту, платежеспособности, стратегии выбора направлений подготовки и мотивам поступления¹. Анализ данных ВПО-1² за период с 2018 по 2020 г. показал тренд на снижение численности и изменение структуры поступающих в магистратуру. Важно отметить, что в магистратуру поступают представители разных возрастных групп (существует два возрастных пика: 21–25 и 30–35 лет). Среди тех, кто обучается на договорной основе, число магистрантов, поступивших с перерывом в год и более, в 1,5 раза больше, чем число поступивших без перерыва в обучении. В 2020 г. 56% обучавшихся в магистратуре поступили после перерыва³.

Треки поступления в магистратуру представляют особый интерес для управленческих команд вузов при планировании приемных кампаний. Важным фактором привлекательности вуза является его принадлежность к определенному типу (национальный исследовательский, федеральный, отраслевой, классический) [7; 14], что является следствием дифференциации в России университетов, функционирующих в разных правовых форматах [1] и ориентирующихся на показатели эффективности в зависимости от своего статуса [3].

Согласно стратегическим целям развития высшего образования федеральным университетам были предоставлены широкие полномочия по формированию и реализации экспериментальных образовательных программ, выходящих за рамки ФГОС [1; 11; 13]. Федеральные университеты должны стать питательной средой для новых форматов магистерского образования, более гибких, чем бакалав-

¹ См.: *Гармонова А.В., Щеглова Д.В.* Образовательные стратегии и профессиональные ориентиры современных российских магистрантов / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Институт образования. – М.: НИУ ВШЭ, 2020. – (Факты образования. № 3 (28)).

² См. статистику Министерства науки и высшего образования РФ (ВПО-1) (URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/>).

³ См.: *Форма N ВПО-1* «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры»: Сведения за 2020 год. – URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/>.

риат, с возможностью учета запроса со стороны студентов, что повлечет за собой изменение траекторий поступления в магистратуру.

Данная статья посвящена кейсу Южного федерального университета (ЮФУ), одного из ведущих федеральных вузов России: он входит в группу 701–800 международного рейтинга «Три миссии университета»⁴, занимает 28-е место в рейтинге влияния российских университетов по версии RAEX⁵, 15-е место в Национальном рейтинге университетов (Интерфакс)⁶.

В период с 2018 по 2020 г. контрольные цифры приема (КЦП) в магистратуру ЮФУ существенно уменьшились, что повлекло спад количества зачисленных на 25% (2 803 чел. в 2018 г., 2 120 чел. в 2020 г.). На фоне снижения КЦП конкурс на программы магистратуры увеличивался, так как желающих поступить в магистратуру остается достаточно много. Снижение КЦП и увеличение конкурса потребовали выбора более эффективной стратегии продвижения магистерских программ (кастомизация пользовательского интерфейса сайта, где представлены более 140 программ магистратуры, из которых 16 на английском языке; внедрение стратегии формирования контингента магистратуры с ориентацией на внешнюю целевую аудиторию как способа расширения географии и повышения качества приема) и изменения содержания академического магистерского образования через введение трека «магистратура – аспирантура».

Взгляды на траектории поступления студентов в магистратуру существенно различаются у разных заинтересованных сторон. С позиции университетов, поступление в магистратуру – это логичное продолжение образования и достройки новых компетенций. С позиции абитуриента, сохраняется непонимание эффектов от получения диплома второго уровня. С позиции рынка труда, в приоритете наличие необходимых компетенций независимо от наличия степени ма-

⁴ См.: *Московский международный рейтинг вузов «Три миссии университета»*. – URL: <https://mosiur.org/ranking/>.

⁵ См.: *Южный федеральный университет*. 2021. RAEX Rating Review. – URL: <https://raex-rr.com/database/contender/10000267>.

⁶ См.: *Национальный рейтинг университетов*. 2021. Интерфакс. Образование. – URL: <https://academia.interfax.ru/ru/ratings/?rating=1&year=2021&page=1>.

гистра, а развитие корпоративных университетов позволяет обучать сотрудников без вовлечения в этот процесс университетов [8].

Традиционное представление о том, что контингент магистратуры формируется из выпускников бакалавриата вуза, сегодня не столь однозначно, поэтому университетам необходимо пересмотреть подходы к набору в магистратуру. Значительная часть контингента магистратуры ЮФУ формируется из студентов других вузов (37% в 2018 г., 46,9% в 2021 г.) и тех, кто поступил с перерывом (доля таких магистрантов составила 59,4% в 2021 г.). Начиная с 2019 г. около 10% контингента поступают в магистратуру по рекомендации работодателя.

В 2020–2021 гг., в период быстрого перехода в онлайн-формат в связи с пандемией COVID-19, число магистрантов ЮФУ, поступивших из других субъектов РФ и стран, возросло (представленность субъектов РФ: 2019 г. – 54 чел., 2021 г. – 71 чел.; представленность стран: 2019 г. – 32 чел., 2021 г. – 48 чел.). Стратегии поступления в магистратуру могут различаться в зависимости от направлений подготовки и типа программ. В основу описания кейса ЮФУ положена идея о том, что треки поступления в магистратуру связаны с качеством магистерской программы и показывают дифференциацию стратегий привлечения абитуриентов магистратуры внутри одного университета.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

В представленном материале понятие «треки поступления» используется для описания стратегий выбора направления подготовки и вуза и содержательно отличается от понятия «треки обучения». Такое разграничение обусловлено задачами исследования, связанными с изучением того, как поступают на самые востребованные направления подготовки магистратуры и могут ли треки поступления служить предикторами качества магистерских программ. Отметим, что треки обучения магистрантов рассматриваются исследователями с двух точек зрения. Во-первых, как логика выбора дисциплин и получения компетенций в ходе обучения [16]. Во-вторых, как переходы

от одного уровня обучения к другому. Например, академический (поступление в вуз после школы) и неакадемический (среднее профессиональное образование, ранний выход на рынок труда) образовательные треки [14].

Сам процесс выбора, как и куда поступать в магистратуру, и факторы, на него влияющие, достаточно подробно изучены. По данным Ю.Б. Степановой, 60% абитуриентов магистратуры выбирают программу в том же вузе, где обучались в бакалавриате [12]. И.Н. Емельянова, О.А. Теплякова и Д.О. Тепляков зафиксировали, что абитуриентам магистратуры важно, «чтобы вуз располагался в крупной агломерации, а также имел особый статус» [6, с. 134]. Н.К. Габдрахманов, Н.Ю. Никифорова и О.В. Лешуков подчеркивают, что важными факторами выбора вуза являются развитая инфраструктура региона, конкурентоспособная система высшего образования и соответствующий рынок труда [5].

Треки поступления в магистратуру изучают с нескольких точек зрения. Во-первых, с точки зрения процессов миграции. В этом случае выбор программы магистратуры связывают с желанием переехать или, наоборот, оставаться в том же регионе [5]. Главным фактором притяжения выступает более привлекательный с экономической точки зрения регион. Это отражает ситуацию с социально-экономическим неравенством территорий, которое может быть уменьшено с помощью университетов, предлагающих такой образовательный продукт, который будет притягивать студентов и в перспективе оставлять их на региональном рынке труда.

Во-вторых, треки поступления связывают с достройкой профессиональных компетенций и сравнивают с программами дополнительного образования. Согласно данным исследования А.В. Меренкова и А.Д. Сущенко, потребность в дополнительном образовании существует у 71% респондентов, обучающихся на третьем-четвертом курсе бакалавриата/специалитета и в магистратуре [9]. Можно предположить, что магистратура не справляется со своими функциями по реализации индивидуального образовательного трека для студентов с разным уровнем знаний и по гармонизации содержания образования с потребностями рынка труда. Согласно данным того же исследо-

вания, при поступлении в магистратуру 12% студентов изменили направление профессионального обучения. Среди них преобладают те, кто обучался в бакалавриате на управленцев (74%), экономистов (17%), специалистов по информационным технологиям (11%). Студенты, которые обучались в бакалавриате по экономическим и управленческим направлениям, при поступлении в магистратуру чаще всего меняли направление подготовки на гуманитарное или инженерно-техническое, а студенты, окончившие бакалавриат по направлению «Информационные технологии», поступали в магистратуру на естественно-научные направления подготовки. Независимо от смены/несмены направления подготовки магистранты отмечают нехватку узкоспециализированных знаний, что вынуждает их обращаться к системе дополнительного образования.

О. Таварес и Ж.Б. Феррейра связывают причины поступления в магистратуру и выбора траектории обучения в рамках образовательной программы с мотивами успеха. В этом случае траектория определяется престижностью вуза и/или программы магистратуры [18]. Исследователи обнаружили, что близость к месту проживания оказалась самым важным фактором для государственных технических вузов, а также для отдельных направлений подготовки: «Педагогическое образование», «Экономика», «Менеджмент».

Подчеркнем, что треки поступления в магистратуру (смена вуза, смена направления подготовки, перерыв в обучении) связаны не только с привлекательностью региона или желанием продлить время обучения, но и с тем, насколько успешно вуз занимается продвижением магистерского образования. С нашей точки зрения, треки поступления в магистратуру, связанные со сменой вуза и/или места проживания, являются индикатором эффективности позиционирования магистратуры, отвечающей запросам абитуриентов на качественное образование.

При анализе треков поступления и их динамики обозначим два ключевых вопроса: какие треки самые распространенные и какие магистерские программы привлекают абитуриентов в рамках разных треков.

МЕТОДОЛОГИЯ И ДАННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В настоящей работе выдвинуто несколько гипотез о стратегиях поступления в магистратуру Южного федерального университета.

1. Самая популярная стратегия у абитуриентов магистратуры ЮФУ – продолжить обучение в своем вузе, без перерыва, по тому же или смежному направлению подготовки.

2. Эта стратегия «легкого пути» одинаково популярна в отношении всех направлений подготовки.

3. Вторая по популярности стратегия – переезд в более крупный город без перерыва в обучении и без смены направления подготовки. Такая стратегия – отражение привлекательности большого города/региона, а не привлекательности вуза и программ магистратуры.

4. Самые популярные (с высоким конкурсом и высокими КЦП) программы магистратуры притягивают лучших абитуриентов.

В данной статье рассмотрено несколько стратегий поступления в магистратуру, включающих следующие составляющие: 1) перерыв (его наличие и длительность) между первым дипломом о высшем образовании и поступлением в магистратуру; 2) смена вуза; 3) смена города в бакалавриате; 4) смена города в магистратуре.

Мы разделили треки поступления на восемь возможных стратегий. Основания различий в стратегиях – это конфигурации показателей «смена города», «смена вуза», «перерыв в обучении (между бакалавриатом и магистратурой)».

Показатели измерялись бинарной шкалой «да» (1) / «нет» (0): 1) иногородний (1/0); 2) предыдущее образование в ЮФУ (1/0); 3) перерыв (1/0).

Указанные элементы объединялись в разные комбинации треков поступления в магистратуру⁷:

⁷ Три группы параметров, измеряемых бинарной шкалой 0/1, состоят из 2^3 количества комбинаций согласно распределению количества элементов в матрице шириной 3.

стратегия 1: проживает в том же городе (Ростов-на-Дону)⁸, не сменил(а) вуз, не делал(а) перерыв в обучении (абитуриент закончил бакалавриат ЮФУ и сразу продолжил обучение в магистратуре в том же вузе);

стратегия 2: проживает в том же городе (Ростов-на-Дону), не сменил(а) вуз, сделал(а) перерыв в обучении (абитуриент закончил бакалавриат ЮФУ и после перерыва поступил в магистратуру в тот же вуз);

стратегия 3: проживал(а) в другом городе (не Ростов-на-Дону), сменил(а) вуз, не делал(а) перерыв в обучении (абитуриент переехал в Ростов-на-Дону с целью поступления в магистратуру ЮФУ сразу после бакалавриата);

стратегия 4: проживал(а) в другом городе (не Ростов-на-Дону), сменил(а) вуз, сделал(а) перерыв в обучении (с большой долей вероятности абитуриент переехал в Ростов-на-Дону для поступления в ЮФУ, после перерыва);

стратегия 5: проживал(а) в другом городе (не Ростов-на-Дону), не сменил(а) вуз, сделал(а) перерыв в обучении (абитуриент переехал в Ростов-на-Дону, в бакалавриате учился в ЮФУ и поступил в магистратуру после перерыва в тот же вуз);

стратегия 6: проживал(а) в другом городе (не Ростов-на-Дону), не сменил(а) вуз, не делал(а) перерыв в обучении (абитуриент переехал в Ростов-на-Дону еще в бакалавриате и учился в ЮФУ);

стратегия 7: проживает в том же городе (Ростов-на-Дону), сменил(а) вуз, сделал(а) перерыв в обучении (закончив бакалавриат в другом вузе Ростова-на-Дону, абитуриент сделал перерыв и принял решение сменить вуз для обучения в магистратуре);

стратегия 8: проживает в том же городе (Ростов-на-Дону), сменил(а) вуз, не делал(а) перерыв (после бакалавриата абитуриент, проживая в том же городе, принял решение сменить вуз для обучения в магистратуре и поступил туда сразу же после бакалавриата).

В данных стратегиях нет элемента «смена направления подготовки», так как база приемной комиссии ЮФУ не содержит полной

⁸ Имеется в виду, что до этого постоянно проживал в Ростове-на-Дону.

информации о смене направления (исключение – студенты, имеющие диплом с отличием). Кроме того, добавление элемента о смене направления увеличило бы число возможных стратегий в 2 раза, затруднив дальнейший анализ.

Описанные стратегии были объединены в две группы: 1) стратегия «быстрый и комфортный трек» (не сменили вуз, не сделали перерыв, не переехали или переехали еще в бакалавриате); 2) стратегия, предполагающая существенные изменения в связи со сменой места жительства. Объединение основано на связи с данными опроса магистрантов ЮФУ – на содержании ответов о причинах поступления в магистратуру у тех, кто сменил город и направление подготовки, и у тех, кто выбрал «простой» трек.

Следующим шагом стал анализ укрупненных групп специальностей (направлений) (УГСН), которые привлекают абитуриентов из других городов и вузов, по следующим критериям: совпадение с лидерами внутреннего рейтинга популярности программ магистратуры (по числу поданных заявлений); организация образовательного процесса; руководство программой; мотивы поступления. Это сравнение позволило сделать вывод о том, насколько распределение КЦП связано с эффектом притяжения магистерских программ, на которые поступают абитуриенты из других городов, вузов, а также на которые поступают после перерыва в обучении. Треки поступления магистрантов дают дополнительную информацию о том, работает ли магистратура ЮФУ на решение стратегических задач трансформирования вуза в направлениях: 1) развитие конкурентоспособных программ магистратуры, выпускники которых востребованы на российском рынке труда (практико-ориентированные программы); 2) развитие программ интегрированного типа, нацеленных на вовлечение в научные коллективы и продолжение обучения в аспирантуре и являющихся своего рода программами возвращения молодых исследователей с целью последующего академического инбридинга.

Источниками данных послужили:

1) данные приемной комиссии ЮФУ (сплошная выборка 8 879 студентов магистратуры за период 2018–2020 гг.) для составления социального портрета магистранта ЮФУ. База данных содержала све-

дения о половой принадлежности, возрасте, уровне предыдущего образования магистранта и года его получения, городе проживания до поступления, среднем балле предыдущего диплома, направлении и профиле подготовки;

2) результаты массового опроса магистрантов ЮФУ в рамках проекта «Ландшафт российской магистратуры», реализованного командой Института образования НИУ ВШЭ при поддержке Благотворительного фонда Владимира Потанина (выборка составила 100 студентов магистратуры по различным УГСН). Анализ данных осуществлялся в программной среде SPSS 27. Основными статистическими методами анализа стали частотные распределения, кросстабуляция и оценка статистической связи с такими факторами: место проживания, пол, возраст респондента и перерыв в обучении между магистратурой и предыдущим образованием;

3) данные об образовательных программах магистратуры и аспирантуры и их руководителях, представленные на официальном портале ЮФУ⁹.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В магистратуре ЮФУ в среднем обучается больше женщин (58%), чем мужчин (42%)¹⁰. При этом чем старше поступившие магистранты, тем больше в этих группах доля женщин. Соотношение мужчин и женщин среди поступивших в возрасте 20–24 лет составляет 50%, а в возрастной группе 45–54 года – около 70%. В 2020 г. возрос спрос на очно-заочную форму обучения на фоне снижения числа магистрантов очной и заочной форм на 4 и 9% соответственно. Доля магистрантов, обучающихся по договору полного возмещения затрат, в ЮФУ стабильно растет на 2,5% с 2018 г., при этом общая численность магистрантов уменьшилась с 6 989 чел. в 2018 г. до 6 381 чел. в 2020 г. Сокращение числа студентов магистратуры обусловлено

⁹ См.: *Образовательные программы*. 2021 год набора. Южный федеральный университет. Обучение. – URL: https://sfedu.ru/www/stat_pages22.show?p=EDU/N13813/D.

¹⁰ Средний показатель за три года.

в основном внешними факторами (сокращение численности населения в возрасте 20–24 лет, снижение КЦП на магистерские программы).

Прирост доли студентов, поступивших в магистратуру из других университетов, увеличился на 4,3% в 2020 г. и составил 42% от общего числа магистрантов. Доля магистрантов, зачисленных не по основной процедуре вступительных испытаний¹¹, составила около 40%.

В 2020 г. доля магистрантов, приехавших из других регионов, возросла на 15%: в магистратуру ЮФУ поступили абитуриенты из 69 регионов России (в 2019 г. – из 54, а в 2018 г. – из 64 регионов). Из общего числа обучающихся в магистратуре ЮФУ больше всего студентов из Краснодарского (5%) и Ставропольского (1,5%) краев, Кабардино-Балкарской Республики и Республики Дагестан (по 0,3%). Однако самую значительную долю составляют переехавшие из небольших городов Ростовской области (35%).

В 2020 г. возросла доля магистрантов, поступающих в магистратуру сразу после бакалавриата/специалитета. В 2019 г. таких магистрантов было 48,7%, а в 2020 г. – уже 56,5%. Большинство магистрантов ЮФУ – это те, кто проживал в другом городе и переехал для обучения в бакалавриате или переехал уже в магистратуре, сделав перерыв в обучении (стратегии 2, 4, 5, 6, в табл. 1 выделены тоном).

Очная форма обучения неизменно превалирует среди других форм обучения вне зависимости от выбранного магистром трека поступления (самый высокий процент очного обучения – 86,2% в стратегии 6, самый низкий – 57,2% в стратегии 4) (табл. 2). Очно-заочная и заочная формы обучения в магистратуре популярнее всего у тех, кто сменил вуз, но не переехал и проживает (и до этого проживал) в Ростове-на-Дону, а также у тех, кто поступил в магистратуру после перерыва, сменив и вуз, и направление подготовки.

Согласно данным опроса магистрантов ЮФУ, первый набор стратегий определяется фактором удобства сочетания основного места

¹¹ Согласно правилам приема ЮФУ ввел ряд инструментов перезачета баллов за вступительные испытания на программы магистратуры. Это означает, что абитуриент, участвовавший в олимпиадах и конкурсах, может использовать баллы для поступления в магистратуру.

Таблица 1

**Распределение магистрантов Южного федерального университета
по стратегиям поступления в 2020 г.**

Стратегия	%
Стратегия 1: проживает в том же городе (Ростов-на-Дону), не сменил(а) вуз, не делал(а) перерыв в обучении	7,1
Стратегия 2: проживает в том же городе (Ростов-на-Дону), не сменил(а) вуз, сделал(а) перерыв в обучении	14,6
Стратегия 3: проживал(а) в другом городе (не Ростов-на-Дону), сменил(а) вуз, не делал(а) перерыв в обучении	8,6
Стратегия 4: проживал(а) в другом городе (не Ростов-на-Дону), сменил(а) вуз, сделал(а) перерыв в обучении	19,0
Стратегия 5: проживал(а) в другом городе (не Ростов-на-Дону), не сменил(а) вуз, сделал(а) перерыв в обучении	22,1
Стратегия 6: проживал(а) в другом городе (не Ростов-на-Дону), не сменил(а) вуз, не делал(а) перерыв в обучении	16,2
Стратегия 7: проживает в том же городе (Ростов-на-Дону), сменил(а) вуз, сделал(а) перерыв в обучении	10,2
Стратегия 8: проживает в том же городе (Ростов-на-Дону), сменил(а) вуз, не делал(а) перерыв в обучении	2,1

Примечание: стратегия «проживал в другом городе, не сменил вуз» означает, что абитуриент иногородний, но заканчивал бакалавриат в том же вузе (ЮФУ).

Источник: данные приемной комиссии ЮФУ.

работы и учебы в магистратуре. Второй набор стратегий связан с достройкой компетенций и сочетанием работы по специальности с выбранным направлением подготовки в магистратуре. Среди опрошенных в ЮФУ магистрантов, обучающихся на заочной и очно-заочной формах, на 18% больше тех, кто продолжил обучение без смены направления подготовки. Среди них ожидаемо больше тех, кто работает полный рабочий день (табл. 3).

Отметим, что абитуриенты, поступающие по результатам олимпиады, чаще выбирают треки, не предполагающие смены города.

Таблица 2

Распределение форм обучения магистрантов Южного федерального университета в 2020 г. в зависимости от стратегий поступления, %

Стратегия	Форма обучения		
	Заочная	Очная	Очно-заочная
1	9,1	83,1	7,7
2	10,6	78,5	10,9
3	20,0	69,7	10,3
4	25,1	57,2	17,7
5	13,6	78,3	8,1
6	7,8	86,2	6,0
7	15,0	64,5	20,5
8	9,8	70,4	19,8

Источник: данные приемной комиссии ЮФУ.

Таблица 3

Распределение типов занятости магистрантов Южного федерального университета в зависимости от форм обучения, %

Форма обучения	Занятость		
	Полный рабочий день	Неполный день / нерегулярные подработки	Не работает
Очная	45,7	28,3	26,1
Заочная	71,4	0,0	28,6
Очно-заочная	55,6	11,1	33,3

Источник: Всероссийское исследование «Ландшафт российской магистратуры», реализуемое Институтом образования НИУ ВШЭ при грантовой поддержке Благотворительного фонда Владимира Потанина.

Соотношение типов вступительных испытаний и стратегий поступления в магистратуру представлено в табл. 4.

Таблица 4

Распределение типов вступительных испытаний в магистратуру Южного федерального университета в зависимости от стратегий поступления, %

Стратегия	Порядок поступления				
	Перевод из другого вуза	Правила поступления для Крыма	Призер олимпиады	Результаты вступительных испытаний	Целевой прием
1	0,5	0,0	25,2	73,5	0,8
2	0,1	0,0	20,0	77,1	2,9
3	0,4	0,0	4,2	93,8	1,6
4	0,7	0,0	7,3	88,3	3,8
5	0,1	0,5	23,6	73,7	2,2
6	0,0	0,3	23,7	74,9	1,0
7	0,4	0,0	10,5	86,3	2,8
8	1,5	0,0	5,3	93,2	0,0

Источник: данные приемной комиссии ЮФУ.

Среди студентов, выбравших стратегию переезда, 66% имеют диплом с отличием. Данное распределение показывает нам популярные стратегии среди группы магистрантов, переехавших ради поступления, но ничего не говорит о том, какие программы выбирают эти студенты и связано ли это с привлекательностью и качеством магистерских программ или скорее с привлекательностью большого города.

Согласно данным опроса магистрантов ЮФУ, проведенного в 2021 г., основным мотивом поступления в магистратуру были перспективы успешного трудоустройства и саморазвитие (отметили 53% респондентов). Мотивы магистрантов, приехавших из другого города, отличались от мотивов в общей выборке. Только 6,7% из них отметили в качестве причин поступления в магистратуру переезд в более крупный город. Среди магистрантов, продолживших обучение после бакалавриата ЮФУ, меньше всего тех, кто отметил жела-

ние учиться в аспирантуре (10%), в то время как среди тех, кто сменил вуз и переехал из другого города, такую возможность отметили треть респондентов. По этим данным видно, что группа приезжих магистрантов отличается от тех, кто продолжил обучение в своем вузе и родном регионе.

Сравним соотношение наиболее популярных направлений подготовки (по численности поступающих на первый курс, КЦП и конкурсу) и распределение «внешних» абитуриентов (обучавшихся в бакалавриате или на специалитете в другом вузе). Для этого рассмотрим лидирующие в последние три года направления по числу выделенных КЦП, количеству поступающих на первый курс и конкурсу. Данные контингента были предоставлены по всему числу обучающихся в магистратуре ЮФУ (табл. 5).

Востребованность определялась следующими показателями (2018–2020 гг.): количество бюджетных КЦП; число обучающихся (топ-10 программ); конкурс (топ-10 направлений по максимальному конкурсу через показатель «число заявлений на место»).

На основании этих показателей по каждому из трех рассматриваемых лет набора был составлен список направлений, на которые было выделено больше всего КЦП, на которых обучалось больше всего студентов и был самый большой конкурс. Этот список менялся, однако ядро программ (фигурирующие в десятке лучших на разных позициях) было устойчивым. Три направления подготовки (51.04.01 Культурология, 47.04.01 Философия, 46.04.01 История) в 2019 г. оказывались ниже границы 10 лучших, но вернулись туда в 2020 г. Те направления, которые попали в десятку только в одном году, не были включены в список самых востребованных. Такая аналитическая стратегия позволила оттолкнуться от пула самых востребованных направлений как контекста и более пристального поиска тех программ магистратуры, которые можно оценить как привлекательные для студентов, для сравнения с востребованными направлениями подготовки.

Выявлено, что 27,7% магистрантов ЮФУ приехали для учебы в магистратуре из другого города или региона. На самых популярных

Таблица 5

Востребованные у абитуриентов магистратуры Южного федерального университета направления подготовки

УГСН	Доля поступивших с красным дипломом, %	Доля поступивших по результатам олимпиады, %	Доля от общего числа поступивших в магистратуру, %	Доля иногородних без диплома ЮФУ, %
44.04.04 Педагогическое образование	56,0	29,2	15,0	24,0
40.04.01 Юриспруденция	48,1	20,0	2,0–8,0	37,0
38.04.02 Менеджмент	57,3	12,0	4,0	38,0
45.04.01 Филология	62,7	22,0	3,0	21,0
01.04.02 Прикладная математика и информатика	44,0	39,0	1,0–3,0	19,4
44.04.02 Психолого-педагогическое образование	38,7	17,0	4,5	35,0
09.04.01 Информатика и вычислительная техника	34,0	17,0	1,0–3,0	36,0
38.04.01 Экономика	40,3	7,0	3,5	29,0
54.04.02 Декоративно-прикладное искусство и промыслы	93,3	22,0	0,1–16,7	23,0
54.04.01 Дизайн	67,3	26,0	0,2–8,2	10,0
51.04.01 Культурология	51,4	20,0	0,0–7,0	6,3
47.04.01 Философия	65,5	19,0	0,0–4,8	18,0
46.04.01 История	35,6	16,0	0,0–4,3	17,0

Источник: данные приемной комиссии ЮФУ.

направлениях подготовки доля таких студентов варьирует от 6,3 до 38,0%.

Данные табл. 5 иллюстрируют распределение контингента образовательных программ с точки зрения логики распределения КЦП.

Таким образом, этот рейтинг – результат политики перераспределения бюджетных мест, а не отражение конкурентоспособности и привлекательности магистерских программ.

Для получения более полной картины мы рассмотрели привлекательность магистерских программ ЮФУ через другие показатели: долю иногородних магистрантов и долю студентов, сделавших перерыв в обучении перед поступлением в магистратуру. Чем выше доли таких студентов, тем привлекательнее магистерская программа. Помимо оценки привлекательности программ, эти показатели связываются нами с потенциальным вкладом программы в региональное развитие. Программы, которые удерживают иногородних студентов в регионе, служат инструментом сохранения квалифицированных кадров для рынка труда.

Были проанализированы две группы магистерских программ: 1) программы, на которых доля иногородних студентов, не получавших ранее диплом ЮФУ, превысила 60% обучающихся, а доля поступивших с перерывом составила более 20%; 2) программы, на которых доля приезжих и доля поступивших с перерывом меньше 20%.

Первый уровень отбора – это УГСН магистратуры, на которых обучается больше всего иногородних студентов. Затем из всех программ отбирались те, у которых внутри УГСН это значение было самым большим. В первой отобранной группе оказалось девять программ, во второй – пять¹².

Лидирующими направлениями и программами с точки зрения привлечения иногородних абитуриентов и абитуриентов, сделавших перерыв в обучении, оказались следующие:

1) «Архитектура и градостроительство» («Дизайн архитектурной среды»);

¹² Необходимо отметить ограничение этой методики, которое заключается в том, что мы сравнивали доли иногородних магистрантов в наборах с разной численностью студентов. Например, на самые популярные направления и профили поступает более 100 студентов, а на те, где мало бюджетных мест, – 15. Этот разрыв никак не искажает предлагаемую в данной статье оценку привлекательности магистерских программ и отдачи от них, но требует отдельного пояснения.

- 2) «Прикладная математика и информатика» («Mathematical Modeling and Informational Technologies»);
- 3) «Инфокоммуникационные технологии и системы связи» («Высокопроизводительные вычислительные системы и квантовая обработка информации»);
- 4) «Философия» («Философия науки и научное творчество»);
- 5) «Химия» («Функциональные материалы для биомедицинских приложений»);
- 6) «Государственное и муниципальное управление» («Управление развитием муниципальных образований в цифровой среде»);
- 7) «Декоративно-прикладное искусство и народные промыслы» («Декоративно-художественное моделирование средовых пространств»);
- 8) «Почвоведение» («Управление и оценка земельных ресурсов»);
- 9) «Специальное (дефектологическое) образование» («Теория и методика работы с лицами с расстройствами аутистического спектра»).

Отобранные программы были оценены по следующим показателям: 1) количество программ аспирантуры по этому направлению магистратуры (отдельно отмечались программы, в которых руководитель образовательной программы магистратуры и аспирантуры был один и тот же); 2) должность, ученая степень и иные регалии руководителя программы (его административный и научный вес); 3) наличие идентичных программ бакалавриата в рамках одного структурного подразделения; 4) организация образовательного процесса: занятия после 17.00 (системно) и/или полная суббота на программе очной магистратуры; 5) тип программы (сетевая, корпоративная, академическая, двойной диплом).

Этот анализ показал несколько тенденций. Программы магистратуры, привлекающие абитуриентов из других городов (и сделавших перерыв в обучении), не совпадают с самыми популярными (с самыми большими конкурсом и числом обучающихся) направлениями подготовки. Исключением стали «Философия» и «Декоративно-прикладное искусство» в 2019 г., когда на них было выделено много бюджетных мест.

Семь из девяти программ, привлекающих абитуриентов со стратегиями смены города и/или перерыва в обучении, предлагают выбор «длинного трека» (аспирантура), являются полноценно очными (за исключением единственной попавшей в выборку очно-заочной программы), а также в них отмечается высокая роль руководителя программы как лидера научной школы со значительным потенциалом административного ресурса. Этот вывод подтвердили и данные опроса магистрантов ЮФУ, показавшие, что треть приезжих магистрантов ориентированы на учебу в аспирантуре.

Программы с наименьшей долей приезжих магистрантов и тех, кто сделал перерыв в обучении, по предложенным качественным параметрам оказались противоположностью программам, которые служат «магнитом» для иногородних абитуриентов. Это говорит о том, что предложенные критерии типологизации программ достаточно иллюстративны, но требуют дальнейшей верификации на больших массивах данных.

По совокупности всех данных были сделаны следующие выводы.

1. Доля магистрантов, поступающих в магистратуру сразу после бакалавриата/специалитета, возросла на 9,8% по сравнению с 2019 г.

2. Доля магистрантов ЮФУ, приехавших из других регионов, возросла за последние два года на 15%. Прирост доли студентов магистратуры из других университетов увеличился на 4,3%.

3. Большинство магистрантов ЮФУ – это те, кто проживал в другом городе, переехал для обучения в бакалавриате и продолжил обучение в магистратуре ЮФУ. Основной костяк магистрантов ЮФУ – выпускники его же бакалавриата, хотя в последние несколько лет тенденция меняется в сторону увеличения доли иногородних, обучавшихся до магистратуры ЮФУ в другом регионе.

4. Наименее популярная стратегия поступления в магистратуру – смена вуза без перерыва в обучении и без переезда. То есть в ЮФУ меньше всего тех, кто поступил в университет сразу же после окончания бакалавриата в другом вузе, расположенном в Ростове-на-Дону.

5. Самые массовые направления подготовки привлекают больше всего олимпиадников. Большинство из них – это те, кто учился в бакалавриате ЮФУ и поступил в магистратуру без перерыва. Таким образом, олимпиада при поступлении в магистратуру стала инструментом инбридинга собственных лучших бакалавров. Отличники, учившиеся в бакалавриате ЮФУ, активно используют олимпиады, так как они служат им хорошим и понятным путем поступления на престижные направления подготовки с высоким конкурсом.

6. Магистранты ЮФУ, переехавшие для учебы в магистратуре после перерыва в обучении, ориентированы на «длинный трек» и готовы учиться в аспирантуре. Их привлекают не массовые программы, а программы с невысоким конкурсом, четким профессиональным треком и занятиями в режиме полного дня.

7. Треть магистрантов, поступивших в ЮФУ из другого вуза Ростовской области, – это те, кто поступил ради будущего обучения в аспирантуре.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты исследования продемонстрировали тенденцию увеличения в ЮФУ доли магистрантов, переехавших из другого города/региона и сделавших перерыв после бакалавриата. Рост числа таких магистрантов может быть связан с активным внутренним и внешним рекрутингом абитуриентов университетом. С другой стороны, увеличение возраста магистрантов – тенденция последних нескольких лет, а притяжение студентов крупными федеральными центрами наблюдается уже не одно десятилетие.

В статье предложена оценка привлекательности магистерских программ не по конкурсу и популярности (численности обучающихся), а по доле поступающих на них иногородних студентов и тех, кто сделал перерыв в обучении (эти же показатели иллюстрируют потенциал отдачи программы для региона и рынка труда). В этом смысле мы следовали логике, согласно которой привлечение иногородних магистрантов, их работа на внешних базах практик (в том же регионе)

приводят к тому, что они остаются в регионе/городе жить и работать как высококвалифицированные кадры. Это, в свою очередь, повышает качество социального капитала территории.

Исследование кейса ЮФУ показало, что абитуриенты из другого города, сделавшие перерыв в обучении, предпочитают выбирать программы магистратуры, которые не входят в число самых популярных (по количеству бюджетных мест и конкурсу) направлений подготовки. Анализ таких программ магистратуры показал, что их объединяет несколько аспектов: трек «магистратура – аспирантура» (хотя и не везде институционально оформленный), наличие внешних баз практик и обучение в режиме полного дня. Дополнительным фактором успеха в наборе магистрантов являются административные ресурсы руководителя программы.

Меры по сохранению и привлечению собственных выпускников бакалавриата как потенциальных абитуриентов магистратуры не являются приоритетными для Южного федерального университета. Более того, повышение доли внешних магистрантов как свидетельство высокого качества магистерских программ видится большим приоритетом, чем задача сохранения выпускников своего бакалавриата. Существует риск того, что это может привести к противоречию с задачей увеличения числа магистрантов и количества программ магистратуры-аспирантуры, заявленных в стратегии развития ЮФУ в рамках программы «Приоритет 2030»¹³. То есть работа над качеством программ и привлечение внешних абитуриентов приведут не к увеличению, а к уменьшению числа магистрантов. В связи с этим можно рекомендовать диверсификацию работы с абитуриентами магистратуры по их траекториям поступления в зависимости от направлений подготовки и программ.

На основе представленных данных можно сформулировать несколько рекомендаций для администрации рассматриваемого вуза.

¹³ См. Программу развития Южного федерального университета на 2021–2030 гг. (URL: https://sfedu.ru/www/stat_pages22.show?p=ELS/inf/D&x=ELS/10985).

Во-первых, следует сфокусировать внимание на продвижении привлекательных для иногородних студентов программ и приглашать на них большее количество студентов, которые будут обучаться на платной основе. Скорее всего, эти программы предлагают уникальный образовательный продукт, для которого можно найти целевую аудиторию «платников».

Во-вторых, для привлечения на трек «магистратура – аспирантура» необходимо работать с выпускниками бакалавриата других вузов в своем и соседних регионах.

В-третьих, для самых популярных программ и направлений подготовки нужно обеспечивать «поддерживающий эффект» в приемной кампании, так как при сохранении текущих КЦП конкурс на них будет высоким. Студенты самых престижных и массовых направлений скорее всего будут сочетать полный рабочий день вне стен вуза с учебой и рассчитывать на «вечернюю» магистратуру. Студенты менее престижных направлений, ориентированные на аспирантский трек, наоборот, предпочитают магистратуру полного дня. Эти ожидания и уникальный дизайн дисциплин становятся «поддерживающими» для такого типа абитуриента.

В-четвертых, надо принять стратегическое решение: продолжать использовать олимпиаду для поступления в магистратуру как инструмент внутреннего инбридинга или реформатировать ее, сориентировав на студентов других вузов, расположенных в Ростове-на-Дону.

Возрастающая неоднородность в стратегиях и причинах поступления в магистратуру, в выборе программ и требованиях к ним со стороны студентов говорит о том, что сформировался спрос на индивидуализацию траектории обучения в магистратуре. Наличие такого спроса дает университету основание для дифференциации подходов к сборке магистерских программ различных типов, к их стратификации, к выбору форматов реализации, модульных элементов в зависимости от распространения той или иной стратегии поступления внутри УГСН. В кейсе ЮФУ показана разнородность поступающих в магистратуру в конкретном университете. Это может служить ос-

новой для анализа типов магистерских программ, сложившихся в вузе, и способов их перестройки.

Индивидуальные стратегии обучения подразумевают работу с запросом поступающих при проектировании программ магистратуры в отношении дисциплин, преподавательского состава, формата обучения (онлайн, гибрид), времени проведения занятий, возможности перезачета онлайн-курсов, встраивания программ дополнительного профессионального образования и др. Помимо запроса со стороны студентов необходимо учитывать реальные ресурсы университета (наличие научных школ под академические программы, базы для организации внешних практик и т.д.). Механизмы перестройки образовательного процесса в магистратуре под новые образовательные траектории студентов с сохранением содержания и поддержанием качества образования – это та нетривиальная задача, под которую необходимо разрабатывать и реализовывать новые управленческие и цифровые решения в большинстве российских вузов. Исследование кейса ЮФУ показало, что такие решения могут уже неинституционально сложиться на некоторых программах магистратуры. Управленческим командам вузов важно понять, насколько возможно распространить их опыт на другие УГСН и как следует дифференцировать подход к разнородной целевой аудитории магистратуры через предложение индивидуальных образовательных траекторий.

Статья написана на основе данных проекта «Ландшафт российской магистратуры», реализуемого в рамках программы «Стипендиальная программа Владимира Потанина» Благотворительного фонда Владимира Потанина

Список источников

1. Барышникова М.Ю., Вашурина Е.В., Чиннова И.И., Шарыкина Э.А., Сергеев Ю.Н. Роль опорных университетов в регионе: модели трансформации // Вопросы образования. – 2019. – № 1. – С. 8–43.
2. Варшавская Е.Я., Котырло Е.С. Выпускники инженерно-технических и экономических специальностей: между спросом и предложением // Вопросы образования. – 2019. – № 2. – С. 98–128.

3. *Воров А.Б.* Дифференциация университетов России: механизм ротации // Университетское управление: практика и анализ. – 2016. – № 5 (105). – С. 52–59. DOI: 10.15826/umj.2016.105.043.
4. *Габдрахманов Н.К.* Роль образовательной миграции в социально-экономическом развитии регионов России // Стратегические задачи демографического развития: приоритеты и региональные особенности: Десятые Валентеевские чтения / Науч. ред. О.С. Чудиновских, И.А. Троицкая, А.В. Степанова. – М.: Эк. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 2020. – С. 247–251.
5. *Габдрахманов Н.К., Никифорова Н.Ю., Лешуков О.В.* «От Волги до Енисея...»: образовательная миграция молодежи в РФ. – М.: ИД НИУ ВШЭ, 2019. – 880 с.
6. *Емельянова И.Н., Теплякова О.А., Тепляков Д.О.* Мобильность студентов российских вузов как явление и управленческая проблема // Университетское управление: практика и анализ. – 2020. – № 2 (24). – С. 131–144. DOI: 10.15826/umpra.2020.02.019.
7. *Зезюлин В.И., Суханова М.В.* Факторы формирования лояльности к бренду вуза // Практический маркетинг. – 2020. – № 5 (279). – С. 10–18.
8. *Кузьминов Я.И., Песков Д.Н.* Дискуссия «Какое будущее ждет университеты» // Вопросы образования. – 2017. – № 3. – С. 202–233. DOI: 10.17323/1814-9545-2017-3-202-233.
9. *Меренков А.В., Сущенко А.Д.* Потребности студентов вузов в дополнительном образовании // Вопросы образования. – 2016. – № 3. – С. 204–223.
10. *Набиркина М.* Вузы приступили к защите стратегий развития в программе «Приоритет 2030». – URL: <https://rg.ru/2021/09/13/reg-sibfo/vuzy-pristupili-k-zashchite-strategij-razvitiia-v-programme-prioritet-2030.html> (дата обращения: 15.01.2022).
11. *Нарежный А.И., Киров В.Н.* Южный федеральный университет: концепция и перспективы // Университетское управление: практика и анализ. – 2006. – № 5. – С. 61–65.
12. *Степанова Ю.Б.* Социологический анализ поведения молодежи при выборе образовательной организации для получения высшего образования: региональный аспект // Вестник ПАГС. – № 5. – 2017. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologicheskii-analiz-povedeniya-molodezhi-pri-vybore-obrazovatelnoy-organizatsii-dlya-polucheniya-vysshego-obrazovaniya> (дата обращения: 27.12.2021).
13. *Татпасханова М.А.* Значение социального партнерства в системе профессионального образования // Образование через всю жизнь: непрерывное образование в интересах устойчивого развития. – 2012. – № 2. – С. 258–259.
14. *Чередниченко Г.А.* Заочная форма получения высшего образования в сравнении с очной (на материалах статистики РФ) // Вопросы образования. – 2018. – № 2. – С. 254–282.

15. *Чередниченко Г.А.* Российская молодежь в системе образования: от уровня к уровню // Вопросы образования. – 2017. – № 3. – С. 152–182. DOI: 10.17323/1814-9545-2017-3-152-182.

16. *Шапошникова Н.Ю.* Индивидуальные образовательные траектории в вузах России и Великобритании: теоретические аспекты // Вестник МГИМО-Университета. – 2015. – № 3 (42). – С. 128–133. DOI: 10.24833/2071-8160-2015-3-42-128-133.

17. *Щербакова А.А.* Региональные университеты и их влияние на развитие региона // Социально-экономические явления и процессы. – 2019. – № 1 (105). – С. 21–24.

18. *Tavares O., Ferreira J.B.* Choices and motivations: the why and how of Portuguese students' enrolment choices // European Journal of Education. – 2012. – No. 2 (47). – P. 310–326.

Информация об авторах

Гармонова Анна Владимировна (Россия, Москва) – кандидат политических наук, доцент Института образования НИУ «Высшая школа экономики», директор Центра университетского партнерства НИУ ВШЭ (101000, Москва, Покровский бульв., 11). E-mail: agarmonova@hse.ru.

Щеглова Дарья Владимировна (Россия, Москва) – кандидат политических наук, научный сотрудник ПУЛ «Развитие университетов», доцент Института образования НИУ ВШЭ (101000, Москва, Потаповский пер., 16, стр. 10). E-mail: dshcheglova@hse.ru.

Опфер Евгения Анатольевна (Россия, Москва) – кандидат педагогических наук, доцент, научный сотрудник ПУЛ «Развитие университетов» Института образования НИУ ВШЭ (101000, Москва, Потаповский пер., 16, стр. 10). E-mail: eopfer@hse.ru.

Андрейченко Наталья Владимировна (Россия, Ростов-на-Дону) – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Управление человеческими ресурсами», директор Проектного офиса инициатив и стратегических коммуникаций Южного федерального университета (344006, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42). E-mail: nandryaychenko@sfedu.ru.

Плохая Моника Олеговна (Россия, Ростов-на-Дону) – ведущий специалист Проектного офиса инициатив и стратегических коммуникаций Южного федерального университета (344006, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42). E-mail: plokhiaia@sfedu.ru.

DOI: 10.15372/REG20220406

Region: Economics & Sociology, 2022, No. 4 (116), p. 133–162

**A.V. Garmonova, D.V. Shcheglova, E.A. Opfer,
N.V. Andreichenko, M.O. Plokhaya**

ADMISSION TRACKS TO MASTER'S PROGRAMS (CASE OF SOUTHERN FEDERAL UNIVERSITY)

The article examines the admission tracks of master's students at the Southern Federal University (SFedU) in 2020 when Russian universities implemented the distant format of initial testing. The purpose of the study is to test hypotheses regarding the admission tracks to the master's degree programs at SFedU and to analyze the most popular specialties in terms of admission strategies. Based on the admission data and a sociological survey of SFedU students, we outline the admission strategies according to the following criteria: break in study, change of university, moving to another city for bachelor's studies, moving to another city for master's studies.

The study has shown the most and the least demanded areas of study and built up a potential master's degree student profile. The master's target audience could vary in age, strategy for selecting areas of study, and motives for enrollment. The hypothesis that the most popular track for master's degree students is to continue their education at the same university without a break has not been confirmed. Admission strategies, including changing regions to get admission to a university, are typical of master's students who choose unique programs. The study estimates that admission tracks outline more about the strong academic school these programs follow rather than target admission levels. We prove demand for individual educational routes among master's students.

Keywords: master's studies in Russia; university admission strategies; promotion of master's programs; master's degree student profile; Southern Federal University

For citation: Garmonova, A.V., D.V. Shcheglova, E.A. Opfer, N.V. Andreichenko & M.O. Plokhaya. (2022). Treki postupleniya v magistraturu: kakie programmy privlekayut abiturientov (keys Yuzhnogo federalnogo universiteta)

[Admission tracks to master's programs (case of Southern Federal University)]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 4 (116), 133–162. DOI: 10.15372/REG20220406.

This article is based on data from the project “The Landscape of Russian Magistracy”, which is part of the Vladimir Potanin Scholarship Program of the Vladimir Potanin Foundation

References

1. Baryshnikova, M.Yu., E.V. Vashurina, I.I. Chinnova, E.A. Sharykina & Yu.N. Sergeev. (2019). Rol opornykh universitetov v Regione: Modeli Transformatsii [The role of flagship universities in a region: transformation models]. Voprosy obrazovaniya [Educational Studies Moscow], 1, 8–43.
2. Varshavskaya, E.Ya. & E.S. Kotyrlo. (2019). Vypuskniki inzhenerno-tekhnicheskikh i ekonomicheskikh spetsialnostey: mezhdru sprosom i predlozheniem [Graduates in engineering and economics: between demand and supply]. Voprosy obrazovaniya [Educational Studies Moscow], 2, 98–128.
3. Vorov, A.B. (2016). Differentsiatsiya universitetov Rossii: mekhanizm rotatsii [Differentiation of universities in Russia: the rotation mechanism]. Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz [Journal University Management: Practice and Analysis], 5 (105), 52–59. DOI: 10.15826/umj.2016.105.043.
4. Gabdrakhmanov, N.K. (2020). Rol obrazovatelnoy migratsii v sotsialno-ekonomicheskom razvitiy regionov Rossii [Role of educational migration in the social and economic development of Russian regions]. In: O.S. Chudinovskikh, I.A. Troitskaya & A.V. Stepanova (Eds.). Strategicheskoe zadachi demograficheskogo razvitiya: prioritety i regionalnye osobennosti: Desyatye Valenteevskie chteniya [Strategic Tasks of Demographic Development: Priorities and Regional Features: The Tenth Valentye Readings: A collection of reports]. Moscow, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, 247–251.
5. Gabdrakhmanov, N.K., N.Yu. Nikiforova & O.V. Leshukov. (2019). “Ot Volgi do Eniseya...”: obrazovatel'naya migratsiya molodezhi v RF [“From Volga to Yenisei...”: Educational Migration of Youth in Russia]. Moscow, NRU HSE Publ., 880.
6. Emelyanova, I.N., O.A. Teplyakova & D.O. Teplyakov. (2020). Mobilnost studentov rossiyskikh vuzov kak yavlenie i upravlencheskaya problema [Mobility of Russian university students as a phenomenon and a management problem]. Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz [Journal University Management: Practice and Analysis], 2 (24), 131–144. DOI: 10.15826/umpa.2020.02.019.
7. Zezyulin, V.I. & M.V. Sukhanova. (2020). Faktory formirovaniya loyalties brendu vuza [Factors of university brand loyalty formation]. Prakticheskiy marketing [Practical Marketing], 5 (279), 10–18.
8. Kuzminov, Ya.I. & D.N. Peskov. (2017). Diskussiya “Kakoe budushchee zhdet universitetu” [Discussion “What tomorrow holds for universities”]. Voprosy obra-

zovaniya [Educational Studies Moscow], 3, 202–233. DOI: 10.17323/1814-9545-2017-3-202-233.

9. *Merenkov, A.V. & A.D. Sushchenko.* (2016). Potrebnosti studentov vuzov v dopolnitelnom obrazovanii [How students develop and meet their need for additional education]. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies Moscow], 3, 204–223.

10. *Nabirkina, M.* (2021). Vuzy pristupili k zashchite strategiy razvitiya v programme «Prioritet 2030» [Universities start defending development strategies in the “Priority 2030” program]. Available at: <https://rg.ru/2021/09/13/reg-sibfo/vuzy-pristupili-k-zashchite-strategij-razvitiia-v-programme-prioritet-2030.html> (date of access: 15.01.2022).

11. *Narejnyi, A.I. & V.N. Kirov.* (2006). Yuzhnyy federalnyy universitet: kontseptsiya i perspektivy [South Federal University: the conception and perspectives]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz* [Journal University Management: Practice and Analysis], 5, 61–65.

12. *Stepanova, Yu.B.* (2017). Sotsiologicheskii analiz povedeniya molodezhi pri vybere obrazovatelnoy organizatsii dlya polucheniya vysshego obrazovaniya: regionalnyy aspekt [Sociological analysis of young people behavior in choosing an educational organization for higher education: regional aspect]. *Vestnik PAGS* [Bulletin of Stolypin Volga Region Academy for Public Administration], 5. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologicheskii-analiz-povedeniya-molodezhi-pri-vybore-obrazovatelnoy-organizatsii-dlya-polucheniya-vysshego-obrazovaniya> (date of access: 27.12.2021).

13. *Tappaskhanova, M.A.* (2012). Znachenie sotsialnogo partnerstva v sisteme professionalnogo obrazovaniya [The meaning of social partnership in the system of professional training]. *Obrazovanie cherez vsyu zhizn: nepreryvnoe obrazovanie v interesakh ustoychivogo razvitiya* [Education Throughout the Life: Continued Education in the Interests of Stable Development], 2, 258–259.

14. *Cherednichenko, G.A.* (2018). Zaochnaya forma polucheniya vysshego obrazovaniya v sravnenii s ochnoy (na materialakh statistiki RF) [Distance learning as compared to full-time programs in higher education (based on Russia’s official statistics)]. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies Moscow], 2, 254–282.

15. *Cherednichenko, G.A.* (2017). Rossiyskaya molodezh v sisteme obrazovaniya: ot urovnya k urovnyu [Russian youth in the education system: from stage to stage]. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies Moscow], 3, 152–182. DOI: 10.17323/1814-9545-2017-3-152-182.

16. *Shaposhnikova, N.Yu.* (2015). Individualnye obrazovatelnye traektorii v vuzakh Rossii i Velikobritanii: teoreticheskie aspekty [Individual educational paths in the universities of Russia and Great Britain: theoretical aspects]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [MGIMO Review of International Relations], 3 (42), 128–133. DOI: 10.24833/2071-8160-2015-3-42-128-133.

17. *Shcherbakova, A.A.* (2019). Regionalnye universitety i ikh vliyanie na razvitie regiona [Regional universities and their influence on development of the region]. *Sotsialno-ekonomicheskie yavleniya i protsessy* [Social-Economic Phenomena and Processes], 1 (105), 21–24.

18. *Tavares, O. & J.B. Ferreira.* (2012). Choices and motivations: The why and how of Portuguese students' enrolment choices. *European Journal of Education*, 2 (47), 310–326.

Information about the authors

Garmonova, Anna Vladimirovna (Moscow, Russia) – Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor at the Institute of Education, Higher School of Economics, Head of the Center for University Partnership, HSE (11, Pokrovsky blvd., Moscow, 101000, Russia). E-mail: agarmonova@hse.ru.

Shcheglova, Daria Vladimirovna (Moscow, Russia) – Candidate of Sciences (Politics), Researcher at the Laboratory for University Development, Associate Professor at the Institute of Education, Higher School of Economics (16/10, Pokrovsky blvd., Moscow, 101000, Russia). E-mail: dshcheglova@hse.ru.

Opfer, Evgeniia Anatolievna (Moscow, Russia) – Candidate of Sciences (Pedagogy), Researcher at the Laboratory for University Development, Associate Professor at the Institute of Education, Higher School of Economics (16/10, Pokrovsky blvd., Moscow, 101000, Russia). E-mail: eopfer@hse.ru.

Andreichenko, Natalia Vladimirovna (Rostov-on-Don, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor at the Chair of Human Resource Management, Director of the Project Office of Initiatives and Strategic Communications, Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya st., Rostov-on-Don, 344006, Russia). E-mail: nandryaychenko@sfsedu.ru.

Plokhaya, Monika Olegovna (Rostov-on-Don, Russia) – Leading Specialist at the Project Office of Initiatives and Strategic Communications, Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya st., Rostov-on-Don, 344006, Russia). E-mail: plokhaia@sfsedu.ru.

Поступила в редколлегию 08.02.2022.

После доработки 15.07.2022.

Принята к публикации 22.07.2022.

УДК 332.14

Регион: экономика и социология, 2022, № 4 (116), с. 163–189

В.В. Акимова, А.А. Волошинская, В.М. Комаров

ФЕНОМЕН УГАСАНИЯ СТРАТЕГИЙ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ И МЕТОДИКА ОЦЕНКИ

Статья посвящена изучению феномена «угасания» (потери актуальности и востребованности) стратегических документов регионального и муниципального уровней в России. На основе анализа новостного фона показано, что разрабатываемые документы стратегического планирования статичны, «неповоротливы» и неспособны реагировать на быстрые изменения социально-экономической, политической, культурной ситуации в обществе (как, например, в случае с пандемией коронавирусной инфекции). Это приводит к быстрой «смысловой деградации» стратегических документов, к потере их связи с актуальными социально-экономическими вызовами и проблемами. Выявлено, что длительность периода угасания разная как у регионов и муниципальных образований, так и у отдельных городов и областей в зависимости от местных условий. По нашим оценкам, полное угасание региональной стратегии происходит за два-три года, муниципальной – за год-полтора. Фактически этот период равен времени разработки самих стратегий.

Ключевые слова: стратегии социально-экономического развития; стратегическое планирование; период угасания; методики

Для цитирования: Акимова В.В., Волошинская А.А., Комаров В.М. Феномен угасания стратегий: определение и методика оценки // Регион: экономика и социология. – 2022. – № 4 (116). – С. 163–189. DOI: 10.15372/REG20220407.

ВВЕДЕНИЕ

В основе эффективной системы стратегического планирования могут лежать две основные идеи: жизнестойкость (обеспечение резистентности, или устойчивости, к возникающим шокам) и долгосрочная устойчивость (обеспечение устойчивости социально-экономической системы в долгосрочной перспективе с учетом потребностей будущих поколений). Комбинация этих двух характеристик – *способность системы стратегического планирования адаптироваться к быстро меняющимся условиям внешней и внутренней среды при сохранении стратегической долгосрочной рамки* определяет, по нашему мнению, практическую востребованность и ценность документов стратегического планирования.

В настоящее время документы стратегического планирования, разрабатываемые в России, как правило, статичны и «тяжеловесны» (многостраничны и многотомны), они написаны канцеляритом и не предназначены для публичного изучения. Такие документы не способны быстро реагировать на изменения социально-экономической, политической, культурной ситуации в обществе.

Если и происходит актуализация стратегии, то, как правило, это длительная процедура, предполагающая многомесячное пересогласование стратегии с региональными и федеральными органами власти, утверждение законодательным собранием региона или города и т.д. За этот период внешние факторы и условия могут вновь измениться, и стратегия снова оказывается в состоянии «вечно догоняющей» по отношению к современной ситуации. Это приводит к потере актуальности стратегии еще до принятия ее актуализированной версии, или «угасанию». При этом стратегия социально-экономического развития призвана быть рабочим инструментом органов власти для ответа на вызовы и угрозы, быть гибким «навигационным документом», позволяющим оперативно перестраивать систему целей, задач и приоритетов в ответ на изменяющиеся внешние условия.

Впервые об угасании стратегических документов и их временной актуальности было упомянуто в работе [1]. Цель настоящего исследования – изучить феномен угасания стратегий, выявить основные

периоды, в течение которых стратегия угасает в России, а также проанализировать фундаментальные факторы востребованности стратегий.

ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ КАЧЕСТВА СТРАТЕГИЙ КАК СТРУКТУРНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ИХ УГАСАНИЯ

Вопросы оценки качества и сравнения стратегий социально-экономического развития разных уровней сегодня стоят довольно остро. В связи с этим существует множество различных подходов, причем большинство из них в своей основе имеют качественную оценку, что обуславливает формирование собственного оригинального методологического аппарата в каждом случае.

Среди методик оценки стратегий встречается два противоположных подхода. Первый представляет собой оценку качества по формальным признакам – по соответствию стратегий требованиям Федерального закона № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [2; 9]. Вместе с тем становятся очевидными ограничения такого подхода: даже если стратегия соответствует всем формальным требованиям, это еще не означает, что документ выполнен качественно и полезен для общества.

Второй подход заключается в оценке качества стратегии путем ее сравнения с образом некоторой «идеальной», «эталонной» стратегии, сформулированной в рамках реализации авторской методики, или с «эталонным» процессом разработки стратегического документа с точки зрения авторов методики [5–8]. Но и у этого подхода есть явные недостатки. Авторы методик изначально опираются на разные экономические и управленческие концепции, что приводит к тому, что представление о «хорошей» или «плохой» стратегии у каждого свое.

В таблице представлены основные подходы к оценке стратегий и ключевые выводы, полученные в результате апробации предложенных методик.

Подходы к оценке качества стратегий: методики и ключевые выводы

Подход	Основные работы / авторы	Содержание методики	Выводы
Формальный, механистический	И.Н. Ильина, Е.Е. Плисецкий и др. «Будущее регионов России: аналитический обзор документов стратегического планирования субъектов РФ» [2]; «Рекомендации по совершенствованию методического обеспечения стратегического планирования муниципальных образований, структур и содержания документов стратегического планирования муниципальных образований» (Фонд «Институт экономики города») [9]	Соответствие стратегий требованиям закона № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»	Правильные стратегии должны быть выполнены в соответствии с четкими правилами, быть единообразными с точки зрения разработки и представления итогового материала
Сравнение с «идеалом», «эталонном»	Методика ИЭОП СО РАН: В.Е. Селиверстов. «Региональное стратегическое планирование: от методологии к практике» [10]; В.Е. Селиверстов, Л.В. Мельникова. «Анализ состояния стратегического планирования в регионах Сибирского федерального округа» [11]	Анализ законодательного статуса и структуры стратегий, элементный анализ, проверка непротиворечивости сводного прогноза, выполненного на основе региональных стратегий, интегрального макроэкономического прогноза и др.	<p>Регион как точка: изолированный характер разработки региональных стратегий и долгосрочных программ и недоучет интересов и конкурентных преимуществ соседних регионов.</p> <p>Многие региональные стратегии имеют исключительно производственную направленность в ущерб социальной.</p> <p>На межрегиональном и региональном уровнях слабо используются стратегические программы развития крупных корпораций.</p>

Продолжение таблицы

Подход	Основные работы / авторы	Содержание методики	Выводы
	Б.С. Жихаревич, Т.К. Прибылин. «Апробация подходов к изучению содержания муниципальных стратегий»; «Стратегия развития городов: российская практика 2014-2019 гг.» [5; 6]	Учет важных, по мнению авторов, содержательных параметров: общей характеристики, характера экономических изменений, инфраструктурных проектов, социальной направленности стратегии, управленческой направленности стратегии	Слабое включение населения и институтов гражданского общества в процесс разработки, обсуждения и утверждения региональных стратегий, равно как и в процесс контроля за эффективностью реализации программных мероприятий
	Методика для разработки стратегий малых городов, «Леонтьевский центр»: Б.С. Жихаревич и др. «Стратегия малых городов: территория творчества» [4]	Акцент на процессе разработки. Важнейшие критерии – характеристики процесса разработки (привлечение ответственности, обсуждение и проч.) и наличие в документе обязательных элементов, описывающих этот процесс (SWOT-анализ, сценарии и др.)	Хорошие стратегии включают масштабные флагманские проекты, предусматривающие серьезные изменения в структуре экономики, имеют в своей основе общеэкономическую (неселективную) политику, делают акцент на развитие передовых и прибыльных отраслей (связь, IT, сфера услуг, ТЭК, строительство) и характеризуются повышенным вниманием к проблемам реализации
	В.В. Климанов, К.В. Будаева, Н.А. Чернышова. «Направление регионального стратегирования и программирования в России» [7]	Основные оцениваемые характеристики: наличие законов, регулирующих стратегическое планирование в субъектах Федерации, дата их утверждения, полнота содержания, специфика; участники стратегического	«Идеальная» стратегия – это та, которая разработана «по правильной методике», в данном случае по методике КРЭП (координация, разработка, экспертиза, продвижение)
			«Идеальная стратегия» – «оригинальная», «нетипичная» и «интересная» стратегия. Делается вывод о недостаточном качестве стратегий социально-экономического развития большинства регионов, что яви-

Окончание таблицы

Подход	Основные работы / авторы	Содержание методики	Выводы
		планирования и их полномочия; перечень и виды документов стратегического планирования регионального уровня; структура стратегии социально-экономического развития; содержание стратегии социально-экономического развития и характеристика отдельных ее элементов (целей, задач, сценариев, прогноза. SWOT-анализа, индивидуальных предложений для муниципальных образований); количество внесенных корректировок и их содержание и др.	лось следствием отсутствия вовлеченности стейкхолдеров и населения в формирование стратегии и др.
	Б.С. Жихаревич, В.В. Климаков, В.Г. Марача. «Шокоустойчивость территориальных систем: концепция, измерение, управление» [3]	Анализ шокоустойчивости через оценку пяти подсистем: экономики, общества, инфраструктуры, цепочек поставок, управления в разрезе семи компонентов шокоустойчивости (предвидение, предотвращение, сопротивление, абсорбция, реагирование, адаптация и восстановление)	Качественные стратегии – шокоустойчивые стратегии («живые» стратегии): 1) легко корректируемые – с неизменным ядром смыслов и целей и блоком переменных показателей; 2) имеющие проработанную систему управления реализацией стратегии, выстроенную в логике организационной кибернетики (мониторинг – контроль – оценка – коррекция и управление изменениями); 3) содержащие расчетную модель уязвки и прогнозирования показателей; 4) управляемые постоянной профессиональной командой; 5) подержанные стейкхолдерами

Источник: составлено авторами.

АНАЛИЗ ПЕРИОДА УГАСАНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ РЕГИОНАЛЬНОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УРОВНЕЙ

В российской практике наблюдается устойчивая тенденция в отношении сохранения стратегиями своей актуальности: стратегии устаревают, еще не успев быть принятыми, что также говорит о недостаточно высоком качестве как самих стратегий (выполнение вышестоящих указаний), так и процесса их разработки (документы стратегического планирования существуют в некоем вакууме, без значимого вовлечения всех заинтересованных лиц и учета их мнений).

Под угасанием документов стратегического планирования мы понимаем процесс потери общественного и ведомственного интереса к их реализации, «смысловую деградацию» стратегических документов, снижение синхронизации (связанности) с актуальными социально-экономическими вызовами и проблемами.

В предлагаемой методике основным маркером выступает снижение новостной активности в отношении покрытия событий, связанных с реализацией стратегических документов. В современном обществе именно медиапространство является тем инструментом, который позволяет делать выводы об оценке происходящего широкими кругами населения. И не просто медиапространство в целом, а именно сеть Интернет. Новостная активность и интенсивность обсуждений в комментариях (а также в соответствующих группах в социальных сетях) позволяют отчетливо видеть интерес или отсутствие такового со стороны общества, а также ведомственную «реальную» (не формальную, заключающуюся в необходимости подготовки ежегодного отчета о выполнении для контроля со стороны вышестоящих органов) заинтересованность в реализации запланированных мероприятий.

Период угасания – это временной промежуток, в течение которого снижается интерес со стороны общества к реализации стратегических документов, а цели, задачи, приоритеты стратегического планирования перестают соответствовать современным вызовам и потребностям общества.

Методика анализа. При проведении анализа периода угасания документов стратегического планирования мы базировались на оценке новостной/информационной активности. Методика включала шесть шагов.

Шаг № 1: отбор стратегий для анализа. Среди субъектов Российской Федерации для получения требуемой выборки были отобраны пять разнородных регионов:

прогрессивный, развивающийся регион, ориентированный на освоение природных ресурсов, – Ханты-Мансийский автономный округ – Югра;

два региона среднего уровня экономического развития с промышленно-аграрной специализацией – Рязанская и Курская области;

регион высокого уровня экономического развития с промышленно-аграрной специализацией – Воронежская область;

южный регион преимущественно аграрной и курортной специализации – Краснодарский край.

Среди городов Российской Федерации были отобраны:

промышленно развитые города с высокой диверсификацией промышленности – Екатеринбург, Курск и Уфа;

промышленно развитый город с более узкой специализацией (автомобилестроение) – Тольятти;

южный город, преимущественно ориентированный на туризм и курортный отдых, – Симферополь.

Данная выборка, несмотря на ограниченный объем, позволяет представить весь спектр российских крупных городов и регионов.

Шаг № 2: определение для выбранных территорий стратегии социально-экономического развития, которая послужит основой для поиска связанных с ней событий. Таким образом, были отобраны следующие 10 стратегий социально-экономического развития (если была выбрана не первоначальная, а одна из последующих редакций стратегии, то дата выбранной редакции указана в скобках):

для субъектов Федерации: Воронежской области на период до 2035 г.¹, Краснодарского края до 2030 г.², Курской области на период до 2030 г.³, Рязанской области до 2030 г.⁴, Ханты-Мансийского автономного округа – Югры до 2030 г. (редакция от 09.06.2017)⁵;

для муниципальных образований: Екатеринбурга до 2030 г. (редакция от 25.05.2018)⁶, Курска на 2019–2030 гг.⁷, Тольятти на период до 2030 г.⁸, Уфы до 2030 г. (редакция от 19.12.2018)⁹ и Симферополя до 2030 г.¹⁰

Шаг № 3: поиск новостей и событий, связанных с выбранными стратегиями. Поиск проводился как на официальных веб-сайтах местных властей, так и с помощью поисковой системы Яндекс-Новости.

¹ Закон Воронежской области от 20.12.2018 № 168-ОЗ «О стратегии социально-экономического развития Воронежской области на период до 2035 года»).

² Стратегия социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 года. Закон Краснодарского края от 21 декабря 2018 года N 3930-КЗ.

³ Распоряжение Администрации Курской области «О Стратегии социально-экономического развития Курской области на период до 2030 года».

⁴ Стратегия социально-экономического развития Рязанской области до 2030 года. Утверждена постановлением Правительства Рязанской области от 25 декабря 2018 г. № 418.

⁵ Стратегия социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры до 2030 года. Утверждена распоряжением Правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры № 339-рп 22 марта 2013 года N 101-рп.

⁶ Екатеринбургская Городская Дума. Решение от 10 июня 2003 года N 40/6. О Стратегическом плане развития Екатеринбурга (с изменениями на 25 мая 2018 года).

⁷ Стратегия социально-экономического развития города Курска на 2019–2030 годы, утверждена решением Курского городского Собрания от 19.11.2019 № 151-6-ОС.

⁸ Решение Думы городского округа Тольятти от 25.01.2019 № 131 «О Стратегии социально-экономического развития городского округа Тольятти на период до 2030 года».

⁹ Стратегия социально-экономического развития города Уфы до 2030 года, утверждена решением Совета городского округа город Уфа Республики Башкортостан от 19.12.2018 г. № 35/2.

¹⁰ Симферопольский Городской Совет Республики Крым. Решение от 19 декабря 2017 года N 1462. О стратегии социально-экономического развития муниципального образования городской округ Симферополь Республики Крым на период до 2030 года.

На официальном сайте властей были проанализированы все события, связанные со стратегией: начало ее разработки, публичные слушания, представление проекта стратегии, заседания координационного совета и рабочих групп, утверждение стратегии, внесение правок после принятия и т.п. Таким образом, мы анализировали весь жизненный цикл стратегии – от ее разработки до принятия.

С помощью системы Яндекс-Новости был проведен поиск новостей по названию стратегии выбранного региона. Новости из разных источников об одном и том же событии (например, о проведении публичных слушаний) учитывались как одна новость (одно событие). При этом были рассмотрены все события, в связи с которыми так или иначе упоминалась стратегия города или региона (например, в рамках реализации стратегии были привлечены инвестиции или проведен конкурс). Поэтому методика позволила всесторонне оценить актуальность стратегии в новостной повестке, ее востребованность для текущей ситуации.

Всего было найдено около 1000 новостей о событиях, после отбора дублирующих новостей в итоговую выборку вошло 416 событий. Как показал анализ, большинство событий (76,7%) приходится на новости; 14,7% событий связано с подготовкой и корректированием стратегий, включая стратегические сессии, заседания, разработку и утверждение плана мероприятий по реализации стратегии; 6,7% событий приходится на законодательную деятельность: утверждение стратегии и поправок к ней, принятие муниципальных программ, законов о стратегическом планировании.

Шаг № 4: формирование единой базы всех событий по всем регионам и присвоение каждому событию типа. Были выбраны наиболее важные для жизненного цикла стратегии типы: стратегическая сессия, проект стратегии, принятие нормативно-правового акта (НПА), которым была утверждена стратегия, поправка к стратегии (принятие НПА, вносящего поправку к стратегии), другие НПА, не связанные с принятием или изменением стратегии, план мероприятий по реализации стратегии, прогноз, протокол заседания, новость от местных властей и новость, найденная с помощью системы Яндекс.

Шаг № 5: расчет временного промежутка между датой новости (события) и датой принятия стратегии соответствующего

города или региона (разность дат). По итогам этого шага была сформирована база событий, включающая следующие поля: название территории, вид территории (город или область), событие, дата события, тип события, разность дат. Разность дат является положительной, если событие произошло после принятия стратегии, и отрицательной в обратном случае.

Шаг № 6: отображение событий на временных графиках. По оси x откладывалась разность дат, по оси y – события, сгруппированные по типам. Это дало возможность наглядно представить события, произошедшие как до, так и после принятия стратегии, и сравнить на одной шкале активности по их типам для разных городов и регионов.

События, связанные со стратегиями социально-экономического развития субъектов Федерации. На рисунке 1 представлена суммарная активность, связанная со стратегиями развития пяти субъектов

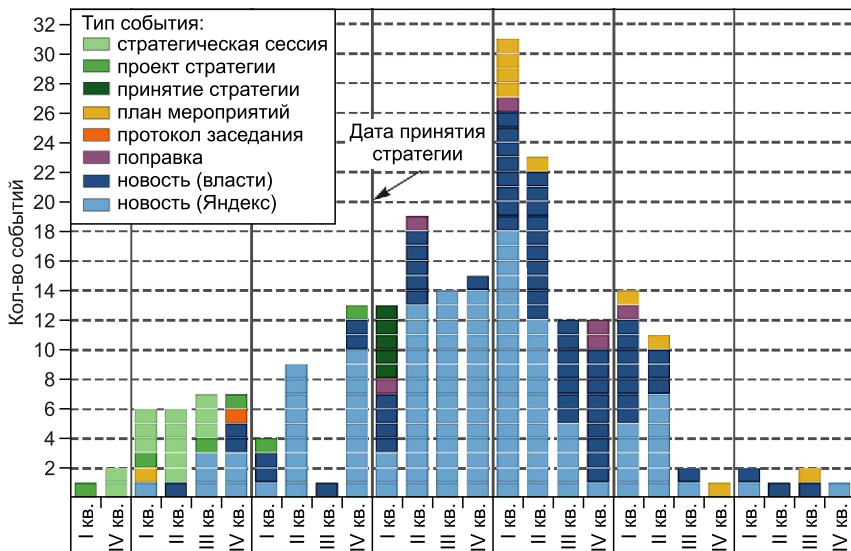

Рис. 1. События, сгруппированные по разнице их даты и даты принятия стратегии, суммарно для пяти регионов, 2015–2021 гг.

Источник: составлено авторами

ектов Российской Федерации. Как можно видеть, стратегические сессии и активность по разработке стратегий начинаются за 2–2,5 года до утверждения стратегии и достигают максимума в первые два года после ее принятия.

При этом ситуация в разных регионах существенно различается (рис. 2). Так, после принятия стратегии Воронежской области прошло заседание экспертного совета по вопросам реализации стратегии,

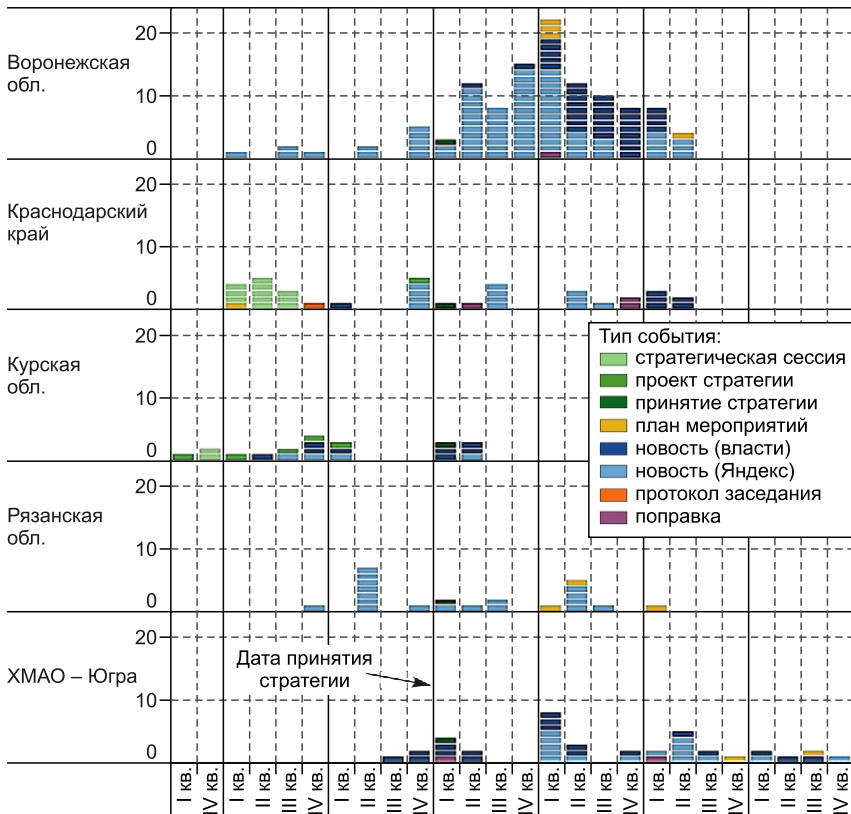

Рис. 2. Количество событий (упоминаний стратегии) во время разработки стратегии и после ее принятия, рассчитано для пяти регионов, 2015–2021 гг.

Источник: составлено авторами

анонсированы планы по автоматизации стратегического управления регионом.

У Краснодарского края отмечена достаточно высокая активность до принятия стратегии, но после ее принятия ситуация изменилась: активность стала достаточно низкой, хотя деятельность по реализации стратегии стабильно ведется. Так, в начале 2021 г. прошло первое заседание экспертного совета министерства экономики Краснодарского края, в ходе которого стороны договорились регулярно проводить масштабные экспертные мероприятия и заседания рабочих групп по отдельным приоритетным направлениям реализации стратегии.

Курская область приняла стратегию в конце 2020 г. На середину 2021 г. активность оставалась достаточно высокой, включая обсуждение на общественных форумах. В целом, обсуждение отдельных вопросов из тех или иных стратегических документов на форумах в социальных сетях для России нехарактерно, в отличие от зарубежных стран, где каждый законопроект проходит через активное обсуждение в Интернет-пространстве (например, Stadtforum для Берлина¹¹).

События, связанные со стратегиями городов России. Несколько другая картина наблюдается на муниципальном уровне: стратегии разрабатываются быстрее, причем максимальная активность приходится на последние полтора года (рис. 3).

Пик активности наблюдается в последнее полугодие до принятия стратегии, когда проходят стратегические сессии и активно обсуждается проект стратегии: города стремятся оперативно принять документ, выполнив поручение региона или федерального центра. Если же проанализировать годовой цикл, то пик активности проявляется в IV квартале (возможно, это связано с бюджетным циклом и необходимостью своевременно оплатить услуги разработчиков, если они привлекались). В I квартале активность часто полностью отсутствует, так как еще не объявлены конкурсные торги.

После принятия стратегии активность заметно снижается, новостей мало, часто встречаются упоминания только о формальных обяза-

¹¹ См. подробнее: <https://www.stadtentwicklung.berlin.de/planen/stadtforum/>; <https://www.urbanecatalyst.de/de/stadtforum-berlin.html>.

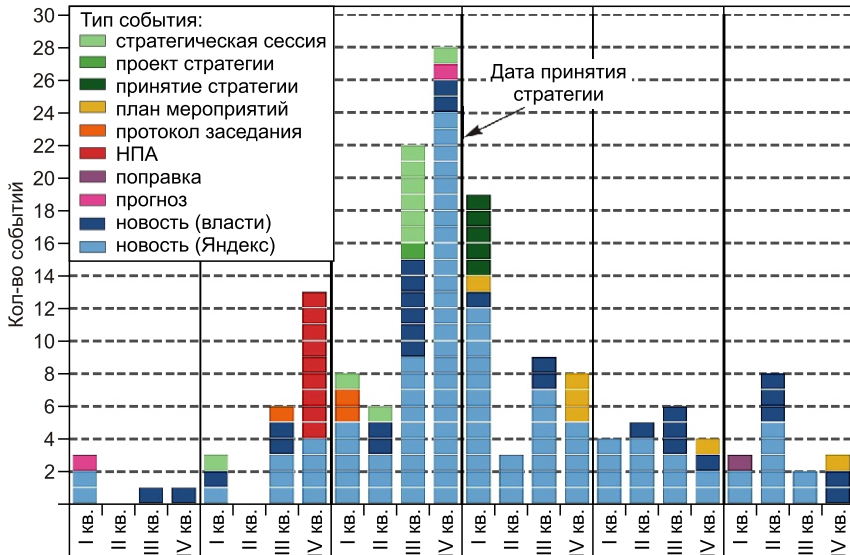

Рис. 3. События, сгруппированные по разнице их даты и даты принятия стратегии, суммарно для пяти городов, 2016–2021 гг.

Источник: составлено авторами

тельствах: сообщается о принятии плана мероприятий по реализации стратегии или о подготовленном отчете о его реализации. Ситуация по отдельным городам значительно различается (рис. 4).

Отметим, что у Екатеринбурга активность по принятию стратегии остается достаточно высокой даже через три года после ее принятия, что, возможно, объясняется разработкой ее новой версии и активностью гражданского общества города. Так, в 2021 г. администрация Екатеринбурга запустила общественное обсуждение стратегических документов социально-экономического развития, включая стратегии развития районов и муниципальные программы.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, существуют различия как между регионами и муниципальными образованиями, так и между отдельными городами и областями в отношении новостного фона.

Во-вторых, у муниципальных образований наблюдается более острый пик новостной активности: события начинают появляться

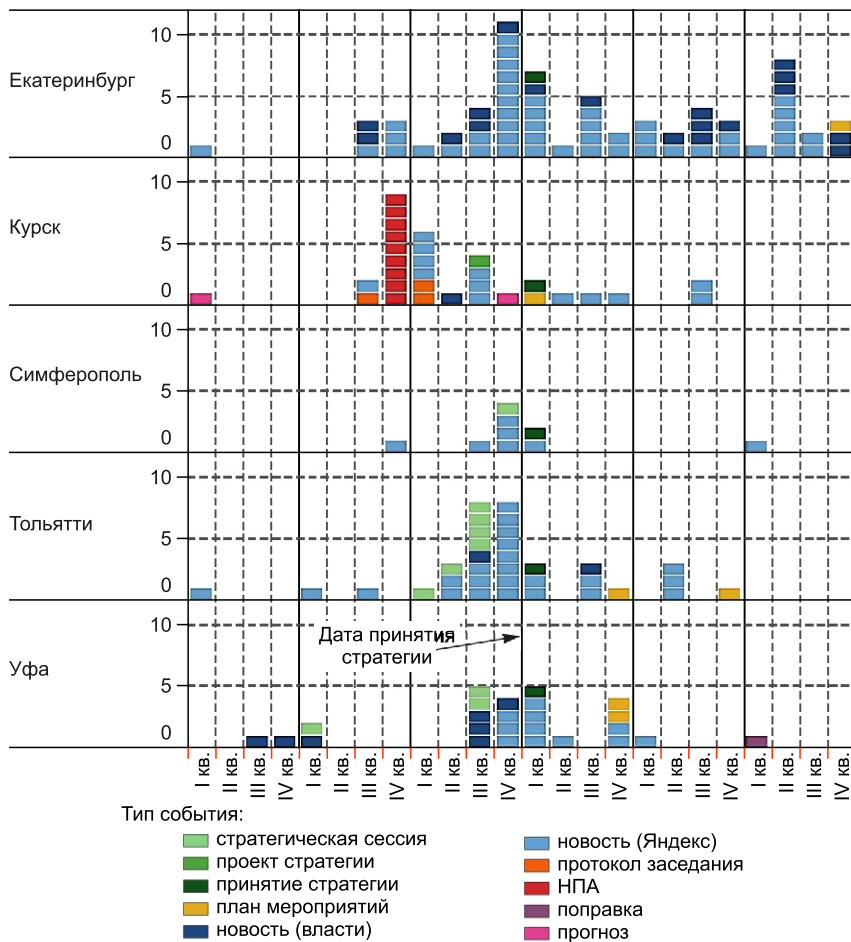

Рис. 4. Количество событий (упоминаний стратегии) во время разработки стратегии и после ее принятия, рассчитано для пяти городов, 2016–2021 гг.

Источник: составлено авторами

в основном за 1,5 года до принятия стратегии, а в течение года после ее принятия наблюдается заметный спад. В то же время стратегии субъектов Федерации имеют более длинный жизненный цикл и более сглаженный пик новостной активности: они разрабатываются в сред-

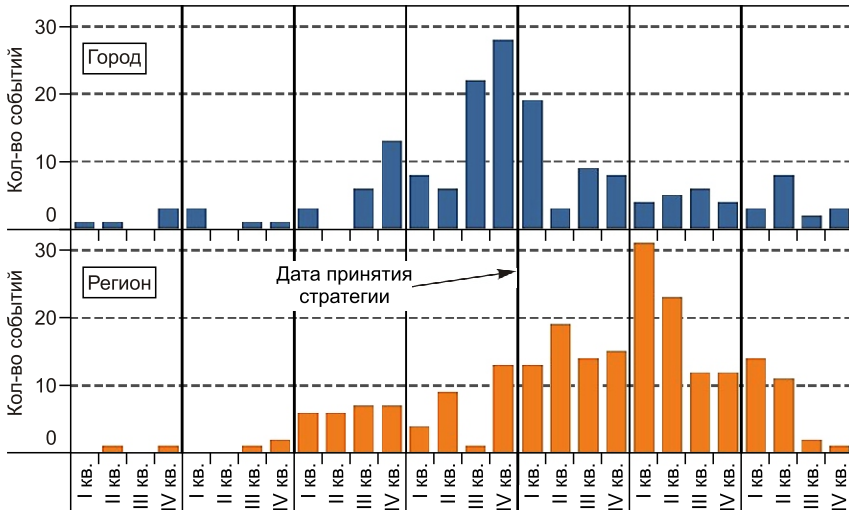

Рис. 5. Количество событий (упоминаний стратегии) во время разработки стратегии и после ее принятия, рассчитано суммарно для пяти городов и отдельно суммарно для пяти регионов, 2015–2021 гг.

Источник: составлено авторами

нем за 2,5 года, что сопровождается постепенным нарастанием новостной активности, далее активность остается высокой на протяжении примерно 2,5 лет, и только потом наблюдается спад. При этом внутри годового цикла пик активности приходится на IV квартал, когда работают команды разработчиков, которым согласно бюджетным процедурам нужно заплатить за их услуги до конца года. В I квартале активность практически полностью отсутствует, так как еще не объявлены торги (рис. 5).

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ УГАСАНИЯ СТРАТЕГИЙ: ВОЗМОЖНЫЕ ГИПОТЕЗЫ

Качественный анализ процессов разработки и реализации российских документов стратегического планирования показал, что ключевыми факторами их угасания (потери востребованности, практи-

ческой полезности и актуальности), по нашему мнению, являются следующие. Отметим, что данные факторы, или, точнее, «первопричины», выделены нами прежде всего на основе собственного опыта стратегического планирования в городах и регионах России и могут рассматриваться в качестве гипотез для строгой эмпирической проверки. Факторы угасания представлены по степени их важности для продления периода востребованности стратегии.

1. *Изначально формальный (ведомственный) характер разработки стратегий с целью отчитаться и «закрыть поручение».* Разработка стратегий по большей части представляет собой выполнение нормативных обязательств, например требований Федерального закона № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», с целью исполнить директиву. В связи с этим в стратегиях часто дублируются формулировки из вышестоящих документов, которым стратегии должны соответствовать, используются аналогичные индикаторы, повторяются цели и задачи. В результате стратегии приобретают универсальный и одновременно поверхностный характер, не учитывают специфику региона или муниципального образования, для которого они разрабатываются. Другими словами, они становятся обезличенным документом, где можно заменить название региона/муниципалитета на любое другое и не найти разницы¹².

2. *Целевая аудитория стратегии – вышестоящая бюрократия.* Главный адресат стратегий – вышестоящие контролирующие и согласующие органы, а не общество, как это, например, происходит за рубежом, где стратегии являются в том числе элементом предвыборного цикла губернаторов и мэров¹³. Соответственно, раз люди и их потребности изначально вторичны, то документ становится неактуальным для населения уже до его принятия: формируется «документ

¹² См.: Комаров В.М., Акимова В.В., Коцюбинский В.А., Земцов С.П. Сравнительный анализ подходов к разработке долгосрочных государственных стратегий в России и мире // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2021. – № 1. – С. 56–74.

¹³ См.: Комаров В.М. Как повысить востребованность долгосрочных стратегий развития муниципальных образований // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. – 2020. – № 2. – С. 7–11.

для галочки». Фактически целевая аудитория мэров и исполнительной власти муниципальных образований – губернаторы, глав регионов и органов исполнительной власти субъектов Федерации – президент России и полномочный представитель президента России в федеральном округе, а не избиратели.

Фундаментальные причины такого положения дел, по нашему мнению, существенно глубже. Это зачастую неподотчетность региональной и муниципальной власти избирателям; отсутствие действенных форм прямой демократии (общегородские референдумы и опросы по действительно важным, не второстепенным вопросам, самоорганизующиеся местные сообщества и т.п.); низкий уровень развития системы обратной связи с населением, поверхностный характер опросов; недостаточный парламентский и депутатский контроль; слабая роль видных представителей общественности в процессе принятия решений; подконтрольность основных СМИ, задача которых – генерация «положительного новостного фона» и формирование положительного образа города или региона, а не беспристрастный анализ принимаемых решений; отсутствие релевантных статистических индикаторов и вообще достоверных данных и т.д.

3. *Навязанный характер ключевых целевых показателей.* Из ведомственного характера разработки стратегий вытекает и то, что набор целевых, «заданных сверху» показателей, по которым оценивается прогресс в реализации документов стратегического планирования (показатели «майского» и «июльского» указов президента о национальных целях Российской Федерации, показатели эффективности работы губернаторов и т.п.), является формальным. Используемые показатели не только не учитывают региональную/муниципальную специфику, но, главное, они существуют в «статистической абстракции/вакууме», оказываясь оторванными и от потребностей людей. Например, формальное достижение показателей по вводу квадратных метров жилья уже привело к деградации городской среды и формированию «гетто» вроде Мурино или Кудрово по всей стране, к опустеванию регионов и стягиванию населения в крупнейшие агломерации, показателей по увеличению численности населения – к росту низкоквалифицированной миграции, «теневому сектору» получения граж-

данства, росту преступности в городах и т.д. При этом подобные вещи, которые вызывают появление точек социальной напряженности, как и другие «острые углы», в стратегиях замалчиваются, не проводятся анализ рисков такой политики и «работа над ошибками»¹⁴. Несмотря на то что оторванность целевых показателей от реально происходящих событий/фактов/триггеров, является самоочевидной, исполнительная система «заточена» именно на формальные целевые показатели.

Более того, отсутствует комплексная оценка влияния показателей (в положительном или отрицательном смысле) на качество жизни и благополучие людей в целом: любое формальное выполнение показателя считается «благом», нет анализа отрицательных последствий проводимой политики и возникающих в связи с ней рисков. При этом для большей части показателей (рост инвестиций, демографическое развитие и др.) невозможно выделить компонент, который напрямую зависит от управленческого воздействия местных или региональных властей, большинство компонентов связаны с другими факторами, в том числе конъюнктурными.

4. *Длительная, тяжеловесная процедура согласования.* Принятие стратегии представляет собой длительный процесс согласования со всеми профильными органами разных уровней. Например, стратегии муниципальных образований должны были получить положительное заключение региональных органов власти и соответствовать стратегии развития региона, а региональные стратегии – получить согласование от Минэкономразвития России и аппаратов полномочных представителей. В ходе согласований зачастую исключаются небалльные и сложные решения, стратегии становятся «беззубыми», поскольку каждое ведомство преследует свои корпоративные интересы и предпочитает шаблонные решения («эффект колеи»), разные ведомства не могут договориться. Например, для того чтобы регионы и города начали системно заниматься общественным транспортом и перестали отдавать данную сферу на откуп рыночным силам, потребо-

¹⁴ См.: *Мертвая зона*. В России создали гетто для миллионов. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7L9ZZZIWUGw>.

вались решение федерального правительства и новый федеральный проект¹⁵.

5. *Низкий уровень вовлечения населения и бизнеса в диалог при разработке стратегий.* Ориентированность стратегических документов на выполнение формальных требований и чрезмерная зарегулированность процесса стратегирования ведут к отсутствию эффективного диалога с населением и бизнесом, хотя именно они и являются основными потребителями результатов государственной политики. В отношении актов Правительства РФ у населения и бизнеса есть только право направлять предложения по уже сформированным проектам нормативно-правовых актов, утверждающих стратегии развития, в рамках процедуры оценки регулирующего воздействия. В отношении стратегий регионов или городов население привлекается только на этапе публичных или общественных слушаний, при этом позиция общества является рекомендательной, практика региональных и городских референдумов с обязательным статусом по спорным вопросам в России в большинстве случаев отсутствует. Это приводит к возникновению точек социальной напряженности (Шиес, Куштау, игорная зона в Ялте и др.).

Отметим, что это только общие тенденции, для которых, безусловно, есть множество других примеров. Например, особняком в российской практике стоит «народная» стратегия Курской области, в разработке которой принимали участие представители различных социальных и профессиональных групп населения¹⁶. Работа общественности координировалась модераторами в формате «мастерских», на выходе был получен перечень проектов и стратегических инициатив, которые легли в основу текстового документа. Но это скорее исключение, чем норма.

¹⁵ См.: *Паспорт* федерального проекта «Модернизация пассажирского транспорта в городских агломерациях». Министерство транспорта РФ. – URL: <https://mintrans.gov.ru/documents/8/11526?type=> .

¹⁶ См.: *Врио* главы Курской области представил народную стратегию развития региона до 2024 года. ТАСС. 27 июня 2019. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/6600049> .

Для сравнения, в разработке Плана развития Нью-Йорка 2019 г.¹⁷ приняли участие более 16 тыс. жителей города, представители региональных властей из ближайших городов и графств. Наибольшая ответная реакция жителей была получена из социальных сетей и электронных писем (более 3,6 млн сообщений в рамках обсуждений проекта). Более 2,5 тыс. человек посетили свыше 50 мероприятий, организованных в очном формате (встречи сообществ, обсуждения в составе небольших инициативных групп, молодежные поездки в школы, встречи рабочей группы и др.).

Концепция городского развития Берлина – 2030¹⁸ также разрабатывалась при широком участии общественности, экспертов и представителей бизнеса. В разработке участвовали представители местных властей, более 100 ассоциаций и институтов из Берлина и Бранденбургского столичного региона. Центральным звеном общегородского процесса консультаций с общественностью стал Городской форум (Stadtforum) 2030 – дискуссионная площадка, на которой жители предложили свои идеи. Stadtforum 2030 сопровождался семинарами для представителей экономического и исследовательского сообществ, а также гражданского общества, призванных внести свой вклад в разработку Концепции городского развития Берлина – 2030.

6. *Сложный для восприятия вид стратегий.* Российские стратегии сложны для восприятия, часто отсутствуют навигация, презентация, поиск стратегий на сайтах нередко затруднен (вложенные ссылки – «кроличья нора»), объем превышает несколько сотен страниц, текст написан тяжелым научным или канцелярским языком. Иногда эти документы представляют собой отсканированные печатные варианты плохого качества, лишь в небольшом их объеме есть иллюстративный материал, отсутствуют дизайнерские решения, простейшая инфографика и т.д. Если и приведены графики, то в них

¹⁷ См.: *OneNYC 2050: Building a Strong and Fair City.* – Vol. 1 of 9. April 2019. – URL: <http://1w3f31pzvdm485dou3dppkcq.wpengine.netdna-cdn.com/wp-content/uploads/2020/01/OneNYC-2050-Full-Report-1.3.pdf>.

¹⁸ См.: *Berlin Strategy: Urban Development Concept. Berlin 2030.* – URL: https://www.stadtentwicklung.berlin.de/planen/stadtentwicklungskonzept/download/strategie/BerlinStrategie_Broschuere_en.pdf.

просто отображены абстрактные и оторванные от повседневной жизни людей статистические показатели. Между тем зарубежные стратегии направлены на формирование отклика у читателя и оказание эмоционального воздействия, по языку изложения они больше напоминают художественное произведение, рассчитанное на широкую аудиторию.

В результате перечисленных причин региональные и муниципальные стратегии в России быстро «забываются», угасают и становятся неактуальными. Если проанализировать реальную практику стратегического планирования, то большинство стратегий в России фактически перестали быть востребованными сразу после утверждения и получения согласования со стороны вышестоящих контролирующих органов. *Первопричина такого положения дел состоит опять же в том, что стратегии часто написаны для «закрытия поручения» и не оказывают решающего влияния на принятие управленческих решений.*

В связи с этим встает вопрос о необходимости продления периода угасания, так как, во-первых, общество получит четкий сигнал: власть заинтересована в долгосрочных инвестициях, а не живет краткосрочной перспективой на время своих полномочий, не будет так, что придут новые люди и все опять начнется по новой – старое уничтожим, новое построим. Кроме того, именно общество должно стать основным адресатом стратегий. В этом случае люди становятся заинтересованными в реализации заявленных проектов, повышается уровень отчетности с обеих сторон.

Во-вторых, становится легче работа всего административного аппарата, так как нет нужды тратить большие суммы из бюджета на постоянную полномасштабную актуализацию документов (не небольшие корректировки, как в случае с зарубежным навигационным типом документов стратегического планирования, а полноценная проработка, по сути, нового документа) с приглашением сторонних экспертов и последующей длительной процедурой согласования, за время которой все, что прописано, уже устареет. В зарубежной практике необходимые обновления стратегий могут вноситься каждый год по

результатам совещаний с представителями профильных министерств. Для этого не обязательны длительные процедуры согласования и утверждения (пример – стратегия Мельбурна¹⁹).

Таким образом, документы стратегического планирования не должны быть «зацементированы» во времени, как сейчас, должны быть краткими и понятными широкой аудитории. Навигационный статус и гибкая вложенная структура позволят быстро адаптировать цели, задачи и приоритеты стратегий под современные вызовы, сохраняя основное долгосрочное видение, связанное, например, с реализацией целей устойчивого развития ООН (как ключевой концепции современного этапа развития общества), локализованных для данного города или страны, что, в свою очередь, позволит увеличить период востребованности стратегий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По результатам анализа новостного фона 10 стратегий регионального и муниципального уровней нами были сделаны следующие выводы.

Новостная активность различается как у регионов и муниципальных образований, так и у отдельных городов и областей. Можно предположить, что причины этого заключаются в специфике местной институциональной среды, в наличии активного/неактивного гражданского общества, в отношении к стратегии («формальное выполнение правил» против эффективно работающего документа) и др. Этот исследовательский вопрос требует дополнительного изучения.

По нашим оценкам, полное угасание региональной стратегии происходит за два-три года, муниципальной – за год-полтора.

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС

¹⁹ См.: *Plan Melbourne: Implementation Plan 2017–2050*. State Government of Victoria. 2017. – URL: https://planmelbourne.vic.gov.au/__data/assets/pdf_file/0005/377123/1.-Plan-Melb-implementation-plan-2019.pdf.

Список источников

1. *Анализ факторов реализации документов стратегического планирования верхнего уровня* / Белановский С.А., Дмитриев М.Э., Комаров В.М., Комин М.О., Коцюбинский В.А., Никольская А.В. – М.: Центр стратегических разработок, 2016. – 208 с.
2. *Будущее регионов России: аналитический обзор документов стратегического планирования субъектов РФ* / Ильина И.Н., Плисецкий Е.Е., Копыченко Г.С., Рыбина Е.Г., Климова В.С. – М.: Институт региональных исследований и городского планирования НИУ ВШЭ, 2015. – 49 с.
3. *Жихаревич Б.С., Климанов В.В., Марача В.Г.* Шокоустойчивость территориальных систем: концепция, измерение, управление // Региональные исследования. – 2020. – № 3. – С. 4–15.
4. *Жихаревич Б.С., Лебедева Н.А., Русецкая О.В., Прибышин Т.К.* Стратегии малых городов: территория творчества / Под ред. Б.С. Жихаревича. – СПб.: Международный центр соц.-эк. исслед. «Леонтьевский центр», 2017. – 68 с.
5. *Жихаревич Б.С., Прибышин Т.К.* Апробация подходов к изучению содержания муниципальных стратегий // Регион: экономика и социология. – 2014. – № 2 (82). – С. 216–234.
6. *Жихаревич Б.С., Прибышин Т.К.* Стратегии развития городов: российская практика 2014–2019 гг. // Пространственная экономика. – 2019. – № 15 (4). – С. 184–204.
7. *Климанов В.В., Будаева К.В., Чернышова Н.А.* Направления регионального стратегирования и программирования в России // Региональные исследования. – 2016. – № 4 (54). – С. 17–30.
8. *Климанов В.В., Будаева К.В., Чернышова Н.А.* Промежуточные итоги стратегического планирования в регионах России // Экономическая политика. – 2017. – № 12 (5). – С. 104–127.
9. *Рекомендации по совершенствованию методического обеспечения стратегического планирования муниципальных образований, структуры и содержания документов стратегического планирования муниципальных образований.* – М.: Фонд «Институт экономики города», 2018. – 46 с.
10. *Селиверстов В.Е.* Региональное стратегическое планирование: от методологии к практике. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2013. – 436 с.
11. *Селиверстов В.Е., Мельникова Л.В.* Анализ состояния стратегического планирования в регионах Сибирского федерального округа // Регион: экономика и социология. – 2011. – № 3. – С. 3–21.

Информация об авторах

Акимова Варвара Владимировна (Москва, Россия) – кандидат географических наук, научный сотрудник Центра стратегий регионального развития Института прикладных экономических исследова-

дований РАНХиГС (119571, Москва, просп. Вернадского, 82); научный сотрудник географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (119991, Москва, Ленинские Горы, 1). E-mail: varvaraakimova1576@gmail.com.

Волошинская Анна Аскольдовна (Москва, Россия) – старший научный сотрудник Центра стратегий регионального развития Института прикладных экономических исследований РАНХиГС (119571, Москва, просп. Вернадского, 82). E-mail: voloshinskaya-aa@ranepa.ru.

Комаров Владимир Михайлович (Москва, Россия) – кандидат экономических наук, директор Центра стратегий регионального развития Института прикладных экономических исследований РАНХиГС (119571, Москва, просп. Вернадского, 82). E-mail: komarov-vm@ranepa.ru.

DOI: 10.15372/REG20220407

Region: Economics & Sociology, 2022, No. 4 (116), p. 163–189

V.V. Akimova, A.A. Voloshinskaya, V.M. Komarov

STRATEGY DECAY: DEFINITION AND EVALUATION METHODS

The article is dedicated to studying the phenomenon of decay (loss of relevance) of strategic documents at the regional and municipal levels in Russia. By analyzing major news sources, we show that Russian strategic planning documents are static, “sluggish,” and unable to respond to rapid changes in the social, economic, political, and cultural environment (as in the case of the coronavirus pandemic). This leads to their rapid semantic degradation, the loss of their connection with current socio-economic challenges. It has been revealed that the duration of decay time differs among regions and municipalities, as well as among individual cities and regions, depending on local conditions. According to our estimates, a regional strategy decays and fully dies out within two to three years, while the same period is one to one and a half years for a municipal one, which is, in fact, equal to the time these strategies are drafted.

Keywords: strategies for social and economic development; strategic planning; decay time; methods

For citation: *Akimova, V.V., A.A. Voloshinskaya & V.M. Komarov.* (2022). Fenomen ugasaniya strategiy: opredelenie i metodika otsenki [Strategy decay: definition and evaluation methods]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 4 (116), 163–189. DOI: 10.15372/REG20220407.

The article was prepared as part of the research work of the state assignment of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

References

1. Belanovskiy, S.A., M.E. Dmitriev, V.M. Komarov, M.O. Komin, V.A. Kotsyubinskiy & A.V. Nikolskaya. (2016). Analiz faktorov realizatsii dokumentov strategicheskogo planirovaniya verkhnego urovnya [Analysis of the Factors in Implementation of Strategic Planning Documents of the Upper Level]. Moscow, Center for Strategic Research, 208.
2. Ilyina, I.N., E.E. Plisetskiy, G.S. Kopychenko, E.G. Rybina & V.S. Klimova. (2015). Budushchee regionov Rossii: analiticheskiy obzor dokumentov strategicheskogo planirovaniya subyektov RF [The Future of Russian Regions: An Analytical Review of Strategic Planning Documents for the Subjects of the Russian Federation]. Moscow, Institute of Regional Studies and Urban Planning, Higher School of Economics, 49.
3. Zhikharevich, B.S., V.V. Klimanov & V.G. Maracha. (2020). Shokoustoychivost territorialnykh sistem: kontseptsiya, izmerenie, upravlenie [Resilience of the territory: concept, measurement, governance]. *Regionalnye issledovaniya* [Regional Research], 3, 4–15.
4. Zhikharevich, B.S. (Ed.), N.A. Lebedeva, O.V. Rusetskaya & T.K. Pribyshin. (2017). Strategii malyykh gorodov: territoriya tvorchestva [Strategies of Small Towns: Territory of Creativity]. St. Petersburg, International Center for Social and Economic Research “Leontief Centre”, 68.
5. Zhikharevich, B.S. & T.K. Pribyshin. (2014). Aprobatsiya podkhodov k izucheniyu soderzhaniya munitsipalnykh strategiy [Testing of approaches to the study of the content of municipal strategies]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 2 (82), 216–234.
6. Zhikharevich, B.S. & T.K. Pribyshin. (2019). Strategii razvitiya gorodov: rossiyskaya praktika 2014–2019 gg. [Urban development strategies: Russian practice 2014–2019]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], 15 (4), 184–204.
7. Klimanov, V.V., K.V. Budaeva & N.A. Chernyshova. (2016). Napravleniya regionalnogo strategirovaniya i programmirovaniya v Rossii [Directions of regional strategizing and programming in Russia]. *Regionalnye issledovaniya* [Regional Research], 4 (54), 17–30.
8. Klimanov, V.V., K.V. Budaeva & N.A. Chernyshova. (2017). Promezhutochnye itogi strategicheskogo planirovaniya v regionakh Rossii [Preliminary results of strategic planning in Russian regions]. *Ekonomicheskaya politika* [Economic Policy], 12 (5), 104–127.

9. *Rekomendatsii po sovershenstvovaniyu metodicheskogo obespecheniya strategicheskogo planirovaniya munitsipalnykh obrazovaniy, struktury i soderzhaniya dokumentov strategicheskogo planirovaniya munitsipalnykh obrazovaniy* [Recommendations for Improving the Methodological Support of Municipal Strategic Planning, Structure and Content of Municipal Strategic Planning Documents]. (2018). Moscow, The Institute for Urban Economics Fund, 46.

10. *Seliverstov, V.E.* (2013). *Regionalnoe strategicheskoe planirovanie: ot metodologii k praktike* [Regional Strategic Planning: from Methodology to Practice]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 436.

11. *Seliverstov, V.E. & L.V. Melnikova.* (2011). *Analiz sostoyaniya strategicheskogo planirovaniya v regionakh Sibirskogo federalnogo okruga* [Analyzing the regional strategic planning in the Siberian Federal District]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 3, 3–21.

Information about the authors

Akimova, Varvara Vladimirovna (Moscow, Russia) – Candidate of Sciences (Geography), Researcher at the Centre for Regional Development Strategies, Institute of Applied Economic Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) (82, Vernadsky av., Moscow, 119571, Russia); Researcher at the Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University (1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia). E-mail: varvaraakimova1576@gmail.com.

Voloshinskaya, Anna Askoldovna (Moscow, Russia) – Senior Researcher at the Centre for Regional Development Strategies, Institute of Applied Economic Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) (82, Vernadsky av., Moscow, 119571, Russia). E-mail: voloshinskaya-aa@ranepa.ru.

Komarov, Vladimir Mikhailovich (Moscow, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Director of the Centre for Regional Development Strategies, Institute of Applied Economic Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) (82, Vernadsky av., Moscow, 119571, Russia). E-mail: komarov-vm@ranepa.ru.

Поступила в редколлегию 15.02.2022.

После доработки 20.04.2022.

Принята к публикации 25.04.2022.

УДК 339.9 (476+470+510)

Регион: экономика и социология, 2022, № 4 (116), с. 190–218

Т.С. Вертинская, Н.А. Абрамчук

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ ТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ БЕЛАРУСИ, РОССИИ И КИТАЯ В УСЛОВИЯХ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В статье представлен анализ состояния и тенденций развития межрегиональных связей Республики Беларусь с Российской Федерацией и Китаем. Разработаны предложения по формированию институциональной основы углубления межрегиональных взаимодействий в рамках Союзного государства Беларуси и России, предусматривающие развитие институтов правового обеспечения, расширения полномочий органов управления Союзным государством Беларуси и России, местного самоуправления, координации и развития интеграционной среды. Освещены основные положения разработанного проекта Стратегии развития межрегионального сотрудничества Республики Беларусь и Китайской Народной Республики, содержащие рекомендации по увеличению количества позиций некалийного товарного экспорта с учетом таких факторов, как наличие спроса, ценовая конкурентоспособность белорусской продукции, расширение номенклатуры экспорта высокотехнологичной продукции и товаров региональной специализации, включение в сотрудничество субъектов малого и среднего предпринимательства, кластерных структур и др. В качестве практически незадействованного резерва роста межрегиональных связей Беларуси, России и Китая определен формат региональных объединений. Основными драйверами наращивания потенциала межрегионального взаимодействия в условиях региональной интеграции рассматриваются создание информационно-аналитической базы данных о состоянии внешнеэкономических стратегий регионов КНР и стран ЕАЭС и их текущих изменениях, использование потенциала проекта цифровых логистических коридоров в ЕАЭС, фор-

мирование торгово-сбытовых альянсов, разработка совместного плана действий по включению в межрегиональные взаимодействия мегаполисов и агломераций, инновационных зон, индустриальных парков, приграничных территорий.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз (ЕАЭС); институты; межрегиональные торговые связи; регион; Союзное государство Беларуси и России; стратегия межрегионального сотрудничества Беларуси и Китая; экспорт товаров

Для цитирования: Вертинская Т.С., Абрамчук Н.А. Перспективы развития межрегиональных торговых связей Беларуси, России и Китая в условиях региональной интеграции // Регион: экономика и социология. – 2022. – № 4 (116). – С. 190–218. DOI: 10.15372/REG20220408.

ВВЕДЕНИЕ

В условиях санкционного давления со стороны коллективного Запада, которое проявляется в таких негативных тенденциях развития белорусской экономики, как: ограничения экспорта продукции в страны ЕС и импорта сырья, материалов и промежуточных товаров из США и Евросоюза, приведшие к смене поставщиков и изменению логистических цепочек, к повышению стоимости сырья, материалов и промежуточных товаров; препятствия для импорта нового оборудования, запасных частей для ремонта установленного оборудования, программного компонентного обеспечения, сопровождающиеся приостановкой ряда инвестиционных проектов, удорожанием и увеличением продолжительности ремонта оборудования; изменение логистики в перемещении товаров, что приводит к возникновению финансового разрыва и повышает потребность организаций в оборотных средствах, и др., – актуализовался вопрос о новых форматах международного сотрудничества и усилении восточного вектора внешнеэкономической политики Беларуси.

В этих условиях новыми путями реализации многовекторной внешнеэкономической стратегии для Республики Беларусь может стать дальнейшее развитие торгово-экономического сотрудничества с Китайской Народной Республикой, с которой уже давно сложились

отношения всестороннего стратегического партнерства. Важность для Беларуси экономического взаимодействия с Китаем определяется множеством факторов, в основе которых лежат прежде всего идентичность социально ориентированных национальных экономик и существенная сопряженность внешнеполитических и внешнеэкономических стратегий двух стран. Недостаточно полно задействованными резервами развития торгово-экономических связей Беларуси являются межрегиональные связи с КНР, в том числе на платформе Евразийского экономического союза, а также углубление сотрудничества регионов Беларуси и России в рамках Союзного государства.

Анализ состояния межрегиональных белорусско-российских и белорусско-китайских торгово-экономических связей и направлений их дальнейшего развития является предметом настоящей статьи.

БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКАЯ МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ ТОРГОВЛЯ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Межрегиональное торговое сотрудничество между Республикой Беларусь и Российской Федерацией успешно развивается. За последние пять лет внешнеторговый оборот двух стран увеличился более чем в 1,5 раза и превысил 40 млрд долл. США в 2021 г., в том числе экспорт белорусских товаров на российский рынок вырос на 49,5% и составил 16,4 млрд долл. США, импорт товаров из России увеличился на 54,6% и составил 23,7 млрд долл. США. Во внешне-торговом обороте Беларуси Россия занимает практически половину объема с долей 51% в 2016 г. и 49% в 2021 г.¹

Наблюдаемая тенденция пятилетнего роста *экспорта* на российский рынок была сформирована в большей степени динамикой Гродненской и Минской областей. Стоимостной объем экспортных поставок Гродненской области вырос в 1,85 раза до уровня 1,8 млрд долл. США в 2021 г., Минской области – более чем в 1,7 раза до

¹ См: *Основные* показатели внешней торговли (.xlsx). Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/vneshnyaya-torgovlya/vneshnyaya-torgovlya-tovarami/godovye-dannye/>.

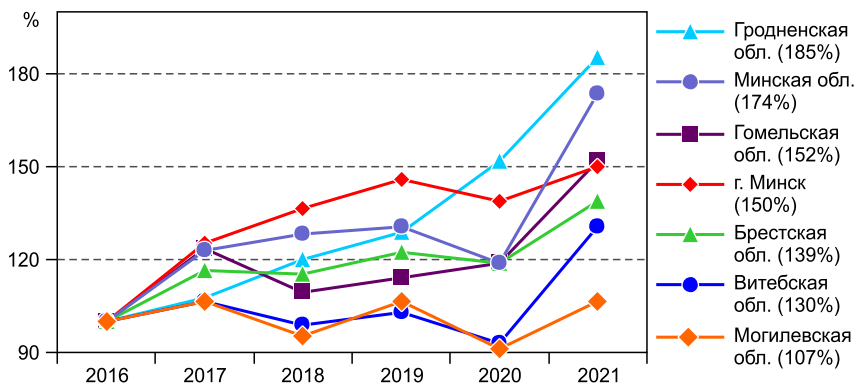

Рис. 1. Динамика экспорта товаров регионов Беларуси в Россию за период 2016–2021 гг., нарастающим итогом

Примечание: в скобках указан темп роста в 2021 г. по отношению к 2016 г.

Источник: построено авторами на основе данных Национального статистического комитета Республики Беларусь

уровня 4,1 млрд долл. США. Высокими темпами роста экспорта характеризуются также Гомельская область и г. Минск, объем экспорта которых увеличился соответственно в 1,52 раза до 1,8 млрд долл. США и в 1,5 раза до 3,8 млрд долл. США. Наиболее низкий экспортный рост показывает Могилевская область – на 7% до 1,4 млрд долл. США (рис. 1).

В региональной структуре белорусского экспорта на российский рынок традиционно доминируют Минская область и г. Минск, занимающие в совокупности практически половину всего объема. В тройку экспортеров-лидеров входит также Брестская область с долей 12% в 2021 г. Удельный вес в общем объеме экспортных поставок в Россию Гомельской и Гродненской областей практически одинаков и находится на уровне 11%. Меньше всего приходится на Могилевскую и Витебскую области, доли которых составляют 9 и 8% соответственно (рис. 2).

Крупнейшие экспортные товарные позиции белорусских регионов – лидеров по экспорту в Россию в 2021 г. представлены в табл. 1.

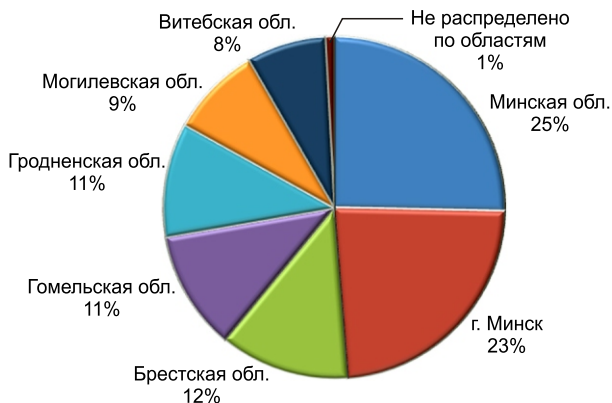

Рис. 2. Структура экспорта товаров регионов Беларуси в Россию в 2021 г.

Источник: построено авторами на основе данных Национального статистического комитета Республики Беларусь

Таблица 1

Топ-5 экспортных товарных позиций белорусских регионов – лидеров по экспорту в Россию в 2021 г.

Регион-экспортер	Товарные позиции экспорта
Минская обл.	Автомобили грузовые; автомобили легковые; сыры и творог; масло сливочное; части и принадлежности для автомобилей и тракторов
г. Минск	Тракторы и седельные тягачи; автомобили грузовые; телевизоры, мониторы и проекторы; части и принадлежности для автомобилей и тракторов; холодильники, морозильники и холодильное оборудование
Брестская обл.	Сыры и творог; готовая или консервированная рыба, икра; бытовая аппаратура неэлектрическая для приготовления пищи; масло сливочное; колбасы и аналогичные продукты из мяса

Примечание: товарные позиции на уровне четырех знаков кода ТН ВЭД ЕАЭС.

Минская область поставляет белорусскую продукцию в 79 российских регионов, и в первую очередь продает грузовые и легковые автомобили, молочную продукцию, части и принадлежности для автомобилей и тракторов. В структуре экспорта более половины приходится на два российских региона: Московскую область (в основном продаются легковые автомобили, мясо птицы, молочная продукция, лекарственные средства, части и принадлежности для автомобилей и тракторов, изделия пластмассовые) и г. Москву (легковые автомобили, молочные продукты, говядина, лекарственные средства, обувь, плиты и пленка из пластмасс, трикотажные полотна, фанера клееная). Также продается продукция в г. Санкт-Петербург, Смоленскую и Новосибирскую области, Краснодарский край, Свердловскую область, Республику Татарстан и др.

Город Минск экспортирует продукцию в 80 российских регионов, и прежде всего тракторы и седельные тягачи, грузовые автомобили, телевизоры, мониторы и проекторы, части и принадлежности для автомобилей и тракторов, холодильники, морозильники и холодильное оборудование. Около 60% экспортируется в три региона: Московскую область (наибольший спрос на телевизоры, мониторы и проекторы, лекарственные средства, холодильники, морозильники и холодильное оборудование, тракторы и седельные тягачи, грузовые автомобили), г. Москву (электронные интегральные схемы, приборы и устройства, применяемые в медицине, части и принадлежности для автомобилей и тракторов, сыры и творог, приборы и аппараты для физического или химического анализа, обувь) и Смоленскую область (автомобили грузовые и предназначенные для перевозки 10 и более человек, нефтепродукты, тракторы и седельные тягачи, полимеры этилена, части и принадлежности для автомобилей и тракторов). Значительные поставки осуществлялись в г. Санкт-Петербург, Республику Татарстан, Вологодскую и Свердловскую области.

Брестская область торгует с 78 российскими регионами. Основными статьями экспорта области являются сыры и творог, готовая или консервированная рыба, икра, бытовая аппаратура неэлектрическая для приготовления пищи, масло сливочное, колбасы и аналогичные продукты из мяса. Более половины экспортных поставок осуществляется в два региона: Московскую область (в первую очередь

молоко и молочные продукты, готовые продукты из рыбы, бытовые приборы и аппаратура, мясо птицы) и г. Москву (сыры и творог, колбасные изделия из мяса, женская одежда, чулочно-носочные изделия, дезинфицирующие средства). Также поставляется продукция в г. Санкт-Петербург, Смоленскую область, Краснодарский край, Брянскую и Ростовскую области.

В динамике регионального *импорта* из России наибольший рост за последнее пятилетие отмечается у Минской, Брестской и Гомельской областей. Стоимостной объем импортных закупок Минской области вырос практически вдвое до уровня 2,4 млрд долл. США в 2021 г., Брестской – в 1,93 раза до более 700 млн долл. США, Гомельской области – в 1,92 раза до уровня 4,8 млрд долл. США. В свою очередь, импорт Гродненской области после 2019 г. ежегодно сокращался, что привело к росту объема за пятилетний период только на 14% до 632 млн долл. США в 2021 г. (рис. 3).

В региональной структуре белорусского импорта из России в тройку регионов-лидеров входят г. Минск (с долей 36% в 2021 г.),

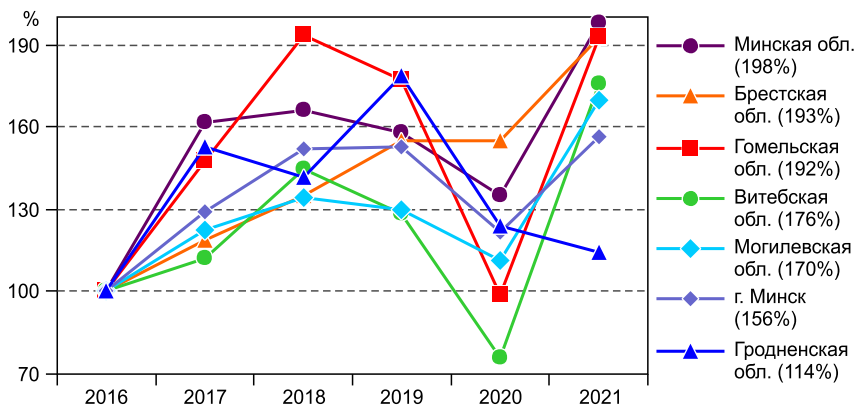

Рис. 3. Динамика импорта товаров регионов Беларуси из России за период 2016–2021 гг., нарастающим итогом

Примечание: в скобках указан темп роста в 2021 г. по отношению к 2016 г.

Источник: построено авторами на основе данных Национального статистического комитета Республики Беларусь

Рис. 4. Структура импорта товаров регионов Беларуси из России в 2021 г.

Источник: построено авторами на основе данных Национального статистического комитета Республики Беларусь

Гомельская (20%) и Витебская (13%) области. Меньше всего приходится на Брестскую и Гродненскую области, удельный вес которых в общем объеме импортных закупок на российском рынке составляет по 3% (рис. 4).

Крупнейшие импортные товарные позиции белорусских регионов – лидеров по импорту из России в 2021 г. представлены в табл. 2.

Город Минск осуществляет закупки в 75 российских регионах, и основными статьями импорта являются нефть, легковые автомобили, черные металлы, аппаратура связи, шины. Крупнейшие поставщики – Московская область (поставляет прежде всего предметы гигиены для женщин и детей, телевизоры, мониторы и проекторы, электроннагревательные приборы, моющие и чистящие средства, прокат плоский из нелегированной стали плакированный, обувь, шины, консервированные овощи) и г. Москва (легковые автомобили, аппаратура связи, косметические средства, спирты ациклические, вычислительные машины). Также importируются товары из г. Санкт-Петербурга, Калужской области, Республики Татарстан, Тюменской и Оренбургской областей и др.

Таблица 2

Топ-5 импортных товарных позиций белорусских регионов – лидеров по импорту из России в 2021 г.

Регион-импортер	Товарные позиции импорта
г. Минск	Нефть сырая; автомобили легковые; прокат плоский из нелегированной стали горячекатаный; аппаратура связи и части к ней; шины
Гомельская обл.	Нефть сырая; отходы и лом черных металлов; продукты прямого восстановления железной руды; газы нефтяные и углеводороды газообразные прочие; ферросплавы
Витебская обл.	Нефть сырая; проволока алюминиевая; полимеры этилена; прокат плоский из нелегированной стали горячекатаный; углеводороды ациклические

Примечание: товарные позиции на уровне четырех знаков кода ТН ВЭД ЕАЭС.

Гомельская область импортирует товары из 70 российских регионов, и в первую очередь это нефть, черные металлы, углеводороды газообразные, полимеры, аммиак. Основной объем закупок, более 40%, приходится на Тюменскую область (сырая нефть, газы нефтяные и углеводороды газообразные прочие). Поставляют свою продукцию в Гомельскую область также Пермский край, Московская область, г. Москва, Республика Татарстан, Белгородская область и др.

Витебская область закупает товары в 69 российских регионах, прежде всего сырую нефть, алюминиевую проволоку, полимеры, прокат плоский из нелегированной стали горячекатаный, углеводороды ациклические. Около 70% объема импорта приходится на три региона: Тюменскую (сырая нефть), Самарскую (сырая нефть) и Московскую (специфические товары, вакцины, лекарственные средства, шины, полимеры пропилен, дезинфицирующие средства, трубы из черных металлов) области.

Анализ межрегиональной торговли Беларуси и России показал, что каждая из белорусских областей и г. Минск наладили торговые связи практически со всеми российскими регионами. Важнейшими партнерами для всех семи белорусских регионов являются Московская область и г. Москва. За последние пять лет основной положительный вклад в прирост экспорта на российский рынок был обеспечен Минской областью и г. Минском, а вклад в прирост импорта из регионов России сформирован г. Минском и Гомельской областью.

Между тем есть препятствия для дальнейшего наращивания двустороннего экономического взаимодействия Беларуси и России на региональном уровне, и главными из них являются: существенные различия в масштабах и степени социально-экономического развития регионов двух стран; нарушение баланса интересов участников белорусско-российских межрегиональных связей; преобладание в межрегиональных связях со стороны Беларуси предприятий государственной формы собственности, регулирование которых предполагает участие республиканских органов управления; слабость рыночных механизмов интеграции; существующие несоответствия между объемами полномочий местных органов власти Беларуси и России, прежде всего из-за особенностей построения белорусской системы местного управления и самоуправления; отсутствие управленческих воздействий на межгосударственном уровне в рамках Союзного государства и др. [3].

Дальнейшее углубление торговых связей между регионами Республики Беларусь и Российской Федерации требует как минимум формирования институциональной основы их развития в рамках Союзного государства Беларуси и России. Ключевыми условиями для этого целесообразно определить следующее [2].

Во-первых, необходимо обновление законодательной основы, что включает в себя: расширение договорной базы межрегионального сотрудничества, проведение инвентаризации всей нормативной и правовой базы межрегионального и приграничного сотрудничества; устранение дублирования и выявление несоответствий новым условиям, которые определены Договором о Союзном государстве Беларуси и России. Назрела необходимость разработки и принятия Концепции

межрегионального и приграничного сотрудничества Беларуси и России в условиях функционирования Союзного государства, а также Комплексной стратегии развития приграничного сотрудничества Беларуси и России на среднесрочную и долгосрочную перспективу.

Во-вторых, следует расширить полномочия органов управления Союзным государством Беларуси и России в области регулирования межрегиональных связей и создать институт представительства регионов в межгосударственных органах Союза.

В-третьих, требуются укрепление института местного самоуправления и использование различных форм устранения или преодоления имеющейся асимметрии между различными моделями местной власти, существующими в Беларуси и России.

Для реализации политики в области межрегионального сотрудничества органы местной власти должны иметь возможность для проявления конкурентного начала и инициативности в управлении социально-экономическим развитием территорий. Важно подчеркнуть, что в целях сохранения единства экономического пространства Союза предполагается не конкуренция юрисдикций, а конкуренция правоприменительной практики органов местной власти двух стран.

Конкуренция между органами местной власти стран евразийской интеграции – это формирование конкурентной среды в экономике регионов, стимулирующее экономическую и инновационную активность расположенных в них субъектов хозяйствования и сопровождаемое структурными преобразованиями в регионах. Это реализация конкурентных преимуществ отдельных территорий с учетом имеющегося природно-ресурсного и социально-экономического потенциала, поиск новых приемов позиционирования регионов в национальном и международном контекстах и формирования соответствующего их имиджа. Это проявление инициативы местных властей и местного сообщества по нахождению дополнительных резервов, новых материальных и финансовых источников роста экономики региона, реализация накопленных навыков, традиций, самобытности и стереотипов мышления местного населения.

В правовом аспекте это связано с реализацией принципа субсидиарности, с децентрализацией отдельных функций управления регио-

нальным развитием, их передачей на низовые территориальные уровни и с развитием института местного самоуправления. В Беларуси, где сохраняется государственная модель местного самоуправления, ее совершенствование связано с нахождением мягких вариантов реализации принципа субсидиарности. Территориальная децентрализация управленческих полномочий целесообразна при возможности принятия более эффективных управленческих решений именно на низовом уровне.

В-четвертых, необходимо развитие общественных (неформальных) институтов, участвующих в экономической интеграции. Неформальные институты региона – это местное сообщество в лице отдельных граждан либо организованных по интересам общественных организаций, а также иные институты регионального развития (региональные ассоциации предпринимателей, инициативные группы местных сообществ и т.п.).

На этом направлении актуальны создание общественных организаций на совместной основе (объединения граждан, субъектов хозяйствования, органов управления), реализация местных инициатив в области интеграции регионов, формирование инструментов грантовой поддержки сотрудничества между населением, местными сообществами двух стран. Особое место в системе неформальных институтов занимают местные инициативы. Для успешного их воплощения целесообразно предусмотреть возможность их включения в программы социально-экономического развития регионов, в стратегии сотрудничества между регионами Беларуси и России.

В-пятых, одним из ключевых условий развития межрегионального сотрудничества должна стать институционализация интеграционной среды регионов Беларуси и России в виде институтов координации и коммуникаций между субъектами межрегиональных связей двух стран.

В действующей практике такие институты представлены в основном структурами, созданными на базе органов государственного управления, в сферу компетенции которых входят вопросы интеграции (рабочие группы, торговые комиссии, деловые советы и др.). По мнению авторов, институционализация должна охватить новые субъ-

екты интеграционных связей, новые сферы сотрудничества и отразить формирование нового типа связей. Это институты международного партнерства частного бизнеса и государства, институты международного сетевого и кластерного взаимодействия экономических субъектов стран-партнеров, институты формирования на совместной основе различных типов зон концентрации инновационной деятельности (индустриальные парки, технопарки, технологические платформы), институты устойчивого развития в регионах и интеграции регионов на принципах устойчивого развития.

В-шестых, в перспективе важна организация совместного целевого Фонда финансовой поддержки межрегионального сотрудничества на базе финансовых средств союзного бюджета. Его цель – стимулирование различных форм межрегионального взаимодействия, в первую очередь в регионах, имеющих невысокий интеграционный потенциал. С учетом опыта ЕС в дальнейшем задачи фонда могут быть расширены и включать финансовую поддержку политики сглаживания уровней социально-экономического развития регионов в Союзном государстве.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ ТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ БЕЛАРУСИ И КИТАЯ

Подтверждением высокой значимости китайского вектора межрегионального сотрудничества служит принятое главами КНР и Республики Беларусь решение об объявлении периода 2020–2022 гг. Годом регионов Китая и Беларуси. В настоящее время накоплен определенный положительный опыт развития межрегионального сотрудничества между КНР и Беларусью. Заключено более 100 меморандумов, договоров и соглашений о сотрудничестве в области культуры, образования, научных, производственно-инвестиционных связей между областями Беларуси и практически всеми китайскими провинциями (исключение составили провинции Фуцзянь, Хэбэй, Цзянси и Юньнань). Создана Рабочая группа по межрегиональному торгово-экономическому сотрудничеству Комиссии по торгово-экономи-

ческому сотрудничеству в составе Белорусско-Китайского межправительственного комитета. Принимаются законодательные акты в области развития экономических связей между регионами. Так, в Директиву Президента Республики Беларусь № 9 от 03.12.2021 г. «О развитии двусторонних отношений Республики Беларусь с Китайской Народной Республикой» включен раздел «Межрегиональные связи». Ежегодно разрабатываются дорожные карты по развитию межрегиональных связей Беларуси и КНР.

Среди различных форм международного сотрудничества Беларуси и Китая наибольшее развитие получили межрегиональные торговые связи. Белорусско-китайская взаимная торговля товарами в последний пятилетний период характеризуется ускоренной положительной динамикой своего развития. С 2016 г. оборот торговли Беларуси с Китаем увеличился почти двукратно и практически достиг 5 млрд долл. США в 2021 г., что было обеспечено ростом как стоимостного объема белорусского экспорта на китайский рынок (в 1,8 раза до уровня 870 млн долл. США), так и стоимостного объема импорта Беларуси из Китая (в 1,9 раза до уровня 4,1 млрд долл. США). Доля Китая во внешнеторговом обороте Беларуси выросла с 5,1% в 2016 г. до 6% в 2021 г.²

Положительная динамика развития белорусского экспорта на китайский рынок была обеспечена всеми областями и г. Минском. Наилучший рост демонстрируют Могилевская (рост в 20 раз до 59 млн долл. США в 2021 г.), Гомельская (в 17 раз до 113 млн долл. США), Брестская (в 10 раз до 72 млн долл. США) и Витебская (в 3,5 раза до 29 млн долл. США) области (рис. 5).

В региональной структуре белорусского экспорта в Китай преобладает Минская область, доля которой составила 45% в 2021 г. В тройку лидеров входят также г. Минск (16%) и Гомельская область

² См: *Экспорт* товаров из Республики Беларусь по отдельным странам вне СНГ (.xlsx). Импорт товаров из Республики Беларусь по отдельным странам вне СНГ (.xlsx). Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/vneshnyaya-torgovlya/vneshnyaya-torgovlya-tovarami/godovye-dannye/>.

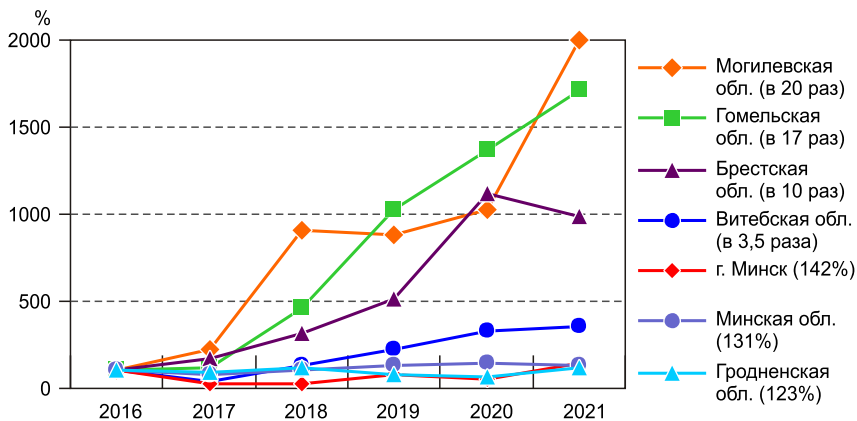

Рис. 5. Динамика экспорта товаров регионов Беларуси в Китай за период 2016–2021 гг., нарастающим итогом

Примечание: в скобках указан темп роста в 2021 г. по отношению к 2016 г.

Источник: построено авторами на основе данных Национального статистического комитета Республики Беларусь

(13%). Наименьшая доля приходится на Витебскую область (3%) (рис. 6).

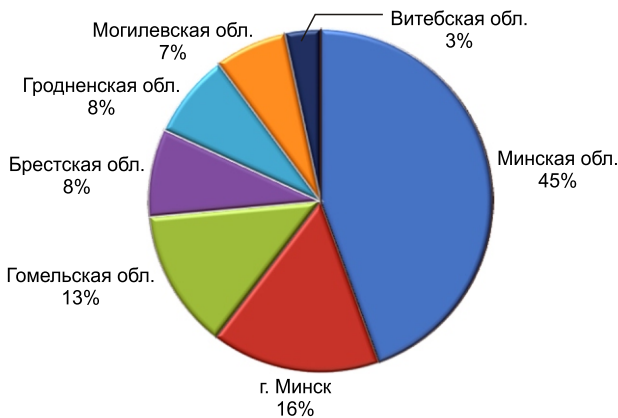

Рис. 6. Структура экспорта товаров регионов Беларуси в Китай в 2021 г.

Источник: построено авторами на основе данных Национального статистического комитета Республики Беларусь

Таблица 3

**Топ-5 экспортных товарных позиций белорусских регионов – лидеров
по экспорту в Китай в 2021 г.**

Регион-экспортер	Товарные позиции экспорта
Минская обл.	Удобрения калийные; говядина замороженная; мясо и пищевые субпродукты домашней птицы; молоко и сливки сгущенные и сухие; сахар
г. Минск	Лесоматериалы продольно-распиленные; уголь каменный; мясо и пищевые субпродукты домашней птицы; электронные интегральные схемы; масло рапсовое
Гомельская обл.	Целлюлоза древесная, натронная или сульфатная; говядина замороженная; лесоматериалы продольно-распиленные; молоко и сливки сгущенные и сухие; молочная сыворотка

Примечание: товарные позиции на уровне четырех знаков кода ТН ВЭД ЕАЭС.

Крупнейшие экспортные товарные позиции белорусских регионов – лидеров по экспорту в Китай в 2021 г. представлены в табл. 3.

На китайский рынок Минская область поставляет в основном калийные удобрения, мясомолочную продукцию, сахар, г. Минск – лесоматериалы продольно-распиленные, каменный уголь, мясо птицы, электронные интегральные схемы, масло рапсовое, Гомельская область – целлюлозу, говядину замороженную, лесоматериалы продольно-распиленные, молочную продукцию.

Анализ динамики белорусского регионального *импорта* из Китая показывает, что четыре области – Минская, Гродненская, Брестская и Могилевская, а также г. Минск увеличили объемы закупок на китайском рынке. Наибольший рост демонстрирует Минская область – в 2,8 раза до уровня 1,5 млрд долл. США в 2021 г. Одновременно две

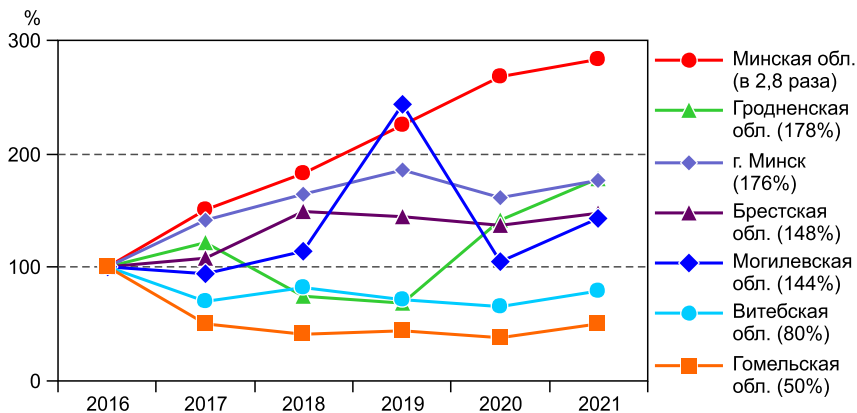

Рис. 7. Динамика импорта товаров регионов Беларуси из Китая за период 2016–2021 гг., нарастающим итогом

Примечание: в скобках указан темп роста в 2021 г. по отношению к 2016 г.

Источник: построено авторами на основе данных Национального статистического комитета Республики Беларусь

области сократили китайский импорт: Витебская – на 20% до 91 млн долл. США, Гомельская – на 50% до 86 млн долл. США (рис. 7).

В региональной структуре белорусского импорта в Китай более 80% занимают г. Минск и Минская область, доля которых составила соответственно 45 и 37% в 2021 г. Доля каждой из остальных областей не превышает 5% (рис. 8).

Крупнейшие импортные товарные позиции белорусских регионов – лидеров по импорту из Китая в 2021 г. представлены в табл. 4.

Город Минск закупает в основном аппаратуру связи, части к принимающей и передающей аппаратуре, вычислительные машины, обувь, части и принадлежности для автомобилей и тракторов, Минская область – вычислительные машины, части и принадлежности для автомобилей и тракторов, обувь, чулочно-носочные изделия, аппаратуру связи, Гродненская область – обувь, белье постельное и иное, трикотажные полотна, замороженные фрукты, изделия из алюминия.

Доля высокотехнологичных товаров в белорусском экспорте в КНР все еще незначительна (не превышала 2% в 2020 г.) и прихо-

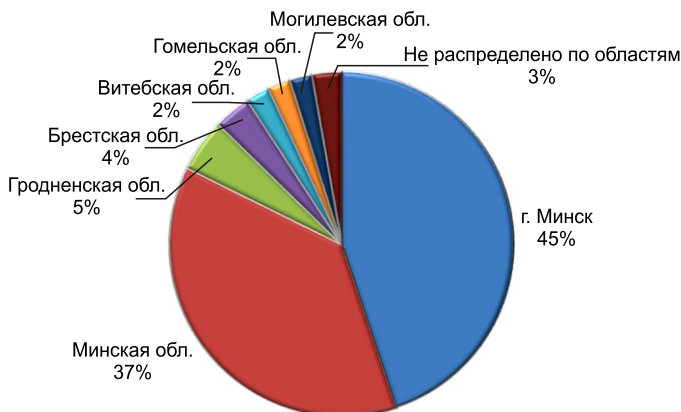

Рис. 8. Структура импорта товаров регионов Беларуси из Китая в 2021 г.

Источник: построено авторами на основе данных Национального статистического комитета Республики Беларусь

Таблица 4

Топ-5 импортных товарных позиций белорусских регионов – лидеров по импорту из Китая в 2021 г.

Регион-импортер	Товарные позиции импорта
г. Минск	Аппаратура связи и части к ней; части к принимающей и передающей аппаратуре; вычислительные машины для автоматической обработки информации; прочая обувь на подошве и с верхом из резины или пластмассы; части и принадлежности для автомобилей и тракторов
Минская обл.	Вычислительные машины для автоматической обработки информации; части и принадлежности для автомобилей и тракторов; прочая обувь на подошве и с верхом из резины или пластмассы; чулочно-носовые изделия; аппаратура связи и части к ней
Гродненская обл.	Прочая обувь на подошве и с верхом из резины или пластмассы; белье постельное, столовое, туалетное и кухонное; трикотажные полотна машинного или ручного вязания; фрукты замороженные; изделия из алюминия

Примечание: товарные позиции на уровне четырех знаков кода ТН ВЭД ЕАЭС.

дится в основном на г. Минск. Активно стали развиваться торговые связи между регионами Китая и Беларуси на уровне малых и средних предприятий. Так, более половины всего объема экспортных поставок на китайский рынок осуществляют эти предприятия с долей 55,4% в 2020 г.

Несмотря на заключенные соглашения, торговое сотрудничество налажено не со всеми китайскими провинциями. Внешняя торговля белорусских субъектов с китайскими партнерами имеет высокую территориальную концентрацию и сосредоточена в нескольких белорусских регионах. Ощущается недостаток информации о региональных рынках КНР, торговом, промышленном и инвестиционном потенциале провинций.

В Беларуси в настоящее время отсутствуют интегрированные базы данных о торговом потенциале регионов КНР, не собираются статистические данные о развитии всех форм межрегионального сотрудничества на уровне провинций. Производство и сбыт продукции не ориентированы на региональный спрос и предпочтения китайских потребителей. Товаропроводящая сеть Республики Беларусь в КНР представлена в основном отраслевыми объектами инфраструктуры, практически нет региональных торговых представительств в КНР. Не в полной мере задействован потенциал цифровых технологий в продвижении белорусской продукции, не разработаны региональные бренды белорусской экспортной продукции. В дальнейшем развитии нуждается система поддержки экспорта в Беларуси, которая формируется в основном на республиканском и отраслевом уровнях, а участие местных органов власти представлено слабо и имеется недостаток инновационных управленческих инструментов [4].

Для решения указанных проблем и наращивания межрегионального сотрудничества Совет Министров Республики Беларусь рассмотрел вопрос о формировании *Стратегии развития межрегионального сотрудничества Республики Беларусь и Китайской Народной Республики* (далее – Стратегия). Ее научную проработку осуществлял Институт экономики Национальной академии наук Беларуси. В разработанном проекте Стратегии заложены следующие концептуальные подходы: определение всеми белорусскими регионами сво-

их стратегических приоритетов межрегионального сотрудничества с КНР на среднесрочную перспективу; формирование межрегиональных связей на основе комплексного подхода, охватывающего торговое, производственно-технологическое, инвестиционное, научно-образовательное и гуманитарное сотрудничество; выход на региональные рынки КНР посредством дифференцированной политики по выбору партнеров с учетом региональной специализации, уровня конкурентоспособности регионов; развитие региональной системы поддержки межрегионального белорусско-китайского сотрудничества.

Общими приоритетами межрегионального белорусско-китайского экономического сотрудничества в проекте Стратегии определены следующие [1]:

1) обеспечение товарной диверсификации экспорта товаров и услуг на китайские региональные рынки путем: а) расширения номенклатуры некалийного товарного экспорта с учетом таких факторов, как наличие спроса, ценовая конкурентоспособность белорусской продукции, расширение экспортной номенклатуры высокотехнологичной продукции и товаров региональной специализации; б) более полной реализации экспортного потенциала транспортно-логистических, туристических и деловых услуг по обслуживанию внешне-торговых связей с учетом географического положения страны, наличия природно-рекреационных ресурсов;

2) содействие географической диверсификации белорусско-китайских межрегиональных связей с учетом сложившейся специализации провинций КНР, транспортной доступности регионов, их месторасположения по отношению к регионам, уже освоенным белорусскими предприятиями, степени включенности в китайскую инициативу «Пояс и путь», уровня взаимодополняемости экономических структур регионов;

3) усиление региональной специализации и формирование точек роста с учетом имеющегося экспортного потенциала, конкурентных преимуществ и формируемых отраслей международной специализации областей и г. Минска, а также разработка перечня перспективных товарных позиций для поставок в КНР товаров, которые до сих пор не экспортировались;

4) расширение состава участников межрегиональных связей Беларуси и КНР и привлечение к сотрудничеству новых субъектов хозяйствования различных форм собственности, что предполагает увеличение доли субъектов малого и среднего предпринимательства, расширение связей на уровне кластерных структур с участием белорусских субъектов хозяйствования;

5) укрепление побратимских белорусско-китайских связей, расширение культурных контактов на уровне населения регионов, обмен опытом местных органов власти, активизация международных молодежных контактов как фактора «мягкой силы» в углублении межрегионального сотрудничества Беларуси и КНР.

В числе рекомендуемых для применения управленческих инструментов регулирования торговых связей в проекте Стратегии определены

- использование цифровых технологий (электронные площадки, блокчейн, сопряжение систем безналичных расчетов) для продвижения на региональные рынки;
- скоординированная работа в области стандартизации, аккредитации и сертификации новых видов продукции;
- развитие межрегиональных торговых связей на базе технопарковых структур (совместные промышленные и научно-технологические парки);
- расширение видов туристических услуг в регионах Беларуси для граждан Китая (экологический, кулинарный, охотничий, промышленный, медицинский туризм);
- использование потенциала китайской диаспоры в Беларуси и реэмигрантов в КНР в качестве коммуникационного канала выхода на региональные рынки товаров;
- создание условий для роста экспорта высокотехнологичных товаров, выпускаемых резидентами Белорусско-Китайского промышленного парка «Великий камень»;
- разработка специальных программ экспортного кредитования и страхования экспорта, использование новых финансовых продуктов по сопровождению экспорта в Китай (например, лизинга, факторинга, предэкспортного кредитования, проектного финансирования за рубежом).

ПЕРСПЕКТИВЫ РАСШИРЕНИЯ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ НА ПЛАТФОРМЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

Участие Республики Беларусь в региональной интеграции определяет дополнительные условия для увеличения вклада межрегиональных связей в экспортный потенциал страны.

Законодательную основу многоформатного межрегионального взаимодействия составляет, во-первых, Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны, вступившее в силу 25 октября 2019 г. Соглашение ставит всех партнеров в равные условия с точки зрения правил международной торговли, определяет правила установления технических барьеров, применения антидемпинговых, компенсационных и специальных защитных мер, содержит ряд положений и договоренностей, направленных на повышение транспарентности и предсказуемости в совершении таможенных операций, и т.д.

Во-вторых, важным нормативным документом является Дорожная карта сопряжения экономической интеграции в рамках ЕАЭС и инициативы «Пояс и путь», где также определены задачи оптимизации структуры взаимной торговли, прописаны меры по укреплению взаимосвязанности в сферах логистики и транспортной инфраструктуры, по упрощению таможенных процедур, по гармонизации и обеспечению взаимной совместимости правил и норм.

Для Беларуси ключевые интересы в развитии белорусско-китайского межрегионального сотрудничества на платформе региональных объединений заключаются в возможности совместно при участии Евразийской экономической комиссии добиваться более благоприятных условий торговли по отдельным позициям, по которым в настоящее время Китай в целях защиты внутреннего рынка ввел ограничения. Это коснулось таких позиций белорусского экспорта, как удобрения, органические химические соединения, пряжа и ткань, средства наземного транспорта, кроме железнодорожного, пластмассы и др. Предпринятые меры затронули ряд товаров, поставляемых из

КНР в Беларусь (хлорид калия, шерсть стриженная, отдельные принадлежности автомобилей, полиэтилен и др.). Развитие белорусско-российских импортозамещающих производств, реализация научно-технических программ в рамках Союзного государства Беларуси и России могут придать дополнительный импульс формированию и росту взаимной торговли регионов Беларуси и КНР новыми видами инновационной продукции. Интересы Беларуси лежат в области заимствования китайских технологий в сферах, в которых накоплен отечественный научный потенциал для их освоения и развития с целью выхода на мировой рынок [8].

Представляется, что в числе основных драйверов наращивания потенциала межрегионального взаимодействия стран ЕАЭС и КНР можно рассматривать следующие направления [5; 7; 9].

Во-первых, необходимо создание информационно-аналитической базы, которая позволит обеспечить целенаправленное и систематическое отслеживание, сбор, накопление, анализ и оценку статистических данных о состоянии и текущих изменениях во внешнеэкономических стратегиях регионов КНР и стран ЕАЭС, о правовых и организационно-экономических условиях внешнеэкономической деятельности. Одним из сегментов такой информационной базы может рассматриваться интерактивная карта индустриализации стран ЕАЭС.

Во-вторых, для активизации межрегиональных взаимодействий целесообразно максимально использовать потенциал проекта по созданию цифровых логистических коридоров в ЕАЭС. Логистическая цифровая платформа, объединяющая сервисы участников транспортно-логистических организаций, складских сетей, ключевых потребителей транспортно-логистических услуг и других участников товародвижения может стать решающим интегратором торгово-экономического взаимодействия регионов.

В-третьих, формирование на совместной основе торгово-сбытовых альянсов стран – членов региональных объединений с участием наиболее активных экспортеров продукции на региональные рынки КНР следует рассматривать как действенный инструмент наращивания взаимной торговли регионов.

В-четвертых, необходимо разработать совместный план действий, прежде всего для Беларуси и России, определяющий стратегию включения отдельных территорий в межрегиональные взаимодействия с Китаем. В первую очередь такими территориями должны стать мегаполисы и крупные агломерации, инновационные зоны, промышленные парки, территории опережающего развития, научные и образовательные центры стран – членов ЕАЭС, территории, находящиеся в зоне влияния трансевропейских и трансатлантических транспортных коридоров, а также территории вдоль транспортных магистралей международного значения, проходящих через страны ЕАЭС и КНР, в том числе в зоне инициативы «Пояс и путь», и приграничные зоны. На указанных территориях целесообразно введение дополнительных информационно-организационных и финансовых мер поддержки межрегиональных связей [6].

В-пятых, как усиление политического доверия к Беларуси в условиях санкционной политики коллективного Запада можно оценивать присоединение страны к Шанхайской организации сотрудничества, что станет дополнительным стимулом для повышения уровня белорусско-китайского торгового взаимодействия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, восточный вектор внешнеэкономической стратегии Республики Беларусь в виде расширения и укрепления межрегиональных связей с провинциями Китая и российскими регионами, в том числе в аспекте региональной интеграции, является в современных условиях санкционного давления и нестабильности внешнеэкономической конъюнктуры одним из ключевых резервов наращивания экспортного потенциала Беларуси и усиления белорусского присутствия на международных товарных рынках.

В целях совершенствования механизма внешнеэкономической политики в указанных направлениях требуется, по мнению авторов, чтобы как минимум были реализованы следующие подходы:

- укрепление институциональной основы межрегионального и приграничного сотрудничества Беларуси и России в рамках Союзного государства и развитие институтов правового обеспечения, расширения полномочий органов управления Союзным государством Беларуси и России, органов местного самоуправления, координации и развития интеграционной среды;
- принятие и реализация разработанного проекта Стратегии развития межрегионального сотрудничества Республики Беларусь и Китайской Народной Республики, согласно которому драйверами межрегиональных связей должны стать региональная специализация областей Беларуси и формирование точек экономического роста на кластерной основе в целях повышения конкурентоспособности белорусского экспорта на региональных рынках Китая, применение инновационных подходов к управленческим инструментам;
- разработка плана действий и создание информационной и организационной основы для многоформатного сотрудничества регионов Беларуси, России и Китая на платформе ЕАЭС, в том числе формирование информационно-аналитической базы данных о состоянии внешнеэкономических стратегий регионов КНР и стран ЕАЭС и их текущих изменениях, использование потенциала проекта цифровых логистических коридоров в ЕАЭС, формирование торгово-сбытовых альянсов, разработка совместного плана действий по включению мегаполисов и агломераций, инновационных зон, промышленных парков, приграничных территорий в межрегиональные взаимодействия.

Список источников

1. *Вертинская Т.С.* Приоритеты развития межрегиональных торгово-экономических связей Беларуси и Китая // Три десятилетия белорусско-китайских отношений и создание сообщества единой судьбы человечества: Мат. Междунар. науч.-практ. конф., 12 января 2022 г. / Под ред. проф. А.А. Тозика. – Минск: Восточная культура, 2022. – С. 147–156.

2. *Вертинская Т.С.* Теоретические и практические основы экономической интеграции регионов стран – членов ЕАЭС: на примере участия Республики Беларусь. – Минск: Беларуская навука, 2018. – 372 с.

3. *Вертинская Т.С.* Формы и инструменты развития межрегиональных и приграничных связей Республики Беларусь со странами ЕАЭС // *Белорусская социально-экономическая модель: теория и практика* / Под науч. ред. В.Г. Гусакова. – Минск: Беларуская навука, 2022. – С. 263–274.

4. *Межрегиональные связи Беларуси и Китая: состояние, проблемы и перспективы развития* / Вертинская Т.С., Примшиц Д.В., Коледа О.А. и др. – Минск: Беларуская навука, 2020. – 323 с.

5. *О российско-китайском межрегиональном и приграничном сотрудничестве* (справочная информация). 17.09.2007. – URL: <https://www.mid.ru/print/?id=1748266&lang=ru> (дата обращения: 15.03.2022).

6. *План совместного развития Республики Беларусь и Китайской Народной Республики на основе сопряжения стратегических программ двух стран на средние и долгосрочный периоды.* – URL: https://sov.minsk.gov.by/docs/sotrudnichestvo-s-knr/plan_sovmestnogo_gazvitiya.pdf (дата обращения: 23.10.2021).

7. *Синь Жань.* Российско-китайское приграничное и межрегиональное сотрудничество на современном этапе (2001–2011 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – М., 2014. – URL: https://mgimo.ru/upload/2021/04/sinjan_disser.pdf (дата обращения: 15.09.2021).

8. *Торгово-экономическое сотрудничество Беларуси и Китая в условиях усиления протекционизма в мировой экономике* / Береснев Д.В., Якубук Ю.П., Абрамчук Н.А. и др.; науч. ред. В.И. Бельский. – Минск: Беларуская навука, 2020. – 262 с.

9. *Экономические аспекты инициативы «Один пояс, один путь»: Возможности и риски транспортных коридоров.* Всемирный банк. – URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/topic/regional-integration/publication/belt-and-road-economics-opportunities-and-risks-of-transport-corridors> (дата обращения: 30.11.2020).

Информация об авторах

Вертинская Татьяна Сергеевна (Республика Беларусь, Минск) – доктор экономических наук, доцент, руководитель Центра мировой экономики Института экономики НАН Беларуси (Республика Беларусь, 220072, Минск, ул. Сурганова, 1, корп. 2). E-mail: vertinskaya.tanya@gmail.com.

Абрамчук Нина Александровна (Республика Беларусь, Минск) – заведующий сектором внешней торговли Института экономики НАН Беларуси (Республика Беларусь, 220072, Минск, ул. Сурганова, 1, корп. 2). E-mail: nina_abramchuk@mail.ru.

DOI: 10.15372/REG20220408

Region: Economics & Sociology, 2022, No. 4 (116), p. 190–218

T.S. Vertinskaya, N.A. Abramchuk

**PROSPECTS FOR INTERREGIONAL TRADE RELATIONS
BETWEEN BELARUS, RUSSIA, AND CHINA
IN THE CONTEXT OF REGIONAL INTEGRATION**

The article presents an analysis of the state and trends in the development of interregional relations of the Republic of Belarus with the regions of the Russian Federation and China. It elaborates proposals on how to form an institutional framework for deepening interregional interactions within the Union State of Belarus and Russia, which includes establishing legal support institutions, expanding the powers of the Union State of Belarus and Russia's governing bodies, local self-government, coordination, and developing integration environment. The article highlights the main provisions of the draft Strategy for the Development of Interregional Cooperation Between Belarus and the People's Republic of China that contains recommendations for increasing the positions of non-potash commodity exports, taking into account such factors as the demand, price competitiveness of Belarusian products, expanding the export positions of high-tech products and goods of regional specialization, partnering with SMEs, cluster structures, etc. The format of regional associations has been defined as a practically untapped reserve for the growth of interregional relations between Belarus, Russia, and China. The main drivers that build up the capacity for interregional cooperation in the context of regional integration are considered to be as follows: creating an information and analytical database on the status of and current changes in the foreign economic strategies of the regions of China and the EAEU countries; using the potential of the digital logistics corridors project in the EAEU; establishing trade and marketing alliances; working out a joint action plan to include megalopolises and agglomerations, innovation zones, industrial parks, and border areas in interregional interactions.

Keywords: Eurasian Economic Union (EAEU); institutions; interregional trade relations; region; Union State of Belarus and Russia; strategy for interregional cooperation between Belarus and China; export of goods

For citation: *Vertinskaya, T.S. & N.A. Abramchuk. (2022). Perspektivy razvitiya mezhregionalnykh torgovykh svyazey Belarusi, Rossii i Kitaya v usloviyakh regionalnoy integratsii* [Prospects for interregional trade relations between Belarus, Russia, and China in the context of regional integration]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 4 (116), 190–218. DOI: 10.15372/REG20220408.

References

1. *Vertinskaya, T.S. (2022). Priority razvitiya mezhregionalnykh torgovo-ekonomicheskikh svyazey Belarusi i Kitaya* [Priorities for the development of interregional trade and economic relations between Belarus and China]. In: A.A. Tozik (Ed.). *Tri desyatiletiya belorussko-kitayskikh otnosheniy i sozдание soobshchestva edinoi sudby chelovechestva: Mat. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., 12 yanvarya 2022 g.* [Three Decades of Belarusian-Chinese Relations and Creation of Community of Common Destiny for All Mankind: Proceedings of the international science to practice conference, January 12, 2022]. Minsk: Vostochnaya kultura Publ., 147–156.
2. *Vertinskaya, T.S. (2018). Teoreticheskie i prakticheskie osnovy ekonomicheskoy integratsii regionov stran – chlenov EAES: na primere uchastiya Respubliki Belarus* [Theoretical and Practical Foundations of the Economic Integration of the Regions of the EAEU Member Countries: on the Example of the Participation of the Republic of Belarus]. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 372.
3. *Vertinskaya, T.S. (2022). Formy i instrumenty razvitiya mezhregionalnykh i prigranichnykh svyazey Respubliki Belarus so stranami EAES* [Development forms and tools of interregional and cross-border relations of the Republic of Belarus with the EEU countries]. In: V.G. Gusakov (Ed.). *Belorusskaya sotsialno-ekonomicheskaya model: teoriya i praktika* [The Belarusian Socio-Economic Model: Theory and Practice]. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 263–274.
4. *Vertinskaya, T.S., D.V. Primshits, O.A. Koleda et al. (2020). Mezhhregionalnye svyazi Belarusi i Kitaya: sostoyanie, problemy i perspektivy razvitiya* [Interregional Relations of Belarus and China: status, problems and prospects of development]. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 323.
5. *O rossiysko-kitayskom mezhhregionalnom i prigranichnom sotrudnichestve (spravochnaya informatsiya)* [On Russian-Chinese Interregional and Cross-Border Cooperation (background information)]. 17.09.2007. Available at: <https://www.mid.ru/print/?id=1748266&lang=ru> (date of access: 15.03.2022).
6. *Plan sovmestnogo razvitiya Respubliki Belarus i Kitayskoy Narodnoy Respubliki na osnove sopryazheniya strategicheskikh programm dvukh stran na sredne- i dolgosrochnyy periody* [Plan of Joint Development of the Republic of Belarus and the

People's Republic of China on the Basis of Linking Strategic Programs of the Two Countries for the Mid- and Long-Term]. Available at: https://sov.minsk.gov.by/docs/sotrudnichestvo-s-krn/plan_sovmestnogo_razvitiya.pdf (date of access: 23.10.2021).

7. *Xin Zhang*. (2014). Rossiysko-kitayskoe prigranichnoe i mezhhregionalnoe sotrudnichestvo na sovremennom etape (2001–2011 gg.): Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. [Russian-Chinese Cross-Border and Interregional Cooperation at the Present Stage (2001–2011). Author's abstract for the Candidate of History Thesis]. Moscow. Available at: https://mgimo.ru/upload/2021/04/sinjan_disser.pdf (date of access: 15.09.2021).

8. *Beresnev, D.V., Yu.P. Yakubuk, N.A. Abramchuk et al.; V.I. Belskiy* (Ed.). (2020). Torgovo-ekonomicheskoe sotrudnichestvo Belarusi i Kitaya v usloviyakh usileniya protseksionizma v mirovoy ekonomike [Trade and Economic Cooperation between Belarus and China in the Context of Increasing Protectionism in the World Economy]. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 262.

9. *Ekonomicheskie aspekty initsiativy "Odin poyas, odin put": Vozmozhnosti i riski transportnykh koridorov* [Economic Aspects of Belt and Road Initiative: Opportunities and Risks of Transport Corridors]. Available at: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/topic/regional-integration/publication/belt-and-road-economics-opportunities-and-risks-of-transport-corridors> (date of access: 30.11.2020).

Information about the authors

Vertinskaya, Tatyana Sergeevna (Minsk, Belarus) – Doctor of Sciences (Economics), Docent, Head of the Center for World Economy, Institute of Economics, National Academy of Sciences of Belarus (bld. 2, 1, Surganov st., Minsk, 220072, Republic of Belarus). E-mail: vertinskaya.tanya@gmail.com.

Abramchuk, Nina Aleksandrovna (Minsk, Belarus) – Head of the Foreign Trade Sector, Institute of Economics, National Academy of Sciences of Belarus (bld. 2, 1, Surganov st., Minsk, 220072, Republic of Belarus). E-mail: nina_abramchuk@mail.ru.

Поступила в редколлегию 01.08.2022.

После доработки 08.08.2022.

Принята к публикации 12.08.2022.

© Вертинская Т.С., Абрамчук Н.А., 2022

УДК 338.22

Регион: экономика и социология, 2022, № 4 (116), с. 219–243

Ю.А. Фридман, Е.Ю. Логинова, Г.Н. Речко, О.И. Хохрина

КОНЦЕПЦИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ КУЗБАССА В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ ДЕКАРБОНИЗАЦИИ

Трансформация экономики Кузбасса (Кемеровской области) в документах стратегического планирования региона десятилетиями преподносится как важнейший инструмент ускоренного развития. Авторы статьи доказывают, что, к сожалению, в течение последних 20 лет практически никаких качественных изменений в кузбасской экономике не произошло, и называют причины такой ситуации.

В настоящее время перед Кузбассом стоит непростая задача выбора модели развития на долгосрочную перспективу. С одной стороны, несмотря на существующие внутренние вызовы и риски, власть нацеливает бизнес и общество на ускоренное развитие, полагаясь в первую очередь на возможности роста угледобычи и развития малого и среднего предпринимательства. С другой стороны, в Кузбассе постепенно накапливается критическая масса обстоятельств субъективного и объективного характера, которые уже в среднесрочной перспективе могут коренным образом изменить ситуацию, и трансформация экономики будет единственно возможной моделью развития. Основная проблема – это перспектива вытеснения угля из мировой экономики под давлением тренда на декарбонизацию.

В России отсутствует общепризнанный системный подход к вопросу структурного переустройства углепромышленных регионов в условиях политики декарбонизации. Авторы статьи, изучив актуальные мировые практики, предлагают оригинальную концепцию преобразования экономики Кузбасса на базе принципов «справедливой трансформации»

(Just Transition), которые использует Европейский союз. Обязательным условием ее успешной реализации должен стать диалог власти, бизнеса и общества в процессе выработки и согласования коридоров будущего развития региона.

Ключевые слова: Кузбасс; углепромышленная территория; структурная политика; конкурентные преимущества; декарбонизация экономики; справедливая трансформация

Для цитирования: Фридман Ю.А., Логинова Е.Ю., Речко Г.Н., Хохрина О.И. Концепция трансформации социально-экономической системы Кузбасса в контексте политики декарбонизации // Регион: экономика и социология. – 2022. – № 4 (116). – С. 219–243. DOI: 10.15372/REG20220409.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Кузбасс (Кемеровская область) – крупнейшая в Азиатской России углепромышленная территория. Удельный вес угледобычи в ее валовом региональном продукте (ВРП) составляет треть, в основных фондах – более 40%, в инвестициях в основной капитал – свыше половины, в экспорте – около 75%, а «угольные налоги» формируют до 40% доходов консолидированного бюджета Кемеровской области. Вместе с тем модель «уголь кормит Кузбасс», которую с начала 2000-х годов исповедуют владельцы угольных активов и активно лоббируют в федеральном центре власти Кемеровской области, не принесла региону ощутимых дивидендов (табл. 1).

Анализ динамики основных социально-экономических показателей позволяет увидеть, что в минувшее десятилетие приростная динамика ВРП Кемеровской области и реальных денежных доходов населения отрицательная, практически не растут инвестиции. Регион является самым большим в России «генератором отходов»¹. По оценке специалистов [5], здесь сконцентрирована половина промышленных

¹ См.: Сивохина А. Глава Росприроднадзора назвала Кузбасс самым большим «генератором отходов» // Информационный портал «Кузбасс». 07.10.2021. – URL: <https://kuzbass85.ru/2021/10/07/glava-rosprirrodnadzora-nazvala-kuzbass-samym-bolshim-generatorom-othodov/>.

Таблица 1

Динамика основных индикаторов развития Кемеровской области

Индикатор	2005	2010	2015	2020
Валовой региональный продукт, в постоянных ценах, %:				
к уровню 2000 г. (= 100%)	129,9	144,9	137,8	133,9
прирост за предыдущие 5 лет	29,9	15,0	-7,1	-3,9
Промышленное производство, в постоянных ценах, %:				
к уровню 2000 г. (= 100%)	120,1	130,6	144,6	154,9
прирост за предыдущие 5 лет	20,1	10,5	14,0	10,3
Сельскохозяйственное производство, в сопоставимых ценах, %:				
к уровню 2000 г. (= 100%)	95,5	111,5	106,9	110,7
прирост за предыдущие 5 лет	-4,5	16,0	-4,6	3,7
Инвестиции в основной капитал, в сопоставимых ценах, %:				
к уровню 2000 г. (= 100%)	274,4	335,6	252,3	277,7
прирост за предыдущие 5 лет	174,4	61,2	-83,3	25,4
Оборот розничной торговли, в сопоставимых ценах, %:				
к уровню 2000 г. (= 100%)	213,3	261,6	226,6	217,2
прирост за предыдущие 5 лет	113,3	48,3	-35,0	-9,4
Платные услуги населению, в сопоставимых ценах, %:				
к уровню 2000 г. (= 100%)	116,4	140,1	154,1	149,7
прирост за предыдущие 5 лет	16,4	23,7	14,0	-4,4
Реальные денежные доходы населения, %:				
к уровню 2000 г. (= 100%)	169,9	208,9	194,9	178,8
прирост за предыдущие 5 лет	69,9	39,0	-14,0	-16,1

Окончание табл. 1

Индикатор	2005	2010	2015	2020
Реальная начисленная заработная плата работников организаций, %:				
к уровню 2000 г. (= 100%)	183,1	245,6	253,1	316,2
прирост за предыдущие 5 лет	83,1	62,5	7,5	63,1
Численность занятых, приходящихся на одного пенсионера, в среднем за год, чел.	1,61	1,55	1,43	1,36
Уровень бедности (доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного уровня), %	12,8	11,0	15,7	13,2
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	61,43	65,42	68,31	68,51
Коэффициент естественного прироста населения, на 1000 чел.	–8,0	–3,0	–2,0	–7,7
Коэффициент миграционного прироста населения, на 10 тыс. чел.	–17	–13	–7	–15
Численность населения, на конец года, тыс. чел.	2 805,9	2 761,3	2 717,6	2 633,4

Источник: данные Росстата и расчеты авторов по ним.

отходов РФ, из которых 98% – это отходы угледобывающих и рудодобывающих предприятий. На каждого жителя Кузбасса приходится в среднем около 500 кг угольных отвалов. Площадь техногенных ландшафтов в регионе в 10 раз превышает среднероссийские показатели: 0,7% площади против 0,07%. В Кузбассе на фоне роста добычи угля за минувшие 10 лет на треть снизился уровень жизни, отмечается сокращение внутреннего потребительского рынка (отрицательный прирост розничной торговли и платных услуг населению). Более того, снижение реальных доходов населения в Кемеровской области происходит интенсивнее, чем в соседних регионах (рис. 1), что в совокупности с плохой экологической ситуацией приводит к нарастанию оттока населения. В результате за 15 последних лет Кузбасс «потерял» город с населением около 200 тыс. чел.

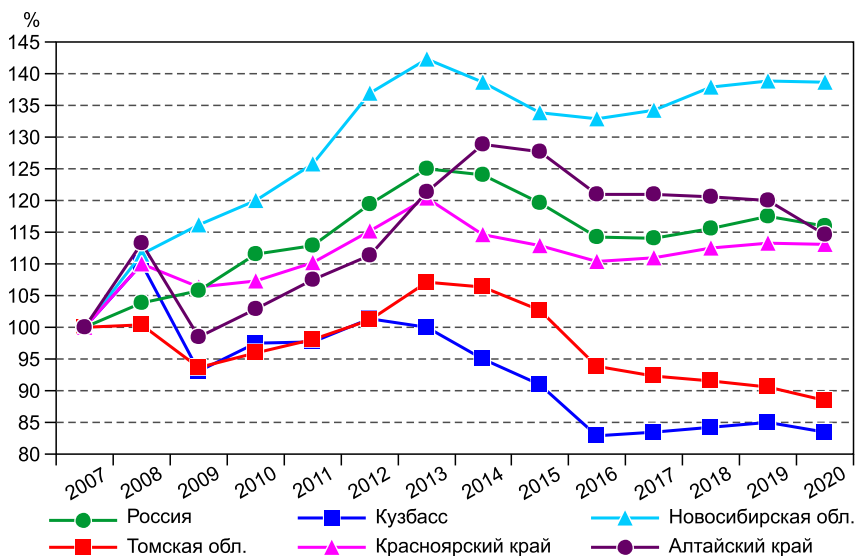

Рис. 1. Динамика реальных денежных доходов населения в России, Кемеровской области – Кузбассе и соседних с ним регионах (2007 г. = 100%) в 2007–2020 гг.

Примечание: в качестве базового года взят 2007 г. – период разработки Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области до 2025 г. (URL: <http://docs.cntd.ru/document/990308346>) и канун наилучшего года в новейшей экономической истории Кузбасса, когда впервые и единожды ВРП, произведенный в регионе, превзошел уровень 1991 г. (102%), а реальные денежные доходы населения достигали максимальной отметки по отношению к уровню 1991 г.

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата

В Рейтинге регионов по качеству жизни за 2021 г. Кемеровская область заняла 61-е место среди 85 субъектов Федерации², что стало для нее худшим показателем за 10 последних лет. В рейтинге «Лучшие регионы для жизни» за 2021 г. Кузбасс расположился на 63-м месте³.

² См.: *Рейтинг регионов по качеству жизни – 2021* // РИА Рейтинг. 15.02.2022. – URL: <https://riarating.ru/infografika/20220215/630216951.html>.

³ См.: *Лучшие регионы для жизни. Рейтинг РБК* // РБК. 26.04.2021. – URL: <https://www.rbc.ru/economics/26/04/2021/6078136e9a7947d0e9e1b1fb>.

В настоящее время перед регионом стоит непростая задача выбора модели развития на долгосрочную перспективу. С одной стороны, несмотря на существующие внутренние вызовы и риски, власть нацеливает бизнес и общество на ускоренное развитие, полагаясь на возможности в первую очередь угольного бизнеса и дифференциацию экономики за счет увеличения доли малого и среднего предпринимательства. С другой стороны, ускоренное развитие может оказаться под угрозой из-за попадания угольного бизнеса в зону мощных внешних шоков.

Одним из таких шоков является мировая климатическая повестка, согласно которой развитие экономики должно быть нацелено на сокращение выбросов парниковых газов за счет отказа от добычи и использования углеводородов, в первую очередь угля как наиболее «грязного» среди ископаемых видов топлива, и перехода на применение возобновляемых источников энергии. Российские эксперты, и прежде всего руководители крупного угольного бизнеса, занимают особую позицию в оценках стратегии достижения в мире углеродной нейтральности. Они считают политику резкого отказа от угля ошибочной и выдвигают гипотезу роста потребления угля на мировых, особенно азиатских, рынках минимум в течение ближайших 10–15 лет. Затем, как ожидается, последует примерно 10-летний период снижения спроса на уголь, причем сначала произойдет отказ от использования углей низкого качества. И только тогда регионы, которые сегодня добывают такие угли, будут вынуждены закрывать угольные предприятия и проводить перестройку экономики.

В результате, даже с учетом особого мнения российских экспертов, у таких крупных углепромышленных территорий, как Кузбасс, на рубеже 2030–2035 гг. возникнут проблемы с возможностью дальнейшего «роста на угле», и структурная перестройка экономики, по сути, останется единственным инструментом развития.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Зарубежный и российский опыт показывает [1; 2; 7; 9]: трансформация углепромышленных территорий – длительный и чрезвычайно затратный процесс, требующий совместных усилий власти, бизнеса

и общества. А фактор борьбы с изменением климата способен заметно увеличить скорость структурных преобразований в угольных регионах.

В рамках настоящего исследования предпринята попытка сформулировать концепцию трансформации экономики главной углепромышленной территории России – Кузбасса с использованием принципов «справедливой трансформации» (или «справедливого перехода», Just Transition). Термин «Just Transition» получил известность относительно недавно, в начале XXI в., хотя практики, которые он объединяет, применялись, например, в ряде европейских стран, прежде всего в Германии, и в середине XX в. Единого подхода к определению справедливой трансформации пока не существует. В обобщенном виде ее можно трактовать как *переход с минимальными социальными издержками к устойчивым, климатически нейтральным системам*. Таким образом, справедливая трансформация направлена на достижение «целей экологической устойчивости, социальной справедливости и экономического процветания» [8, p. 11].

В 2015 г. Международная организация труда опубликовала документ «Руководящие принципы справедливого перехода к экологически устойчивой экономике и обществу для всех»⁴. В нем подчеркивается важность интеграции принципов справедливой трансформации в методы достижения целей в области устойчивого развития, которые разработаны ООН⁵. В 2018 г. на 24-й сессии Конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата (COP24), проходившей в Польше, несколько десятков стран подписали Силезскую декларацию о солидарности и справедливом переходе⁶, что было продиктовано стремлением смягчить процесс трансформации

⁴ См.: *Guidelines for a just transition towards environmentally sustainable economies and societies for all* // International Labour Organization website. – URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_emp/---emp_ent/documents/publication/wcms_432859.pdf.

⁵ См.: *Цели в области устойчивого развития* // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. – URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/>.

⁶ См.: *Solidarity and Just Transition Silesia Declaration*. 2018 // IndustriALL Global Union website. – URL: https://www.industriall-union.org/sites/default/files/uploads/documents/2018/POLAND/COP24/solidarity_and_just_transition_silesia_declaration.pdf.

угольных регионов в условиях перехода к низкоуглеродной экономике. В 2021 г. на COP26 в Великобритании 14 стран и Еврокомиссия приняли Декларацию о справедливом переходе⁷. Сейчас именно Европейский союз активно продвигает принципы справедливой трансформации, подчеркивая, что «механизм справедливой трансформации является ключевым инструментом для обеспечения того, чтобы переход к климатически нейтральной экономике происходил справедливым образом, никого не оставляя позади»⁸.

Таким образом, проблемы глубокой трансформации углепромышленной территории следует рассматривать на базе знаний об эволюции ее развития в парадигме устойчивого роста, руководствуясь следующими основными принципами.

1. Структурные преобразования – процесс непрерывный.
2. Управляемый структурный переход всегда эффективнее неуправляемого.
3. Чем раньше начинается управляемая стадия структурного перехода, тем выше его эффективность.
4. Управляемый структурный переход – это не только необходимость, но и уникальное окно возможностей для социально-экономической системы региона.
5. Планирование будущего без понимания и оценки прошлого обречено на неудачу. В Кузбассе с добычей угля связано несколько поколений людей, которые внесли огромный вклад в развитие региона. Структурная политика – это не только и не столько про экономику, сколько про людей. Поэтому необходимо учесть максимально возможное количество рисков, могущих возникнуть у работников угольных предприятий и их семей в случае прекращения добычи угля в Кемеровской области.

⁷ См.: Участники COP26 приняли Декларацию о Справедливом переходе // IndustriALL Global Union website. – URL: <https://www.industrialall-union.org/ru/uchastniki-cop26-prinyali-deklaraciyu-o-spravedlivom-perehode> .

⁸ *The Just Transition Mechanism: making sure no one is left behind* // European Commission website. – URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/european-green-deal/finance-and-green-deal/just-transition-mechanism_en .

6. Все, даже относительно небольшие, угольные кластеры в Кузбассе имеют свою специфику, они различаются уровнем развития экономики, инфраструктуры, культуры, потенциалом знаний, что требует индивидуального подхода к выработке решений для их трансформации.

Использование этих принципов позволит сформулировать работоспособную концепцию переустройства экономики углепромышленных территорий.

ДИВЕРСИФИКАЦИЯ ЭКОНОМИКИ КУЗБАССА: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Диверсификация экономики Кузбасса во всех документах по стратегическому планированию и развитию региона десятилетиями преподносится как важнейший инструмент ускоренного развития. В таблице 2 представлена структура ВРП, произведенного в Кемеровской области, которая наглядно показывает, что никаких качественных изменений в течение двух последних десятилетий не случилось. Сейчас можно услышать, что за три года (2018–2020 гг.) в Кузбассе произошли некие «тектонические» сдвиги в структуре экономики: снижается зависимость от угля, реализуются крупные инвестиционные проекты в отраслях химии и нефтехимии, развивается промышленная и транспортная инфраструктура. К сожалению, это очередной миф. На самом деле структурные изменения в 2019–2020 гг. – это главным образом следствие колебаний конъюнктуры мировых рынков: в 2019 г. цены на основные кузбасские экспортные продукты (уголь и металл) находились на минимуме, а в 2020 г. сырьевые рынки просели из-за пандемии коронавируса, вызвав подвижки в структуре ВРП. По нашей оценке, структура ВРП в 2021 г. вернулась на уровень 2018 г.

Проведенные нами исследования [4] показывают, что основными причинами торможения процессов структурной перестройки экономики Кемеровской области – Кузбасса являются:

Таблица 2

Структура ВРП, произведенного в Кемеровской области, %

Сектор экономики (вид экономической деятельности)	2005	2010	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Промышленность, всего	50,1	51,1	48,4	51,2	56,4	55,2	45,5	40,8
<i>В том числе добыча угля</i>	25,9	30,5	24,9	28,8	35,4	35,6	25,8	18,5
Агропродовольственный комплекс	4,2	4,9	5,6	5,1	3,9	3,4	4,1	5,2
Строительный комплекс	6,2	5,2	4,7	4,6	4,0	4,1	6,2	6,4
Научные исследования и разработки	0,1	0,2	0,2	0,3	0,3	0,3	0,4	0,4
Образование	3,0	2,8	3,5	3,5	3,0	3,0	3,6	4,1
Здравоохранение	3,8	4,1	5,0	4,8	4,2	4,4	5,4	6,4
Деятельность в сфере телекоммуникаций, ИТ и ВТ	0,1	0,2	0,4	0,4	1,2	1,0	1,3	1,4
Транспорт и связь	9,4	8,0	8,9	7,6	6,3	6,2	7,1	7,1
Оптовая и розничная торговля	13,8	12,3	9,8	9,7	9,1	8,6	9,9	10,3
Гостиницы и рестораны	1,0	0,7	0,1	0,9	0,8	0,7	0,9	0,7
Культура, спорт, организация досуга и развлечений	0,5	0,4	0,5	0,6	0,7
Прочие	12,8	16,0	18,2	14,8	13,0	14,6	17,5	19,3

Источник: рассчитано авторами по утвержденным данным Кемеровостата.

1) многолетнее позиционирование и восприятие Кемеровской области как «столицы черного золота», сложившегося и достаточно успешного угольного кластера;

2) сильное угольное лобби, которое продвигает парадигму экономической и социальной значимости роста добычи угля: долгие годы уголь «кормит регион», и если у угольной отрасли проблемы, то надо спасать угольный бизнес, а не перестраивать региональную экономику;

3) слабая связь между развитием угольной отрасли и территории. Угольные компании не заинтересованы в росте локализации, в развитии науки и образования, а власть и общество не имеют экономических рычагов влияния на частный бизнес;

4) отсутствие ощутимых результатов в деле купирования точек уязвимости Кузбасса (экология, уровень жизни, транспортная логистика);

5) низкая конкурентоспособность региона для привлечения и развития отраслей новой экономики и, как следствие, инвестиционный штиль;

6) отсутствие реальной кооперации Кемеровской области с соседними регионами.

Между тем в Кузбассе постепенно накапливается критическая масса обстоятельств субъективного и объективного характера, которые уже в среднесрочной перспективе могут поменять коренным образом ситуацию в структурной политике. В подтверждение этой гипотезы приведем несколько аргументов.

Во-первых, государство выделило более 50 млрд руб. на период до 2024 г. на решение важных инфраструктурных проблем Кузбасса, стимулируя рост инвестиций в неугольные отрасли⁹.

Во-вторых, в Кемеровской области получила поддержку идея о необходимости снижения зависимости от добычи угля¹⁰. И хотя предложенные в 2020 г. ориентиры развития угледобычи на перспективу до 2035 г. до сих пор не пересмотрены, власть и экспертное сообщество активизировали дискуссии по стратегии развития Кузбасса «без угля». Триггером этих процессов выступают снижение потребления угля внутри России и падение продаж кузбасского угля на экспорт из-за санкционной политики Евросоюза. С 2000 по 2019 г.

⁹ См.: *Программа социально-экономического развития Кемеровской области – Кузбасса до 2024 года* (утв. Распоряжением Правительства РФ от 6 марта 2021 г. № 556-п). – URL: <http://static.government.ru/media/files/JdaK3JTUTv5pCKcPuG4ttgPRv6lnaxuU.pdf>.

¹⁰ См.: Фридман Ю.А., Логинова Е.Ю., Речко Г.Н., Хохрина О.И. Кузбасс как углепромышленная территория: опыт трансформации и оценка коридоров развития // ЭКО. – 2022. – № 5. – С. 88–110. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-5-88-110.

поставки российского угля на внутренний рынок сократились на 13% – до 181,3 млн т в год¹¹, и, по оценке экспертов, тренд на снижение угольной генерации в структуре топливно-энергетического баланса сохранится. В августе 2022 г. начало действовать эмбарго на поставки угля из России в страны Евросоюза, но уже в первом квартале текущего года Кузбасс стал терять на этом направлении рынка сбыта угля¹².

В-третьих, обостряется конкуренция среди регионов РФ за рынки сбыта в результате развития новых центров угледобычи в Азиатской России (в частности, в Новосибирской области, республиках Хакасия, Тыва и Якутия, Забайкальском и Хабаровском краях, Амурской области), где находятся значительные запасы высококалорийных углей, часть из которых (в том числе коксующийся уголь) доступна для отработки открытым способом, а близость месторождений регионов Восточной Сибири и российского Дальнего Востока к перспективному рынку Азиатско-Тихоокеанского региона становится дополнительным конкурентным преимуществом этих угольных центров.

В-четвертых, в последние годы власти Кемеровской области регулярно сталкиваются с проблемами банкротства угольных предприятий и невыплатами заработной платы.

В-пятых, рост добычи угля в Кузбассе по-прежнему сопровождается крупными авариями и гибелью большого числа шахтеров, а также возрастанием социальной напряженности в регионе.

Между тем современная экономическая модель управления Кемеровской областью (рис. 2) включает в себя далеко не все необходимые для реализации политики трансформации инструменты и институты. Наши исследования зарубежного опыта свидетельствуют [8], что провести глубокую реструктуризацию социально-экономической системы, когда требуются крупные инвестиции, ключевые технологии еще находятся в незрелом состоянии, а инфраструктура нуждается в до-

¹¹ См.: *На сломе* трендов: какое будущее ждет российский угольный экспорт. – РвС, 2020. – С. 10.

¹² См.: *Зайнуллин Е.* Уголь загоняют в Россию // *Коммерсантъ*. – 19.04.2022. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5317031>.

Рис. 2. Фрагмент модели социально-экономического развития Кузбасса

полнительном развитии, нельзя без создания специальных институтов, которые взяли бы на себя такие функции, как

- актуализация Стратегии социально-экономического развития Кузбасса и ее настройка под меняющиеся внешние и внутренние условия;
- имплементация актуализированной стратегии развития региона в промышленную, инновационную, экологическую и социальную политику;
- разработка и актуализация региональных стандартов (экологического, углеродной нейтральности, социального);
- организация технологического, экологического и социального аудита территории;
- проведение комплексной оценки конкурентоспособности Кемеровской области (природно-ресурсных, экологических, социально-демографических, инновационно-производственных, инфраструктурных и институциональных факторов);

- оценка места и роли Кузбасса на макроуровне – в контексте развития Сибири и России в целом, в том числе определение мощности существующих межотраслевых и межрегиональных взаимодействий;
- анализ инвестиционных проектов с точки зрения их социально-экономической эффективности для Кемеровской области и включенности в контекст региональных стратегий и межрегиональных инициатив с целью выделения не более трех-пяти стратегических приоритетов;
- поиск синергии развития Кузбасса в экономических стратегиях соседних регионов;
- управление локализацией;
- формирование системы планирования, финансирования и управления процессами трансформации.

Таким образом, для реализации парадигмы структурной перестройки необходимо, во-первых, объявить трансформацию экономики важнейшим приоритетом и, во-вторых, разработать и принять концепцию трансформации и дорожную карту.

КОНЦЕПЦИЯ ГЛУБОКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ УГЛЕПРОМЫШЛЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ

В качестве одного из вариантов предлагаем разработанную нами концепцию структурной перестройки в Кузбассе, базирующуюся на принципах справедливой трансформации. Она учитывает тренды развития мировой экономики и стратегические ориентиры российской экономики, особенности социально-экономической ситуации в регионе, что в совокупности определяет содержательное наполнение ее ключевых блоков (рис. 3).

Угольный блок. Обязательное условие структурной трансформации кузбасской экономики – реструктуризация базовой, угольной, отрасли. В период 1990–2000 гг. Россия уже реализовывала программу реструктуризации угольной отрасли. Ее главными целями были ликвидация убыточных предприятий и вывод отрасли на самоокупаемость, и их удалось достичь. Вместе с тем эта реструктуризация привела к ухудшению социально-экономического положения

Рис. 3. Ключевые блоки концепции трансформации социально-экономической системы Кузбасса

угледобывающих территорий, в том числе и Кемеровской области. Главная цель новой программы реструктуризации – адаптация угольной отрасли к новым условиям развития мировой экономики (технологический прогресс, углеродная нейтральность, климатические ограничения), что, в свою очередь, будет частью процесса трансформации российской угольной отрасли в целом [6].

Отправным пунктом реструктуризации должен стать отказ государства от прямой и косвенной поддержки угольной отрасли, что позволит выявить момент равновесия между ростом затрат на ее поддержание и конкурентоспособностью (в условиях отмены льготных тарифов на транспортировку, ужесточения экологической политики и т.п.) и найти для Кузбасса «точку отсечения угля» в процессе декарбонизации экономики.

Следующим шагом станет аудит угольных предприятий и выделение тех, которые способны в переходный период привести свою деятельность в соответствие с изменяющимися запросами глобального угольного рынка, критериями декарбонизации и повышения

промышленной безопасности. Для остальных важно предусмотреть процедуру ликвидации с возможностью компенсации затрат владельцев из средств федерального бюджета.

На начало 2022 г., по информации министерства угольной промышленности Кузбасса, в регионе работало 152 угледобывающих и перерабатывающих предприятия (среди них 39 шахт, 57 разрезов, 56 обогатительных фабрик и установок), насчитывалось 290 действующих лицензий на добычу угля (с проектной мощностью до 325 млн т угля в год)¹³. Можно предположить, что необходимыми ресурсами, в том числе финансовыми, для адаптации к актуальным отраслевым вызовам располагают не более трети из этих предприятий. Причем явным преимуществом обладают те, что входят в вертикально интегрированные компании энергетической или металлургической специализации. Это логично приведет к дальнейшей консолидации и укрупнению угольных активов в регионе и, вероятно, упростит процесс согласования между властью и бизнесом мероприятий программы трансформации экономики региона.

Наряду с переустройством традиционного угольного бизнеса следует объективно оценить возможность создания в Кузбассе экологически нейтральных комплексов по переработке угля, в том числе в продукты с высокой добавленной стоимостью, и по использованию метана угольных месторождений, например для получения сжиженного газа. И если предпосылки для этого есть, то надо начать реализацию таких проектов с опорой на ресурсы российского бизнеса и научный потенциал.

Экологический блок. Социально-экономическая реструктуризация в Кемеровской области невозможна без решения накопленных экологических проблем. В общем объеме загрязнения окружающей среды в Кузбассе наибольший удельный вес приходится на угольную, металлургическую и химическую отрасли. Улучшить ситуацию и сохранить результат возможно, действуя сразу по нескольким направлениям. Первое – запуск комплексной программы экологического оздоровления территории Кузбасса, что означает полную инвентаризацию и последующее возмещение вреда, ранее нанесенного при-

¹³ См. официальный сайт министерства угольной промышленности Кузбасса (URL: <https://mupk42.ru/ru/industry/>).

роде в ходе добычи полезных ископаемых и другой промышленной деятельности. Естественно, для выполнения таких масштабных работ потребуются не один десяток лет и значительные финансовые затраты (как из бюджета РФ, так и из средств частного бизнеса, чьи производственные объекты наносили и продолжают наносить ущерб природе Кузбасса). Однако если этого не сделать, то со временем часть территории Кемеровской области рискует оказаться непригодной для жизни и ведения хозяйственной деятельности.

Второе направление работы по решению экологических проблем Кузбасса – технологическая модернизация действующих предприятий, чтобы ограничить их негативное воздействие на окружающую среду в будущем. Это касается всего спектра производств, от агропромышленного комплекса до металлургии и угольной энергетики, в отношении которой особое значение приобретает задача снижения углеродного следа.

Третье направление состоит в том, что с точки зрения вероятной антропогенной нагрузки надо оценивать и все инициативы по созданию любых новых производств, чтобы не допустить ухудшения ситуации в регионе, т.е. их развитие изначально должно осуществляться только на современном технологическом базисе и по возможности в рамках замкнутого производственного цикла.

Блок новой экономики. Наряду с апгрейдом действующих отраслей и производств Кемеровской области нужна агрессивная политика диверсификации экономики, в частности формирования новых точек роста. Во-первых, необходимо настроить на трансформацию уже имеющиеся в регионе институты: научно-образовательный центр мирового уровня, технопарк. Во-вторых, следует создать центры компетенций для базовых отраслей, сервисные компании.

В отраслях специализации нужно масштабировать высокомаржинальные проекты, такие как производство кокса, связанного водорода, высококачественных сталей. К числу перспективных для Кузбасса можно отнести нефтепереработку и нефтехимию, агропродовольственный комплекс, биомедицину, туризм. В партнерстве с соседними регионами Сибири, которые располагают развитой научно-исследовательской и образовательной базой (Томская и Новосибирская области), в Кемеровской области возможно создать условия для запуска бизнес-проектов в сфере информационных технологий,

энергетики, биотехнологий, машиностроения, разработки эффективных решений по защите окружающей среды и т.п., а кроме того, реализовать соответствующие тематические образовательные и исследовательские программы.

Пространственный блок. Если реализация первой программы реструктуризации происходила в условиях, когда соседние с Кузбассом регионы пребывали в экономической и социальной депрессии, то сегодня это территории с высоким уровнем развития отраслей знаний. Поэтому вопросы диверсификации экономики Кемеровской области более эффективно могут решаться в системе Южно-Сибирской конурбации, которая предполагает инфраструктурную, экономическую и социальную интеграцию пространства вокруг центров юга Сибири (Новосибирск, Томск, Кемерово, Новокузнецк, Барнаул, в какой-то мере Омск и Красноярск) [3], а также за счет развития новых транспортных коридоров из Кузбасса в Китай и новых выходов к портам на севере России. Необходимо превратить сегодняшнюю проблему региона – наличие 19 моногородов в одно из самых важных его преимуществ, развивая две мощные конурбации: Кемеровскую на севере и Новокузнецкую на юге.

Важно создать платформу для эффективной монетизации этих преимуществ в целях формирования новой экономики. Для этого в ближайшее время следует запустить стимулы повышения привлекательности Кемеровской области для инвестиций, разработать новую градостроительную политику, поскольку отрасли новой экономики тяготеют к крупным городским агломерациям с высокими инфраструктурными и экологическими стандартами, развитыми наукой, высшим образованием и медициной. Выполнение инфраструктурных проектов, в том числе развитие транспортных связей в рамках Южно-Сибирской конурбации, способно стать еще одним фактором повышения конкурентоспособности Кузбасса в борьбе за людей и финансы.

Социальный блок. Перестройка угольной отрасли под влиянием фактора декарбонизации будет сопровождаться высвобождением работников различной квалификации. В настоящее время на угольных предприятиях Кузбасса трудится свыше 100 тыс. чел., а напрямую с отраслью связано более половины населения области. Чтобы не допустить дестабилизации ситуации в регионе, следует при участии представителей местных сообществ разработать программу поддер-

ки населения, где надо предусмотреть комплекс кратко-, средне- и долгосрочных мер: от возможности досрочного выхода на пенсию отдельных категорий граждан до профессиональной переподготовки с последующим трудоустройством и даже переселением людей из наиболее проблемных малых городов и поселков. Оптимальным представляется создание на территории Кемеровской области новых рабочих мест, сопоставимых с теми, которые будут потеряны в угольной отрасли, по уровню заработной платы и квалификации, чтобы люди несли наименьшие потери и сохранили свою конкурентоспособность на рынке труда.

Тем не менее важно понимать, что вовсе избежать негативных социальных последствий не получится. Поэтому уже на этапе подготовки Кузбасса к структурным преобразованиям необходимо организовать прямые коммуникации со всеми участниками процесса, их широкое информирование о прогнозируемых последствиях трансформации, как положительных, так и отрицательных. Это должно помочь заинтересованным сторонам достичь согласия, а в итоге будет легитимирован сам процесс трансформации.

Блок управления и финансирования. Структурная трансформация углепромышленных территорий – сложный, многоуровневый процесс, он затрагивает интересы большого круга участников. Поэтому важно выстроить работоспособную систему управления этим процессом на всех этапах. Она должна включать единый центр управления национального уровня, так как нельзя рассматривать вопрос преобразования экономики угольного региона в отрыве от развития экономики страны и мира. В составе такого центра должны быть представители различных уровней государственной власти, включая власти самих угольных регионов, а также представители бизнеса, профсоюзов, научных организаций и местных сообществ. Этот орган должен выработать базовый подход к трансформации экономики углепромышленных территорий РФ на основе стратегических приоритетов и целей развития экономики страны в целом и ее энергетического сектора в частности. Затем на данной платформе будут сформированы программы структурных преобразований с учетом специфики конкретной территории. В случае с Кузбассом речь должна идти не только об общей региональной программе, но и о программах отдельных муниципальных образований. Несмотря на то что Кузбасс

как углепромышленная территория является во многом уникальным регионом Азиатской России, подобный алгоритм действий может быть использован для реструктуризации угольных кластеров и российских моногородов, имеющих сырьевую специализацию.

На уровне региона предполагается создание специализированного агентства, которое возьмет на себя функцию координатора программы, чтобы не допустить избыточной конкуренции между городами и поселками региона за проекты, и функцию оператора программы, который в том числе решает задачи привлечения финансовых средств и обеспечения их доступности.

Каждой углепромышленной территории в процессе экономической трансформации, с одной стороны, предстоит решить проблему компенсации потерь доходов, включая потери налоговой базы, в результате сжатия или закрытия угольных производств, с другой – сформировать фундамент для реализации инвестиционных стратегий по выводу региона на «безугольный» уровень развития. Мировой опыт свидетельствует: государственных средств для этого зачастую оказывается недостаточно. Поэтому на примере Кузбасса предлагается опробовать сочетание финансирования в рамках государственной программы (федеральная программа реструктуризации угольных регионов) и специализированного грантового фонда (фонд трансформации Кузбасса). Последний предлагается создать за счет перечисления в него части прибыли угольных компаний, полученной благодаря предоставлению государством различных льгот и инвестированию в развитие инфраструктуры, за счет ретроспективного пересмотра условий лицензий с целью обязательного финансирования экологических программ, резервирования средств для ликвидации предприятий, страховых выплат, а также с целью отчислений на развитие науки, медицины и образования. Необходимо предусмотреть увеличение налога на добычу полезных ископаемых с последующим перенаправлением этих средств в фонд трансформации экономики территории. Федеральное финансирование можно использовать для реализации крупных капиталоемких инфраструктурных, экологических и социальных проектов, а средства грантового фонда – для поддержки предпринимательства, социокультурных и иных инициатив, способствующих развитию городских и сельских сообществ.

ВЫВОДЫ

Проведенное исследование показывает, что несмотря на заявлявшиеся на протяжении десятилетий программы структурной перестройки экономики, Кузбасс по-прежнему является крупнейшей в азиатской части России углепромышленной территорией. Основные причины такого положения кроются в отсутствии у Кемеровской области конкурентных преимуществ для развития отраслей новой экономики, в наличии большого количества точек уязвимости (зависимость от мировых сырьевых рынков, экологические проблемы, относительно низкий уровень жизни, слабо развитая логистическая инфраструктура).

Вместе с тем сжатие мировых угольных рынков, вызванное глобальным энергетическим переходом и декарбонизацией экономики, выступает триггером и подталкивает власть, бизнес и общество к смене парадигмы развития Кемеровской области, к отказу от замысла ускоренного развития в пользу реализации идеи глубокой трансформации экономики.

Предлагаемая авторами концепция глубокой трансформации экономики Кузбасса на принципах справедливого перехода может быть использована в качестве теоретической базы для разработки новой структурной политики региона и ее дорожной карты.

Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН в рамках проекта «Движущие силы и механизмы развития кооперационных и интеграционных процессов в экономике Сибири», № 121040100279-5

Список источников

1. Астахов А.С. Опыт и уроки реструктуризации угольной отрасли России // Экономическая наука современной России. – 2001. – № 1. – С. 59–73.
2. Зимаков А.В. Проблема деградации угледобывающих регионов Евросоюза в условиях экологизации европейской энергетики // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. – № 3 (59). – Номер статьи: 5915. – Дата публикации: 07.08.2019. – URL: <https://eee-region.ru/article/5915/> (дата обращения: 20.01.2022).
3. Крюков В.А., Суслов Н.И., Ягольницер М.А. Восточный вектор экономики России – в основе успеха синергия взаимодействия и межрегиональной кооперации // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2021. – Т. 230, № 4. – С. 90–102. DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-90-102.

4. Крюков В.А., Фридман Ю.А., Речко Г.Н., Логинова Е.Ю. Кузбасс в новом времени / Под ред. В.В. Кулешова, В.Е. Селиверстова. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2020. – 179 с.

5. Мониторинг, оценка и прогноз состояния окружающей природной среды на основе современных информационных технологий / Отв. ред. А.Н. Куприянов. – Кемерово: ИД «Азия», 2013. – 112 с.

6. Плакиткин Ю.А., Плакиткина Л.С. Парижское соглашение как фактор ускорения «энергетического перехода»: меры по адаптации угольной отрасли к новым вызовам // Уголь. – 2021. – № 10. – С. 19–23. DOI: 10.18796/0041-5790-2021-10-19-23.

7. Рожков А.А. Регулирование социально-экономических последствий промышленной реструктуризации (на примере угольной отрасли). – М.: АО «Росинформуголь», 2016. – 290 с.

8. Just Transition Toolbox for Coal Regions. – Wuppertal Institute, 2022. – 137 p. – URL: <https://coaltransitions.org/publications/a-just-transition-toolbox-for-coal-regions/> (дата обращения: 01.03.2022).

9. Structural Change in Coal Regions as a Process of Economic and Social-Ecological Transition – Lessons Learnt from Structural Change Processes in Germany. – German Environment Agency, 2022. – 53 p. – URL: https://www.umweltbundesamt.de/sites/default/files/medien/1410/publikationen/2022-01-04_cc_33-2021_lessons_learnt_from_structural_change_processes.pdf (дата обращения: 25.02.2022).

Информация об авторах

Фридман Юрий Абрамович (Россия, Новосибирск) – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17). E-mail: yurifridman@mail.ru.

Логинова Екатерина Юрьевна (Россия, Новосибирск) – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17). E-mail: katrin.2007@mail.ru.

Речко Галина Николаевна (Россия, Новосибирск) – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17). E-mail: rgn.kem@mail.ru.

Хохрина Олеся Ивановна (Россия, Кемерово) – аспирант Кемеровского государственного университета (650000, Кемерово, ул. Красная, 6). E-mail: novoselova_86@mail.ru.

DOI: 10.15372/REG20220409

Region: Economics & Sociology, 2022, No. 4 (116), p. 219–243

Yu.A. Fridman, E.Yu. Loginova, G.N. Rechko, O.I. Khokhrina

**THE CONCEPT OF TRANSFORMING THE SOCIAL
AND ECONOMIC SYSTEM IN KUZBASS
UNDER THE DECARBONIZATION POLICY**

For decades, transforming the economy of Kuzbass (Kemerovo Oblast) has been presented in the region's strategic planning documents as the most important method to ensure accelerated economic growth. The authors of this article prove that, unfortunately, there have been virtually no qualitative changes in the Kuzbass economy over the past twenty years and give reasons why this has occurred.

Kuzbass is currently facing the difficult task of choosing a long-term development model. On the one hand, despite the existing internal challenges and risks, the government is targeting businesses and society at accelerated growth, relying primarily on opportunities to increase coal production and advance SMEs. On the other hand, a critical mass of subjective and objective circumstances is gradually accumulating in Kuzbass, which in the medium term may radically change the situation, and the transformation of its economy will be the only possible model of economic growth. The main problem is the prospect of coal being displaced from the global economy under the pressure of decarbonization trend.

Russia lacks a generally recognized systematic approach to the structural reorganization of coal-producing regions under the decarbonization policy. Having studied some relevant practices abroad, we offer an original concept of transforming the Kuzbass economy on the principles of just transition, used by the European Union. The prerequisite for its successful implementation must be a dialogue between the authorities, businesses, and society in elaborating and coordinating the corridors of the region's future development.

Keywords: Kuzbass; coal territory; structural policy; competitive advantages; decarbonizing the economy; just transition

For citation: *Fridman, Yu.A., E.Yu. Loginova, G.N. Rechko & O.I. Khorhina. (2022). Kontseptsiya transformatsii sotsialno-ekonomicheskoy sistemy Kuzbassa v kontekste politiki dekarbonizatsii [The concept of transforming the social and economic system in Kuzbass under the decarbonization policy]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 4 (116), 219–243. DOI: 10.15372/REG20220409.*

This research was carried out with the plan of research work of IEIE SB RAS, project “Driving forces and mechanisms of cooperation and integration processes in the economy of Siberia”, No. 121040100279-5

References

1. *Astakhov, A.S. (2001). Opyt i uroki restrukturalizatsii ugolnoy otrasli Rossii [Lessons of restructuring the coal industry in Russia]. Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii [Economics of Contemporary Russia], 1, 59–73.*
2. *Zimakov, A.V. (2019). Problema degradatsii ugledobyvayushchikh regionov Evrosoyuza v usloviyakh ekologizatsii evropeyskoy energetiki [Clean energy transition in EU and the crisis in European coal regions]. Regionalnaya ekonomika i upravlenie: elektronnyy nauchnyy zhurnal [Regional Economy and Management: Electronic Scientific Journal], 3 (59). Article No. 5915. Date of publication: 07.08.2019. Available at: <https://eee-region.ru/article/5915/> (date of access: 20.01.2022).*
3. *Kryukov, V.A., N.I. Suslov & M.A. Yagolnitser. (2021). Vostochnyy vektor ekonomiki Rossii – v osnove uspekha sinergiya vzaimodeystviya i mezhregionalnoy kooperatsii [The eastern vector of Russian economy – Success based on the synergy of interaction and interregional cooperation]. Nauchnye trudy Volnogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii [Scientific Works of the Free Economic Society of Russia], Vol. 230, No. 4, 90–102. DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-90-102.*
4. *Kryukov, V.A., Yu.A. Fridman, G.N. Rechko, E.Yu. Loginova; V.V. Kuleshov & V.E. Seliverstov (Eds.). (2020). Kuzbass v novom vremeni [A New Era for Kuzbass]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 179.*
5. *Kupriyanov, A.N. (Ed.). (2013). Monitoring, otsenka i prognoz sostoyaniya okruzhayushchey prirodnoy sredy na osnove sovremennykh informatsionnykh tekhnologiy [Monitoring, Assessment and Forecast of the Environment Condition Based on Modern Information Technologies]. Kemerovo, Aziya Publ., 112.*
6. *Plakitkin, Yu.A. & L.S. Plakitkina. (2021). Parizhskoe soglasenie kak faktor uskoreniya «energeticheskogo perekhoda»: mery po adaptatsii ugolnoy otrasli k novym vyzovam [Paris agreement on climate change as a driver to accelerate energy transition:*

measures to adapt the coal sector to new challenges]. Ugol [Coal], 10, 19–23. DOI: 10.18796/0041-5790-2021-10-19-23.

7. Rozhkov, A.A. (2016). Regulirovanie sotsialno-ekonomicheskikh posledstviy promyshlennoy restrukturalizatsii (na primere ugolnoy otrasli) [Regulation of Socio-Economic Consequences of Industrial Restructuring (the Coal Industry Case)]. Moscow, Rosinformugol JSC, 290.

8. Just Transition Toolbox for Coal Regions. (2022). Wuppertal Institute, 137. Available at: <https://coaltransitions.org/publications/a-just-transition-toolbox-for-coal-regions/> (date of access: 01.03.2022).

9. Structural Change in Coal Regions as a Process of Economic and Social-Ecological Transition – Lessons Learnt from Structural Change Processes in Germany. (2022). German Environment Agency, 53. Available at: https://www.umweltbundesamt.de/sites/default/files/medien/1410/publikationen/2022-01-04_cc_33-2021_lessons_learned_from_structural_change_processes.pdf (date of access: 25.02.2022).

Information about the authors

Fridman, Yuri Abramovich (Novosibirsk, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Ac. Lavrentiev av., Novosibirsk, 630090, Russia). E-mail: yurifridman@mail.ru.

Loginova, Ekaterina Yurievna (Novosibirsk, Russia) – Candidate of Sciences (Politics), Senior Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Ac. Lavrentiev av., Novosibirsk, 630090, Russia). E-mail: katrin.2007@mail.ru.

Rechko, Galina Nikolaevna (Novosibirsk, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Docent, Leading Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, (17, Ac. Lavrentiev av., Novosibirsk, 630090, Russia). E-mail: rgn.kem@mail.ru.

Khokhrina, Olesya Ivanovna (Kemerovo, Russia) – post-graduate student at Kemerovo State University (6, Krasnaya st., Kemerovo, 650000, Russia). E-mail: novoselova_86@mail.ru.

Поступила в редколлегию 27.03.2022.

После доработки 03.05.2022.

Принята к публикации 11.05.2022.

УДК 332.1

Регион: экономика и социология, 2022, № 4 (116), с. 244–271

Ю.И. Пыжева

МОНОГОРОДА СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: НОВЫЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

В настоящем исследовании были рассчитаны истинные сбережения моногородов Сибири и Дальнего Востока в 2011–2018 гг. По результатам проведенных расчетов предложена новая классификация моногородов, учитывающая отраслевую специализацию и уровень истинных сбережений. С нашей точки зрения, для принятия эффективных управленческих решений в отношении каждого моногорода необходимо организовать выездной мониторинг. Предложена возможная структура отчета выездной комиссии. Итогом цикла исследований стали авторские предложения относительно дифференцированных направлений государственной политики для каждой из групп моногородов с учетом уровня истинных сбережений моногорода, отраслевой специфики, расстояния до крупного города, стратегического значения для РФ.

Ключевые слова: моногород; Сибирь; Дальний Восток; градообразующее предприятие; устойчивое развитие; истинные сбережения; государственная политика

Для цитирования: Пыжева Ю.И. Моногорода Сибири и Дальнего Востока: новый подход к формированию государственной политики // Регион: экономика и социология. – 2022. – № 4 (116). – С. 244–271. DOI: 10.15372/REG20220410.

Сегодня большинство стран поддерживают концепцию устойчивого развития и стремятся к разработке таких стратегий, которые учитывали бы ее требования. Для стран с обширной территорией

и сложным пространственно-экономическим делением принципиальным является вопрос обеспечения устойчивости отдельных территориальных единиц (регионов и городов). Настоящая статья – заключительная в цикле работ автора и ее коллег, посвященных моногородам¹ Сибири и Дальнего Востока. На наш взгляд, изучение устойчивости именно моногородов может быть крайне полезным для понимания проблем развития страны в целом, поскольку узкая специализация экономической деятельности моногородов не только является серьезным барьером на пути к развитию этих территорий, но и высвечивает проблемы, которые могут возникнуть в России на федеральном уровне, если не уделять должного внимания разработке мер по предотвращению таких ситуаций. Проблема моногородов не является специфичной только для России, многие развитые страны сталкивались с аналогичными периодами в развитии промышленных городов. Поэтому чрезвычайно полезно изучать зарубежный опыт по преодолению кризисов в развитии моногородов и опыт по реализации эффективных решений в России.

ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ, ПОСВЯЩЕННЫХ РАЗВИТИЮ МОНОГОРОДОВ

В монографии [17] рассматриваются история создания моногородов в СССР, а затем в РФ, периоды их развития, проводится оценка социально-экономического состояния моногородов (в основном по бюджетным и финансовым показателям) и потенциальных возможностей их развития. Исходя из полученных оценок, авторы пред-

¹ В данной работе помимо термина «моногород» будут использоваться схожие понятия «моноотраслевой город», «моноотраслевое поселение», «моноотраслевое муниципальное образование». В законодательстве РФ термин «моногород» применяется как обобщенный, не делается различий между типами населенных пунктов. Используя термин «моноотраслевое муниципальное образование», автор обращает внимание на то, что он охватывает не только собственно города, но и городские округа, поселки городского типа, которые имеют разную численность населения и разные перспективы развития. Термин «моноотраслевое поселение», в свою очередь, подчеркивает меньший масштаб населенного пункта по сравнению с городом или городским округом.

лагают классификацию моногородов и направления стратегического развития для каждой из выделенных категорий.

Говоря о зарубежном опыте анализа моноотраслевых городов/регионов, необходимо упомянуть работу [29], в которой проводится анализ проблем моногородов Великобритании, Германии, Франции, Бельгии, хотя и не слишком релевантных для моногородов Сибири и российского Дальнего Востока, но представляющих интерес с точки зрения заимствования отдельных элементов государственной политики, и работу [11], в которой помимо анализа опыта европейских стран проводится анализ государственного регулирования диверсификации экономики моногородов Японии, Австралии и США. В работах [22; 23; 25; 26] выполнен подробный анализ примеров перепрофилирования экономики моногородов Канады.

Среди работ, посвященных анализу зарубежного опыта модернизации экономики моногородов и формированию на его основе новой промышленной политики для российских моногородов, необходимо отметить монографию [6]. В ней авторы показывают, что основные препятствия в трансформировании экономики российских моноспециализированных городов имеют нематериальную природу и состоят в когнитивной, функциональной и политической блокировках развития, а также предлагают различные сценарии развития групп моногородов и дорожную карту преобразований.

Результаты интересного исследования по российским моногородам, выполненного по заказу компании «Базовый элемент», отражены в работе [7]. На их основе выделено три базовые модели развития монопрофильных городов РФ и для каждой модели предложен общий набор управленческих механизмов для реализации оптимального сценария развития.

Социо-эколого-экономические аспекты функционирования моногородов РФ рассматриваются в работах [1; 19].

Эконометрический анализ факторов, определяющих различные аспекты устойчивости развития зарубежных городов, в том числе моноспециализированных, проводится в работах [24; 27; 28; 30; 31]. Результаты исследований предлагаются в качестве информации для

формирования политики устойчивого развития изучаемых муниципалитетов.

Проблемы развития российских городов обсуждаются в цикле работ Е.А. Коломак [9; 10]. В частности, с помощью эконометрических моделей показано, что рыночные механизмы работали в пользу крупных городов и агломераций, которые нашли конкурентоспособную модель развития, в то время как промышленные города с узкой специализацией на рынках с сокращающимся спросом теряли население. Обзор исследований по выявлению факторов, определяющих устойчивость городов и их рост, позволил заключить, что эти факторы имеют технологическую и институциональную природу [8].

Существует также ряд исследований, посвященных описанию текущих проблем отдельно взятых российских моногородов [2; 3; 5; 13; 15; 16; 18; 20]. Данные работы в основном предоставляют ценный эмпирический материал, но в них не анализируются тенденции и факторы, определяющие развитие российской системы моногородов.

Анализ зарубежного и отечественного опыта развития моногородов позволил сделать следующие основные выводы. Создание моноотраслевых поселений представляет собой важный способ территориальной организации производства в добывающих и обрабатывающих отраслях промышленности на этапе индустриализации экономик разных стран. Для многих стран мира модернизация экономики моногородов является одним из приоритетных направлений государственной региональной политики. В основном политика государства направлена на диверсификацию производственной деятельности, развитие транспортной инфраструктуры и сферы услуг, создание крупных научных центров, в том числе для переквалификации рабочей силы. Но в современных условиях все чаще перед государством встает вопрос: необходимо ли поддерживать существование некоторых городов или целесообразнее будет одновременно профинансировать их «умное сжатие», если они утратили потенциал развития и стратегическое значение для страны? Оптимальным решением, конечно, становится компромисс между этими двумя подходами, предполагающий дифференцированный набор разнообразных механизмов

и инструментов государственной политики, специфичный для каждого конкретного моногорода.

Отметим, что проблема выбора корректной стратегии развития моногородов имеет особое значение именно для территорий, расположенных за Уралом, в силу высокой концентрации поселений, обслуживавших крупные промышленные предприятия в советский период, их стратегического значения для реализации целей пространственного развития страны, а также огромных расстояний между населенными пунктами.

ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ МОНОГОРОДОВ

В официально утвержденном перечне моногородов присутствует 324 моногорода². В данном исследовании будут рассмотрены только 89 моногородов из указанного перечня, которые находятся на территории регионов Сибири и Дальнего Востока. Выбор именно этих регионов для анализа обусловлен особой значимостью градообразующих предприятий, расположенных за Уралом, в силу их специализации на добыче стратегически важных полезных ископаемых и связанных обрабатывающих производствах.

В работе [12] рассматриваются существующие различные подходы к определению понятия «моногород». Проблемы классификации моногородов исследуются в работах [4; 21]. Очевидно, что от корректности выбранного определения зависит эффективность проводимой государственной политики. В большинстве случаев под моногородом понимается территориальное социально-экономическое образование, существенная часть населения которого работает на одном градообразующем предприятии. В соответствии с действующими в Российской Федерации законодательно закрепленными критериями к таким типам муниципальных образований относятся поселения с численностью населения более 3 тыс. чел., из которых не менее 20%

² См. Распоряжение Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 1398-р «Об утверждении перечня моногородов» (с изменениями на 21 января 2020 года).

трудоспособного населения в течение последних пяти лет осуществляли трудовую деятельность на градообразующем промышленном предприятии³.

Ранее нами⁴ были проанализированы моногорода Сибири и Дальнего Востока в разрезе некоторых из 15 показателей, которые включены в официальный мониторинг социально-экономического положения моногородов⁵. Результаты проведенного статистического анализа продемонстрировали невозможность качественного анализа моногородов по выделенным на законодательном уровне трем категориям в зависимости от рисков ухудшения социально-экономического положения. Было показано, что официально утвержденная типизация российских моногородов не описывает все многообразие их социально-экономического положения, поэтому для комплексного анализа устойчивости развития данных поселений требуются создание и обоснование классификации, которая бы учитывала существенные различия в масштабе городов, их отраслевой специализации⁶, инфраструктурной обеспеченности, а также другие особенности развития экономики, состояния окружающей среды и социальной сферы. Такой анализ критически важен для формирования адекватной региональной и муниципальной политики и для выбора корректной траектории развития для каждого моногорода.

³ См. Постановление Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 709 «О критериях отнесения муниципальных образований Российской Федерации к монопрофильным (моногородам) и категориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) в зависимости от рисков ухудшения их социально-экономического положения».

⁴ См.: *Пыжева Ю.И., Зандер Е.В.* Социально-экономическое разнообразие моногородов Сибири и Дальнего Востока: статистический анализ // Проблемы развития территории. – 2019. – № 3 (101). – С. 49–61. DOI: 10.15838/ptd.2019.3.101.3.

⁵ См. Распоряжение Правительства РФ № 170-р от 2 февраля 2017 года.

⁶ Отраслевая специализация моногорода определялась по виду экономической деятельности, к которому относится градообразующее предприятие согласно его уставным документам. Этот же вид деятельности далее будем называть базовой отраслью промышленности моногорода.

ИСТИННЫЕ СБЕРЕЖЕНИЯ МОНОГОРОДОВ: МОДИФИКАЦИЯ МЕТОДИКИ РАСЧЕТА И ОБОСНОВАНИЕ НОВОЙ КЛАССИФИКАЦИИ

С целью получения более качественной информации в разрезе моногородов нами был проведен аудит доступной тематической статистики и впервые сформирована база данных по моногородам Сибири и Дальнего Востока, включающая в себя следующие сведения: отраслевая принадлежность моногородов; наименования градообразующих предприятий; численность населения моногородов; численность населения, работающего на градообразующих предприятиях; уровень безработицы; выручка градообразующих предприятий; себестоимость реализованной продукции градообразующих предприятий; инвестиции в основной капитал, осуществляемые градообразующими предприятиями; выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух. Также с использованием карт были рассчитаны расстояния до ближайших крупных городов (или региональных центров) по автодорогам (если таковых нет – по зимникам или напрямую). При составлении базы данных использованы: данные Росстата; сведения, предоставляемые органами муниципальной статистики; сведения, содержащиеся в Государственных докладах о состоянии окружающей среды РФ и регионов; годовые отчеты градообразующих предприятий; данные бухгалтерской отчетности градообразующих предприятий, полученные из базы данных «Контур.Фокус». Сформированная база данных позволила детально проанализировать отраслевую принадлежность моногородов, масштабы поселений, их инфраструктурные особенности, сделать некоторые выводы о состоянии социальной сферы, а также выделить факторы, в реальности определяющие динамику экономического развития моногородов.

С использованием сформированной базы данных получены статистические оценки истинных сбережений для моногородов Сибири и Дальнего Востока за период 2011–2018 гг. Для проведения расчетов на уровне городов осуществлена модификация разработанной с участием автора методики расчета истинных сбережений для регионов⁷.

⁷ См.: Пыжеева Ю.И., Лапо Е.В., Сырцова Е.А., Пыжеев А.И. Устойчивость развития регионов Дальнего Востока: оценка на основе истинных сбережений //

Напомним, что согласно нашей методике истинные сбережения (ИС, % от ВРП) регионов рассчитываются по формуле

$$\text{ИС} = (\text{ВС} - \text{ПОК} + \text{ИЧК} - \text{ИПР} - \text{УЗОС}) / \text{ВРП} \cdot 100\%,$$

где ВС – валовое сбережение, млн руб.; ПОК – потребление основного капитала, млн руб.; ИЧК – инвестиции в человеческий капитал, млн руб.; ИПР – стоимость истощения невозобновляемых природных ресурсов, млн руб.; УЗОС – ущерб от загрязнения окружающей среды, млн руб.; ВРП – валовой региональный продукт, млн руб.

В качестве прокси-переменной для валовых сбережений моногородов использованы чистые инвестиции в основные фонды градообразующего предприятия (из открытых форм бухгалтерской отчетности). Ущерб от загрязнения окружающей среды измерялся по минимальной оценке (в связи с критическим недостатком статистических наблюдений за выбросами загрязняющих веществ) – по валовым выбросам градообразующих предприятий, которые были приравнены к стоимостной оценке выбросов СО (с помощью коэффициентов GWP), поскольку не все предприятия предоставляют информацию о выбросах в разрезе загрязняющих веществ. Истощение минеральных ресурсов оценивалось по себестоимости их добычи для компании-недропользователя (включая расходы, напрямую не связанные с добычей). Потребление основного капитала и инвестиции в человеческий капитал не оценивались из-за отсутствия данных.

По результатам расчета истинных сбережений, а также с учетом отраслевой принадлежности было выделено четыре кластера моногородов:

1) моногорода с положительными значениями истинных сбережений (а значит, характеризующиеся относительной устойчивостью развития), градообразующие предприятия которых предположительно не оказывают существенного влияния на состояние окружающей среды города. В данную группу включены преимущественно моногорода, имеющие в качестве базового вида деятельности производ-

ство продуктов питания и напитков, строительство дорог/мостов, услуги железнодорожного транспорта;

2) моногорода со значениями истинных сбережений, близкими к нулю, градообразующие предприятия которых существенно ухудшают состояние окружающей среды города, при этом не осуществляя добычу природных ресурсов в непосредственной близости к территории города. В эту группу включены преимущественно города, имеющие в качестве базовых видов деятельности металлургическое, машиностроительное, деревообрабатывающее, химическое производство, производство и распределение электроэнергии;

3) моногорода с отрицательными значениями истинных сбережений, градообразующие предприятия которых осуществляют добычу природных ресурсов (угля, железных руд, руд редких и земельных металлов, алмазов);

4) моногорода, по градообразующим предприятиям которых на данный момент отсутствует статистическая информация по причине того, что предприятия либо ликвидированы, либо находятся в стадии ликвидации.

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ УСТОЙЧИВОСТИ РАЗВИТИЯ МОНОГОРОДОВ: ИСТИННЫЕ СБЕРЕЖЕНИЯ И СОСТОЯНИЕ ГРАДООБРАЗУЮЩИХ ПРЕДПРИЯТИЙ

В разрезе выделенных кластеров был проведен анализ динамических оценок истинных сбережений за период 2011–2018 гг. В таблице 1 представлен фрагмент расчетов истинных сбережений для первого из выделенных кластеров.

В первом кластере моногородов у четырех из пяти рассматриваемых предприятий пищевой промышленности наблюдаются негативные тенденции в развитии: снижение истинных сбережений составило более 40% за рассматриваемый период. Только пгт Красный Яр (Омская область) продемонстрировал рост истинных сбережений на 70% в 2018 г. в сравнении с 2011 г. Содержательный анализ факторов, определивших такую динамику, показал, что основная причина – увеличение инвестиций в обновление производства в 3,8 раза.

Таблица 1

Фрагмент расчетов истинных сбережений для кластера 1

Монопрофильное образование	Базовая отрасль промышленности	Истинные сбережения, % от ВРП	
		2011	2018
ГО город Алейск	Пищевая промышленность	0,03	0,02
ГО город Тында	Строительство дорог/мостов	0,01	–0,01
ГО город Белогорск	Строительство дорог/мостов, пищевая промышленность	0,08	0,11
ГО город Мариинск	Пищевая промышленность	0,01	0,00
ГП Яшкинское	Пищевая промышленность	0,45	0,05
Красноярское ГП	Пищевая промышленность	0,01	0,03

При этом выручка предприятия за указанный период возросла только в 2,2 раза. Рост истинных сбережений ГО город Белогорск (Амурская область) вне всяких сомнений связан с вводом в 2017 г. в эксплуатацию ООО «Маслоэкстракционный завод «Амурский», являющегося резидентом ТОР «Белогорск» и единственным в России предприятием, занимающимся глубокой переработкой сои с получением таких продуктов, как соевый изолят и пищевая соевая клетчатка. Запуск нового производства позволил увеличить совокупный продукт муниципального образования и инвестиции в основной капитал в 2,5 и 3,6 раза соответственно. Также отметим причины достаточно резкого падения истинных сбережений ГП Яшкинское (Кемеровская область): предприятие ООО «КДВ Яшкино» в 4 раза увеличило выручку за рассматриваемый период за счет наращивания объемов производимой продукции, но при отрицательной динамике инвестиций в основные фонды (снижение на 50% за период 2011–2018 гг.). В данном случае не совсем корректно говорить о негативных тенденциях, поскольку здесь предприятие получило отдачу от ранее осуществленных инвестиций (в 2013–2015 гг.). По остальным предприятиям нет

Таблица 2

Фрагмент расчетов истинных сбережений для кластера 2

Монопрофильное образование	Базовая отрасль промышленности	Истинные сбережения, % от ВРП	
		2011	2018
ГО город Новоалтайск	Машиностроение	0,05	0,02
ГП Степноозерский поссовет	Химическая промышленность	0,03	0,14
ГО город Саянск	Химическая промышленность	0,04	0,06
ГП рабочий поселок Линево	Промышленность строительных материалов (графит)	0,02	0,05
ГП Каменское	Промышленность строительных материалов	0,04	0,02
ГО город Новокузнецк	Металлургия	0,03	0,01
ГО город Лесосибирск	Лесозаготовительная и деревообрабатывающая	0,08	0,03
ГП город Закаменск	Металлургия, машиностроение	0,14	0,00

выраженной динамики истинных сбережений, в течение всего рассматриваемого периода они были стабильны.

Относительно второго кластера моногородов (табл. 2) следует помнить, что полученные оценки истинных сбережений довольно сильно завышены из-за отсутствия наблюдаемой статистики, касающейся выбросов загрязняющих веществ в атмосферу (следовательно, они не учтены в расчетах), и в реальности должны находиться в отрицательной зоне. Второй кластер включает 34 моногорода, и только девять из них характеризуются отрицательными тенденциями в динамике истинных сбережений. В основном это города с базовыми предприятиями машиностроения. Остальные города показали рост истинных сбережений за рассматриваемый период, но с оговоркой относительно невозможности учета выбросов в атмосферу.

Таблица 3

Фрагмент расчетов истинных сбережений для кластера 3

Монопрофильное образование	Базовая отрасль промышленности	Истинные сбережения, % от ВРП	
		2011	2018
ГО город Райчихинск	Угольная промышленность	–0,85	–0,74
ГП рабочий поселок Чегдомын	Угольная промышленность	–0,40	–0,53
ГО Шерловогорское	Угольная промышленность	–0,67	–0,68
Железногорское ГП	Добыча металлических руд	–0,45	–0,66
ГО город Березовский	Угольная промышленность	–0,40	–0,44
ГП город Нерюнгри	Угольная промышленность	0,22	–0,33
ГО город Черногорск	Угольная промышленность	–0,39	–0,44
Сельское поселение Саганнурское	Угольная промышленность	–0,35	–0,24

В отношении группы моногородов, образующих третий кластер (табл. 3), наиболее ощутима проблема отсутствия открытой отчетности предприятий или невозможности получения данных по конкретному предприятию, если оно является частью крупного холдинга. По «открытым» предприятиям также выявлено снижение истинных сбережений (от 17 до 45%) для моногородов Иркутской, Кемеровской областей и Республики Саха (Якутия), занимающихся добычей металлических руд. Например, истинные сбережения Железногорского ГП (Иркутская область) снизились, поскольку выручка градообразующего предприятия ПАО «Коршуновский ГОК» (входит в состав ОАО «Мечел») сократилась на 22%, в то время как себестоимость добычи выросла на 11% в 2018 г. в сравнении с 2011 г. При этом инвестиции в основные фонды упали на 60% за рассматриваемый период. Компания сообщила о том, что снижение доходов связано с уменьшением объемов реализации железно-рудного концент-

рата. Интересная ситуация сложилась в моногородах, где базовой отраслью промышленности является угледобыча. Из восьми моногородов Кемеровской области, отнесенных к третьему кластеру, у пяти наблюдаются позитивные тенденции с точки зрения динамики истинных сбережений – рост от 3 до 45%. Среди моногородов других регионов положительные тенденции на угледобывающих предприятиях наблюдаются только в г. Райчихинске (Амурская область) и пос. Саган-Нур (Республика Бурятия). Во всех случаях динамика связана с возрастающими инвестициями в основной капитал предприятий.

К четвертому кластеру отнесены моногорода, по градообразующим предприятиям которых на данный момент отсутствует статистическая информация по причине их ликвидации. Отметим, что речь идет об 11 городах, семь из которых специализировались на добыче природных ресурсов и были созданы, чтобы обслуживать конкретные месторождения. Удивительно, что не все города, градообразующее предприятие которых ликвидировано, имеют небольшую численность населения. В рассматриваемой группе есть города, где проживает от 4 тыс. до 77 тыс. чел. (например, г. Усолжье-Сибирское Иркутской области).

С использованием полученных данных о динамике истинных сбережений моногородов выявлены детерминанты устойчивости развития каждой из выделенных групп (внутри укрупненных кластеров). Был проведен анализ факторов, определяющих динамику истинных сбережений, отдельно по каждому предприятию, входящему в кластер или более мелкую отраслевую группу. Выявлено, что в основе динамики истинных сбережений моногородов чаще всего лежат не общие характеристики моногорода (численность населения, уровень безработицы, численность работников, предполагаемых к увольнению, и другие факторы, определенные Постановлением Правительства РФ № 170-р от 2 февраля 2017 г.), а фундаментальные факторы развития конкретной отрасли промышленности и в большей степени – фундаментальные факторы функционирования предприятия: спрос на производимую продукцию, себестоимость продукции, волатильность цен на рынках сбыта и колеблющаяся из-за этого выручка, политика собственников предприятия относительно инвестирования

в обновление основных фондов и технологий (которые косвенно влияют на конкурентоспособность производимой продукции), политика федеральных и региональных властей в отношении конкретных видов деятельности. Именно перечисленные факторы в конечном счете и определяют устойчивость конкретного предприятия, моногорода и региона в целом.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ МОНОГОРОДОВ: НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

Сегодня в списке моногородов 324 города, и одна и та же политика реализуется для моногородов с несопоставимыми исходными условиями. В июле 2022 г. Фонд развития моногородов представил топ-10 наиболее успешных моногородов за 2021 г. (половина лидеров рейтинга сохранились с 2020 г.)⁸. В этом списке много городов европейской части России, расположенных достаточно близко от крупных автомобильных и железнодорожных магистралей и имеющих далекую от моноотраслевой структуру экономики. Так, в топ-10 вошли Набережные Челны (Республика Татарстан), Тольятти (Самарская область), Первомайский (Тульская область), Губкин (Белгородская область), Кумертау (Республика Башкортостан), Череповец (Вологодская область), Костомукша (Республика Карелия), Невинномысск (Ставропольский край), Нижнекамск (Республика Татарстан) и Тутаев (Ярославская область).

Представители Фонда развития моногородов в отчетах о деятельности фонда указывают, что в перечисленных городах созданы новые производства и рабочие места, что инвесторы приходят в эти города и начинают новые производства и что лидеры рейтинга станут «наставниками» для других моногородов и будут передавать свой опыт в рамках проекта «Менторство». Без ответа остается вопрос: как можно объединять, сравнивать города, передавать опыт развития или перепрофилирования экономики, если у этих городов несопостави-

⁸ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5481785> ; <https://rg.ru/2020/11/17/reg-pfo/nazvany-10-luchshih-rossijskih-monogorodov.html> .

мые стартовые условия? Ни разу с 2014 г. в отчетах Фонда развития моногородов не фигурировали результаты действительно депрессивных моногородов. Очень многие моногорода, сейчас отнесенные даже ко второй категории по классификации Правительства России, многие годы находятся в глубочайшем кризисе качества жизни населения.

На наш взгляд, такие отдаленные поселения, как города Певек, Удачный, пгт Беринговский и прочие труднодоступные или недоступные никакими другими способами, кроме авиации и зимников, должны рассматриваться отдельно и иметь какой-то другой статус как территории, функционирование которых в качестве морских портов или зон разработки месторождений полезных ископаемых стратегически важно для страны. Их очень сложно рассматривать вместе с другими моногородами, даже расположенными в Сибири и на Дальнем Востоке, не говоря уже о городах в центральной части России, которые имеют совершенно другие инфраструктурные, экономические и социальные условия для развития.

Другой пример – города из третьей, «благополучной», категории: Норильск и Новокузнецк. С экономической точки зрения Норильск, безусловно, является городом моноотраслевой специализации. Вопрос о том, насколько целесообразным было решение о строительстве подобного города, с огромным для моногорода населением (около 182 тыс. чел.), в месте за полярным кругом, куда большую часть года возможно добраться только авиационным сообщением (около 2000 км до г. Красноярска), где полярная ночь, где крайне низкие температуры и другие тяжелейшие климатические условия, а также совершенно недопустимые для постоянной жизни концентрации загрязняющих веществ (в частности, диоксида серы), остается за рамками нашей работы. Но как можно объединять Норильск в одну категорию с Новокузнецком (как город получил этот статус, и вовсе непонятно), который находится географически в гораздо более доступном месте, имеет население около 543 тыс. чел. и довольно дифференцированную структуру экономики? Сопоставимы ли трудности в привлечении инвесторов в этих городах?

Несложный анализ подсказывает всего три типа решений, которые могут быть приняты в отношении каждого моногорода. Во-первых, необходимо актуализировать понятие моногорода в регламентирующих документах, пересмотреть критерии, согласно которым город может приобретать указанный специальный статус. На наш взгляд, многие города из существующего списка не являются моноотраслевыми, а имеют достаточно диверсифицированную структуру экономики и ничем не отличаются от большого количества других российских городов без специального статуса. Во-вторых, некоторые города нужно политическим решением перевести в статус рабочих поселков (или ликвидировать, если они утратили стратегическое значение), в которых нет постоянного населения, работа осуществляется вахтовым методом, а имеющемуся населению следует предоставить социальное жилье в более благоустроенных близлежащих городах. В-третьих, для городов, у которых существуют реальные перспективы дальнейшего развития экономики и социальной сферы, обусловленные различными факторами, надо предложить возможные механизмы поддержки.

Таким образом, перечень городов, которые действительно нуждаются в специфических программах развития и восстановления, может существенно сократиться, а значит, поддержка может стать более адресной. Финансовый анализ эффективности деятельности Фонда развития моногородов с 2014 по 2020 г. – это предмет отдельной работы, а здесь лишь отметим, что средства на развитие моногородов продолжают выделяться, несмотря на проведенную реформу институтов развития, и главное – верно сформулировать направления, которые позволят наиболее эффективно решить проблемы моногородов.

В целом, в государственных структурах (Правительстве России, Министерстве экономического развития, Государственной думе) вопрос о повышении эффективности поддержки моногородов возникает регулярно. Предлагаются различные варианты, иногда очень разнонаправленные: либо сокращение перечня моногородов до 163 (за счет территорий, находящихся не далее 50 км от региональных столиц), либо его увеличение до 500 (данная инициатива депутатов Государ-

ственной думы представляется менее обоснованной). Но, главное, есть понимание, что существующая классификация моногородов не лишена недостатков, и идет поиск лучшего варианта. На наш взгляд, речь следует вести не о сокращении или увеличении числа моногородов, а именно об актуализации существующего перечня и пересмотре критериев для отнесения того или иного города к моноотраслевым. В связи с сегодняшними событиями на Украине проект по пересмотру поддержки моногородов остановлен правительством на неопределенный срок. Но в сложившейся ситуации выводы данного исследования приобретают особую актуальность.

Одним из результатов цикла наших работ⁹, который завершается настоящей статьей, является вывод о том, что необходим пересмотр действующей классификации моногородов. Официальная классификация не отражает никакие особенности моногородов и не позволяет оказывать адресную и эффективную поддержку. Предложенная нами новая классификация моногородов, на наш взгляд, более корректна, но применять ее при осуществлении государственной политики следует с наименьшей осторожностью. Проблемы моногородов гораздо глубже, сложнее и многообразнее, и ни одна, даже самая обоснованная классификация не в силах охватить и формализовать все особенности и проблемы каждого из моногородов. Мы показали, что и для моногородов можно применять формализованные, удобные для лиц, принимающих решения, показатели устойчивости развития территорий, такие как истинные сбережения. Для моногородов они цели-

⁹ См.: Пыжеева Ю.И., Зандер Е.В. Социально-экономическое разнообразие моногородов Сибири и Дальнего Востока: статистический анализ // Проблемы развития территории. – 2019. – № 3 (101). – С. 49–61. DOI: 10.15838/ptd.2019.3.101.3; Пыжеева Ю.И., Зандер Е.В. Экономические аспекты решения экологических проблем российских городов // Экономика. Налоги. Право. – 2019. – № 12 (5). – С. 111–120. DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-5-111-120; Пыжеев А.И., Сырцова Е.А., Пыжеева Ю.И., Зандер Е.В. Совершенствование статистики устойчивости развития российских регионов // Вопросы статистики. – 2019. – № 26 (5). – С. 33–42; Пыжеева Ю.И., Лапо Е.В., Сырцова Е.А., Пыжеев А.И. Устойчивость развития регионов Дальнего Востока: оценка на основе истинных сбережений // Регион: экономика и социология. – 2020. – № 2 (106). – С. 198–224.

ком и полностью определяются состоянием и политикой градообразующего предприятия, но косвенно указывают на снижение или рост экономического благосостояния населения. Однако, как известно, благосостояние определяется не только экономической составляющей, но также большое значение имеют социальный и экологический компоненты.

В целом, все инструменты, которые можно использовать для дистанционного анализа, эффективны лишь для предварительной оценки ситуации и понимания общих тенденций. С нашей точки зрения, если стоит задача именно решения проблемы моногородов, а не просто создания программы поддержки с сомнительной эффективностью, необходимо в первую очередь инвестировать в мониторинг ситуации в каждом из моногородов и только после этого принимать окончательное решение. Имеет смысл организовать выезды специалистов в каждый моногород, чтобы наглядно оценить и зафиксировать ситуацию. Вероятно, результаты выездов могут быть оформлены в соответствующие отчеты и переданы на рассмотрение в организацию, курирующую развитие моногородов (в данный момент – ВЭБ). Курирующая организация выносит решение по каждому из моногородов, и далее документы должны быть направлены в Правительство РФ для принятия окончательного решения. Не вызывает сомнений, что отчет выездных комиссий должен быть формализован, утвержден уполномоченным органом, он должен содержать ключевые разделы, позволяющие адекватно оценить ситуацию.

Предлагается следующая возможная структура подобного отчета, включающая три блока устойчивого развития: экономический (стратегическое значение города, структура экономической деятельности города, состояние градообразующего предприятия, дорожная инфраструктура, характеристики населения, состояние жилого фонда), социальный (характеристики учреждений образования и здравоохранения, аптек и продовольственных магазинов) и экологический (климатические характеристики территории и особенности загрязнения атмосферного воздуха).

Таблица 4

Расстояние от моногородов до ближайшего крупного города

Расстояние, км	Кол-во монопрофильных образований в группе	Группа мер государственной поддержки
До 100	29	4
От 101 до 500	44	3
Свыше 500	16	1 или 2

На примере моногородов Сибири и Дальнего Востока в дополнение к нашей кластеризации измерено расстояние от каждого моногорода до крупного города (или регионального центра) по автомагистралям (если они отсутствуют – по прямой или по зимнику), в результате чего города разделены на три группы: расположенные на расстоянии до 100 км, от 101 до 500 км, свыше 500 км (табл. 4).

С нашей точки зрения, окончательное решение в отношении моногорода и определения для него государственных мер поддержки должно учитывать такой немаловажный фактор, как расстояние до крупного города. По таблице 4 видно, что наибольшее количество моногородов (44) находятся на расстоянии от крупного города от 101 до 500 км, достаточно много городов (29) – на расстоянии до 100 км (а значит, они имеют потенциально очень хорошие условия для развития) и всего 16 городов находятся на очень большом расстоянии от регионального центра, в сложных климатических условиях, часто не имеют автомобильного сообщения с крупным городом, и именно в отношении таких моногородов особенно актуален вопрос расселения или перевода их в статус рабочих поселков с вахтовым режимом работы.

Можно выделить четыре основных типа предлагаемых мер государственной поддержки, которые следует выбирать в зависимости от результатов выездного мониторинга, а также расстояния от крупного города.

Группы 1 и 2. Первая группа государственных мер предполагает расселение моногорода, вторая – перевод моногорода в статус рабо-

чего поселка с вахтовым режимом работы, если он имеет стратегическое значение для РФ. Такое решение может быть принято только индивидуально в отношении каждого моногорода и только по результатам отчета выездной комиссии, если по большинству показателей отчета моногород находится в критической ситуации.

С точки зрения государства, процесс расселения гораздо более затратен, чем поддержание функционирования города, поскольку бюджетные средства должны быть выделены единомоментно, а не распределены во времени. Но если поддержание функционирования городской инфраструктуры нецелесообразно, жителям должны быть предложены варианты переселения в близлежащие более благоустроенные города. Часть жителей, возможно, выступят против переселения, и они должны быть проинформированы, что государственная поддержка и обеспечение жизненно важных функций города будут приостановлены и у жителей могут возникнуть определенные риски в случае, если они отказываются от переезда. К схожему выводу о необходимости переселения постоянного населения некоторых моногородов приходят и авторы монографии [17]. Однако переселение постоянного населения не означает полную ликвидацию моногорода. Имеющиеся месторождения должны быть законсервированы для сохранения компетенций освоения на случай появления более прогрессивных технологий добычи.

В данной группе городов (свыше 500 км от крупного города) присутствуют два моногорода, расположенные в Арктической зоне РФ: Норильск и Певек. Очевидно, что идеи о расселении не касаются ни одного из них, поскольку Норильск является достаточно крупным моногородом с населением 182 тыс. чел. и градообразующее предприятие «Норильский никель» очень активно инвестирует в развитие различной инфраструктуры города. Что же касается Певека, то это город стратегического значения, в нем находятся важный морской порт и месторождения полезных ископаемых, для обслуживания которых введена в эксплуатацию первая в мире ПАТЭС. Но учитывая сложные климатические условия и малочисленность населения (около 5,5 тыс. чел.), можно было бы рассмотреть перевод Певека на

вахтовый режим работы с содержанием минимально необходимой социальной инфраструктуры, но без постоянного проживания населения.

В аналитическом докладе «Моногорода Арктической зоны РФ: проблемы и возможности развития» [14] подробно проанализирована ситуация в моногородах Арктики, и эксперты в качестве мер поддержки называют присвоение арктическим территориям статуса ТОР (налоговые льготы, льготное кредитование, расширение ТОР за пределы моногорода при необходимости), внедрение программ повышения квалификации и переподготовки менеджеров высшего и среднего звена с целью формирования у них прогрессивного инвестиционного мышления и отказа от только лишь дотационного подхода. Предложенные меры поддержки в настоящее время уже достаточно широко используются в моногородах европейской части России и также актуальны не только для арктических моногородов, но и для всех отдаленных моногородов, отнесенных в данном исследовании к первой и второй группам.

Группа 3. Если город расположен относительно близко к крупному городу (от 100 до 500 км) и транспортным магистралям, необходимо предложить государственные программы поддержки, специфичные для каждого кластера, в соответствии с предложенной классификацией моногородов. Помимо специфических отраслевых решений, для данной группы моногородов особенно актуальны будут инвестиции в повышение транспортной доступности, строительство скоростных автомагистралей для развития экономических связей моногорода с близлежащими крупными городами.

Группа 4. Если моногород расположен на расстоянии менее 100 км от крупного города или регионального центра, меры государственной поддержки должны быть направлены на развитие дорожной, развлекательной, социальной инфраструктуры города, благоустройство общественных пространств. Необходимы программы привлечения инвесторов для создания новых рабочих мест на более привлекательных условиях, чем при их создании в крупном городе (экономические, налоговые льготы, субсидирование рабочих мест и т.п.). Обеспече-

нию перетока рабочей силы из крупного города в моногород будут способствовать более привлекательные условия по оплате труда при переезде в моногород на сопоставимую должность, льготное предоставление жилья или льготы при его покупке. Может быть осуществлен перенос некоторых рабочих мест в государственных корпорациях из крупного города в моногород.

Таким образом, нами сформированы предложения относительно возможных вариантов дифференцированной государственной политики в отношении групп моногородов, выделенных в зависимости от уровня истинных сбережений, отраслевой принадлежности и расстояния от крупного города. С нашей точки зрения, принципиальным моментом при утверждении каких-либо мер государственной поддержки является наличие отчета выездной комиссии, который должен фиксировать реальную ситуацию в каждом моногороде в разрезе составляющих устойчивого развития. Только подобный многоаспектный анализ ситуации в моногородах может привести к формированию действительно эффективной государственной политики, которая будет способствовать решению проблем моногородов и росту благосостояния их населения.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00841. Работы по изучению моногородов Арктической зоны Сибири и Дальнего Востока выполнены в рамках Государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (проект № FSRZ-2021-0011)

Список источников

1. Бобылев С.Н., Порфирьев Б.Н. Устойчивое развитие крупнейших городов и мегаполисов: фактор экосистемных услуг // Вестник Московского университета. Сер. 6: Экономика. – 2016. – № 6. – С. 3–21.
2. Гончаров А.Ю. Модернизация экономической системы моногорода // Региональная экономика: теория и практика. – 2011. – № 16. – С. 58–60.
3. Гусева М.С., Габбасова Ю.Р. Комплексное развитие моногородов: опыт Самарской области // Ars Administrandi (Искусство управления). – 2017. – Т. 9, № 1. – С. 62–76. DOI: 10.17072/2218-9173-2017-1-62-76.

4. Дулесов А.Н., Бехтерев Д.В. Классификация моногородов по их жизненному циклу // *Фундаментальные исследования*. – 2015. – № 10, ч. 1. – С. 161–165.
5. Желнина Е.В. Ресурсы предприятий в решении социокультурных и экономических проблем моногорода // *Вестник Новосибирского государственного университета*. Сер.: Социально-экономические науки. – 2011. – Т. 11, № 1. – С. 125–128.
6. Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. Инновационный поиск в монопрофильных городах: блокировки развития, новая промышленная политика и дорожная карта перемен. – М.: УРСС, 2015. – 216 с.
7. Землянский Д.Ю., Ламанов С.В. Сценарии развития монопрофильных городов России // *Вестник Московского университета*. Сер. 5: География. – 2014. – № 4. – С. 69–74.
8. Коломак Е.А. Городская система современной России. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2018. – 144 с.
9. Коломак Е.А. Почему возникают и растут города? Объяснения теоретических и эмпирических исследований // *Пространственная экономика*. – 2018. – № 2. – С. 134–153. DOI: 10.14530/se.2018.2.134-153.
10. Коломак Е.А. Развитие городской системы Сибири в постсоветский период: прогнозы и реальность // *ЭКО*. – 2018. – № 7 (529). – С. 57–66.
11. Кулай С.В. Зарубежный опыт модернизации и реструктуризации экономики моногородов // *Государственное управление. Электронный вестник*. – 2019. – Вып. 73. – С. 224–248.
12. Малашенко Е.А., Мекуш Г.Е. Понятие «моногород»: российский и зарубежный взгляд // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского*. География. Геология. – 2020. – Т. 6 (72), № 3. – С. 125–134.
13. *Моногород: управление развитием* / Ускова Т.В., Иогман Л.Г., Ткачук С.Н., Нестеров А.Н., Литвинова Н.Ю. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. – 220 с.
14. *Моногорода Арктической зоны РФ: проблемы и возможности развития: Аналитический доклад* / Центр обеспечения деятельности Государственной комиссии по вопросам развития Арктики; Институт прикладных политических исследований. – М., 2016. – 46 с.
15. Пыжов А.И., Сырцова Е.А., Гордеев Р.В. Устойчивость развития моногородов: новое измерение // *Вестник Кемеровского государственного университета*. Сер.: Политические, социологические и экономические науки. – 2018. – № 3. – С. 157–161. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-3-157-161.
16. Пыткин А.Н., Загоруйко И.Ю. Как сделать устойчивыми моногорода? Постановка проблемы моногородов: поиск решений научным сообществом // *Российское предпринимательство*. – 2010. – № 4-2. – С. 132–137.
17. *Развитие моногородов России* / Под ред. д-ра экон. наук, проф. И.Н. Ильиной. – М.: Финансовый университет, 2013. – 168 с.
18. Ускова Т.В. О потенциале развития российских территорий // *Проблемы развития территории*. – 2018. – № 5 (97). – С. 7–17. DOI: 10.15838/ptd.2018.5.97.1.

19. *Устойчивое* развитие городов / Под ред. К.В. Папенова, С.М. Никонорова, К.С. Ситкиной. – М.: Эк. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 2019. – 288 с.
20. *Фомин М.В., Безвербный В.А., Шушпанова И.С., Микрюков Н.Ю., Лукашенко Е.А., Мирязов Т.Р.* Моногорода Сибири и Дальнего Востока России: потенциал и перспективы развития // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2020. – № 1. – С. 137–165.
21. *Чалдаева Л.А., Скиданова Ю.В.* Критериально-методический подход к классификации моногородов: теория и практика // Региональная экономика: теория и практика. – 2016. – № 4. – С. 4–18.
22. *Шаститко А.Е., Фатихова А.Ф.* Моногорода: новый взгляд на старую проблему // Балтийский регион. – 2015. – № 1 (23). – С. 7–35.
23. *Dignard L.A.* A Comparative Approach to the Study of Community and Work in Canadian Mining and Forestry Towns: A thesis submitted to the faculty of graduate studies and research. – Ottawa, 1989.
24. *Drejerska N.* Is sustainability possible in suburbs of big cities? – The example of Warsaw // Sustainable Development, Knowledge Society and Smart Future Manufacturing Technologies. World Sustainability Series / Ed. by W. Leal Filho, A. Úbelis, D. Bêrziņa. – Cham: Springer, 2015.
25. *Gill A.M.* Respecting context in Northern resource town planning: the case of Tumbler Ridge // Western Geography. – 2002. – No. 12. – P. 113–129.
26. *Mawhiney A.-M., Pitblado J.* Boom Town Blues – Elliot Lake: Collapse and Revival in a Single-Industry Community. – Toronto, 2009.
27. *Ning L., Wang F.* Does FDI environmental knowledge spillovers to developing countries? The role of the local industrial structure // Environmental and Resource Economics. – 2018. – Vol. 71, No. 2. – P. 381–405.
28. *Rudacille D.* Roots of Steel: Boom and Bust in an American Mill Town. – N.Y., 2010.
29. *Sadler D.* Marginality in the New Europe. – Birmingham, 1994.
30. *Sustainability in America's Cities: Creating the Green Metropolis* / Ed. by M.I. Slavin. – Washington, DC: Island Press, 2011. DOI: 10.5822/978-1-61091-028-6.
31. *Sustainable Development, Knowledge Society and Smart Future Manufacturing Technologies.* World Sustainability Series / Ed. by W. Leal Filho, A. Úbelis, D. Bêrziņa. – Cham: Springer, 2015. DOI: 10.1007/978-3-319-14883-0_24.

Информация об авторе

Пыжсева Юлия Ивановна (Россия, Красноярск) – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Сибирского федерального университета (660041, Красноярск, просп. Свободный, 79). E-mail: ystartseva@sfu-kras.ru.

DOI: 10.15372/REG20220410

Region: Economics & Sociology, 2022, No. 4 (116), p. 244–271

Yu.I. Pyzheva

SINGLE-INDUSTRY TOWNS IN SIBERIA AND THE FAR EAST: A NEW APPROACH TO PUBLIC POLICY MAKING

This article calculates the true savings of single-industry towns in Siberia and the Far East between 2011 and 2018. We propose a new classification of single-industry towns based on their results, considering sectoral specialization and true savings levels. Our viewpoint is that to make effective management decisions with regard to each single-industry town, it is necessary to organize field monitoring and investigation. The article suggests a possible structure of the field team report. The author's proposals on differentiated lines of state policy for each group of single-industry towns, which take into account the level of true savings in a single-industry town, sectoral specifics, distance to a major city, and strategic importance for the Russian Federation, have become the result of this research cycle.

Keywords: single-industry town; Siberia, the Far East; city-forming enterprise; sustainable development; true savings; public policy

For citation: Pyzheva, Yu.I. (2022). Monogoroda Sibiri i Dalnego Vostoka: novyy podkhod k formirovaniyu gosudarstvennoy politiki [Single-industry towns in Siberia and the Far East: a new approach to public policy making]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 4 (116), 244–271. DOI: 10.15372/REG20220410.

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, scientific project No. 19-010-00841. Work on the study of single-industry towns in the Arctic zone of Siberia and the Far East was carried out with the State Assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project No. FSRZ-2021-0011)

References

1. *Bobylev, S.N. & B.N. Porfiriev.* (2016). Ustoychivoe razvitie krupneyshikh gorodov i megalopolisov: faktor ekosistemnykh uslug [Sustainable development of largest cities and megalopolises: a factor of ecosystem services]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 6: Ekonomika* [Moscow University Economics Bulletin], 6, 3–21.
2. *Goncharov, A.Yu.* (2011). Modernizatsiya ekonomicheskoy sistemy monogoroda [Modernization of a mono-town's economic system]. *Regionalnaya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional Economics: Theory and Practice], 16, 58–60.
3. *Guseva, M.S. & Ju.R. Gabbasova.* (2017). Kompleksnoe razvitie monogorodov: opyt Samarskoy oblasti [Integrated development of single-industry towns: experience in Samara region]. *Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya)* [Ars Administrandi], Vol. 9, No. 1, 62–76. DOI: 10.17072/2218-9173-2017-1-62-76.
4. *Dulesov, A.N. & D.V. Bekhterev.* (2015). Klassifikatsiya monogorodov po ikh zhiznennomu tsiklu [Classification on monocities their life cycle]. *Fundamentalnye issledovaniya* [Fundamental Research], 10, Part 1, 161–165.
5. *Zheltnina, E.V.* (2011). Resursy predpriyatiy v reshenii sotsiokulturnykh i ekonomicheskikh problem monogoroda [Resources of the enterprises in decision social and cultural problems of the monocity]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Sotsialno-ekonomicheskie nauki* [Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Social and Economic Sciences], Vol. 11, No. 1, 125–128.
6. *Zamyatina, N.Yu. & A.N. Pelyasov.* (2015). Innovatsionnyy poisk v monoproyfilnykh gorodakh: blokirovki razvitiya, novaya promyshlennaya politika i dorozhnaya karta peremen [Innovating Search for Single-Industry Cities: Barriers to Development, a New Industrial Policy and the Action Plan]. Moscow, URSS Publ., 216.
7. *Zemlyansky, D.Yu. & S.V. Lamanov.* (2014). Stsenarii razvitiya monoproyfilnykh gorodov Rossii [Scenarios of development for the single industry towns in Russia]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 5: Geografiya* [Moscow University Bulletin. Series 5: Geography], 4, 69–74.
8. *Kolomak, E.A.* (2018). Gorodskaya sistema sovremennoy Rossii [The Urban System of Modern Russia]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 144.
9. *Kolomak, E.A.* (2018). Pochemu voznikayut i rastut goroda? Obyasneniya teoreticheskikh i empiricheskikh issledovaniy [Why cities emerge and grow? Explanations of theoretical and empirical studies]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], 2, 134–153. DOI: 10.14530/se.2018.2.134-153.
10. *Kolomak, E.A.* (2018). Razvitie gorodskoy sistemy Sibiri v postsovetitskiy period: prognozy i realnost [Development of the Siberian urban system in the post-Soviet period: predictions and reality]. *EKO* [ECO], 7 (529), 57–66.
11. *Kulay, S.V.* (2019). Zarubezhnyy opyt modernizatsii i restrukturalizatsii ekonomiki monogorodov [Foreign experience of single-industry towns modernization and eco-

monic restructuring]. Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik [E-Journal Public Administration], 73, 224–248.

12. *Malashenko, E.A. & G.E. Mekush.* (2020). Ponyatie «monogorod»: rossiyskiy i zarubezhnyy vzglyad [The concept of “single-industry city”: Russian and foreign views]. Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Geografiya. Geologiya [Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Geography. Geology], Vol. 6 (72), No. 3, 125–134.

13. *Uskova, T.V., L.G. Iogman, S.N. Tkachuk, A.N. Nesterov & N.Yu. Litvinova.* (2012). Monogorod: upravlenie razvitiem [Monotown: Development Management]. Vologda, Institute of Socio-Economic Development of Territories RAS Publ., 220.

14. *Monogoroda* Arkticheskoy zony RF: problemy i vozmozhnosti razvitiya: Analiticheskiy doklad [Monotowns of the Arctic Zone of the Russian Federation: Problems and Opportunities: Analytical report]. (2016). Center for Supporting the Activities of the State Commission on the Development of the Arctic; Institute of Applied Political Research. Moscow, 46.

15. *Pyzhev, A.I., E.A. Syrtsova & R.V. Gordeev.* (2018). Ustoychivost razvitiya monogorodov: novoe izmerenie [Sustainable development of single-industry towns: new measurement]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki [Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences], 3, 157–161. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-3-157-161.

16. *Pytkin, A.N. & I.Yu. Zagoruiko.* (2010). Kak sdelat ustoychivymi monogoroda? Postanovka problemy monogorodov: poisk resheniy nauchnym soobshchestvom [Formulating the problem of mono-industry towns: scientific community is looking for solutions]. Rossiyskoe predprinimatelstvo [Russian Journal of Entrepreneurship], 4-2, 132–137.

17. *Ilyina, I.N.* (Ed.). (2013). Razvitie monogorodov Rossii [Development of Monotowns in Russia]. Moscow, Financial University Publ., 168.

18. *Uskova, T.V.* (2018). O potentsiale razvitiya rossiyskikh territoriy [The potential of Russian territories' development]. Problemy razvitiya territorii [Problems of Territory's Development], 5 (97), 7–17. DOI: 10.15838/ptd.2018.5.97.1.

19. *Papenov, K.V., S.M. Nikonorov & K.S. Sitkina* (Eds.). (2019). Ustoychivoe razvitie gorodov: kollektivnaya monografiya [Sustainable Development of Cities: collective monograph]. Moscow, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, 288.

20. *Fomin, M.V., V.A. Bezverbny, I.S. Shushpanova, N.Yu. Mikryukov, E.A. Lukashenko & T.R. Miriazov.* (2020). Monogoroda Sibiri i Dalnego Vostoka Rossii: potentsial i perspektivy razvitiya [Company towns of the Siberia and Russian Far East: potential and development prospects]. Voprosy gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya [Public Administration Issues], 1, 137–165.

21. *Chaldaeva, L.A. & Yu.V. Skidanova.* (2016). Kriterialno-metodicheskiy podkhod k klassifikatsii monogorodov: teoriya i praktika [A criterion and methodological

approach to the classification of single-industry towns: theory and practice]. *Regionalnaya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional Economics: Theory and Practice], 4, 4–18.

22. *Shastitko, A.E. & A.F. Fatikhova.* (2015). Monogoroda: novyy vzglyad na staruyu problem [Monotowns: a new take on the old problem]. *Baltiyskiy region* [Baltic Region], 1 (23), 7–35.

23. *Dignard, L.A.* (1989). A Comparative Approach to the Study of Community and Work in Canadian Mining and Forestry Towns: A thesis submitted to the faculty of graduate studies and research. Ottawa.

24. *Drejerska, N.* (2015). Is sustainability possible in suburbs of big cities? – The example of Warsaw. In: W. Leal Filho, A. Úbelis, D. Bērziņa. (Eds.). *Sustainable Development, Knowledge Society and Smart Future Manufacturing Technologies*. World Sustainability Series. Cham, Springer.

25. *Gill, A.M.* (2002). Respecting context in Northern resource town planning: the case of Tumbler Ridge. *Western Geography*, 12, 113–129.

26. *Mawhinney, A.-M. & J. Pitblado.* (2009). Boom Town Blues – Elliot Lake: Collapse and Revival in a Single-Industry Community. Toronto.

27. *Ning, L. & F. Wang.* (2018). Does FDI environmental knowledge spillovers to developing countries? The role of the local industrial structure. *Environmental and Resource Economics*, Vol. 71, No. 2, 381–405.

28. *Rudacille, D.* (2010). *Roots of Steel: Boom and Bust in an American Mill Town*. New York.

29. *Sadler, D.* (1994). *Marginality in the New Europe*. Birmingham.

30. *Slavin, M.I.* (Ed.). (2011). *Sustainability in America's Cities. Creating the Green Metropolis*. Island Press, Washington, DC. DOI: 10.5822/978-1-61091-028-6.

31. *Leal Filho, W., A. Úbelis & D. Bērziņa.* (Eds.). (2015). *Sustainable Development, Knowledge Society and Smart Future Manufacturing Technologies*. World Sustainability Series. DOI: 10.1007/978-3-319-14883-0_24.

Information about the author

Pyzheva, Yuliya Ivanovna (Krasnoyarsk, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Docent, Leading Researcher at Siberian Federal University (79, Svobodny av., Krasnoyarsk, 660041, Russia). E-mail: ystartseva@sfu-kras.ru.

Поступила в редколлегию 22.04.2022.

После доработки 22.08.2022.

Принята к публикации 26.08.2022.

© Пыжева Ю.И., 2022

УДК 339.98

Регион: экономика и социология, 2022, № 4 (116), с. 272–301

А.С. Новоселов

ИССЛЕДОВАНИЯ СИБИРСКОЙ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ РЕГИОНАЛЬНОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

К 100-летию со дня рождения Р.И. Шнипера¹

В статье рассмотрены основные направления формирования сибирской научной школы регионального и муниципального управления, включающие исследование проблем регионального воспроизводства, экономической самостоятельности регионов, региональных предплановых разработок, программно-целевого подхода к управлению экономикой региона, комплексного регионального планирования, исследование конкурентных позиций регионов, закономерностей механизма взаимодействия хозяйствующих субъектов на территории, объективных условий и принципов управления социально-экономическими процессами в регионе.

В результате анализа и обобщения институциональных аспектов деятельности государственных и муниципальных органов управления, схем и процедур регионального планирования и прогнозирования выявлены особенности современной структуры управления, предложены направления формирования целостной системы управления региональным и муниципальным развитием, а также основные элементы механизма государственного и муниципального управления в новых условиях социально-экономического развития Российской Федерации. Рассмотрены ос-

¹ Роберт (Рувин) Исакович Шнипер (1922–1995) – выдающийся ученый-регионалист, доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист Российской Федерации, лауреат многих престижных научных премий и государственных наград, основатель сибирской научной школы регионального и муниципального управления.

новые положения концепции регионального и муниципального управления в современных условиях, включающие учет экономических интересов и противоречий развития экономики региона, взаимодействия государственных и рыночных структур, разработку институциональной системы управления региональным развитием, оценку эффективности управления экономикой региона, формирование социально-экономической среды, обеспечивающей усиление конкурентоспособности экономики городов и районов на основе повышения инвестиционной привлекательности и эффективного использования бюджетных средств, что позволит создать предпосылки для перехода к модели управления, обеспечивающей условия для реальной экономической самостоятельности муниципальных образований и повышения их роли в реализации экономической стратегии развития регионов.

Ключевые слова: регион; муниципальное образование; управление; региональный воспроизводственный процесс; институциональная структура; стратегическое планирование; согласование региональных интересов; эффективность управления

Для цитирования: Новоселов А.С. Исследования сибирской научной школы регионального и муниципального управления (К 100-летию со дня рождения Р.И. Шнипера) // Регион: экономика и социология. – 2022. – № 4 (116). – С. 272–301. DOI: 10.15372/REG20220411.

ВВЕДЕНИЕ

Решение проблем пространственного развития России и устранения диспропорций и противоречий в социально-экономическом развитии российских регионов и муниципальных образований требует более активного и действенного стратегического управления. Кроме того, ужесточение внешнеэкономических и внешнеполитических условий в связи с введением новых санкций также должно привести к осознанию необходимости усиления роли стратегического управления в решении экономических и социальных задач развития России и ее регионов. Сегодня, в условиях мировой пандемии и экономического кризиса, происходит структурная перестройка в системах управления на всех уровнях, поэтому проблема их модернизации

с целью повышения эффективности их деятельности остается актуальной.

Потребность в исследовании проблем стратегического регионального управления и обосновании его направлений в последнее время значительно возрастает. Это проявляется в повышении интереса к изучению вопросов теории и практики стратегического управления на уровне регионов и муниципальных образований, к поиску путей повышения эффективности и действенности государственного и муниципального управления, а также в научном обосновании принимаемых нормативных актов и положений, касающихся структур и механизмов стратегического управления процессами социально-экономического развития регионов.

Теоретические основы планирования и управления экономикой региона были заложены в трудах отечественных и зарубежных ученых-регионалистов еще во второй половине XX в. Эти исследования включали анализ закономерностей, принципов и факторов размещения производительных сил, изучение вопросов экономического районирования, разработку методов перспективного планирования и регулирования пространственного развития. Наиболее крупными авторитетами в среде советских и российских регионалистов были И.Г. Александров, М.К. Бандман, Н.Н. Баранский, Н.Н. Колосовский, Н.Н. Некрасов, В.С. Немчинов, А.Е. Пробст, Я.Г. Фейгин, Р.И. Шнипер.

Во второй половине XX в. на Западе сформировалась региональная наука, наиболее известными представителями которой являются У. Айзард, В. Алонсо, Х. Армстронг, У. Барнс, А. Куклинский, П. Нийкамп, Х. Ричардсон, Д. Смит, Дж. Тейлор. В рамках этого синтетического научного направления, включающего в себя региональное стратегическое планирование, прогнозирование и управление, регионы изучались как целостные системы и приоритет отдавался междисциплинарным исследованиям.

Современные проблемы стратегического регионального управления привлекают внимание многих исследователей и практических работников, связанных с решением конкретных задач регионального развития. Следует отметить работы А.Г. Гранберга, В.Н. Лексина, В.Я. Любовного, П.А. Минакира, Н.Н. Михеевой, В.Е. Селиверстова,

В.И. Суслова, А.И. Швецова, а также зарубежных исследователей Р. Беннета, Л. Берга, Р. Бингхэма, Е. Блэйкли, Дж. Блэира, Р. Болдуина, Е. Брауна, Дж. Кристенсона, П. Кругмана, Л. Ледебура, Р. Майера, К. Роббинса, М. Сторпера, П.Хили и др. [6; 12; 14; 20; 21; 28; 40].

Становление теории регионального управления находится в стадии интенсивного развития. По некоторым теоретическим и методологическим вопросам у экономистов еще не сложилось единого мнения, не определилось и терминологическое единство. В современных работах по проблемам регионального управления регион исследуется как многофункциональная и многоаспектная система. Наибольшее распространение получили четыре парадигмы: «регион-квазигосударство», «регион-квазикорпорация», «регион-рынок», «регион-социум» [6]. Проводя сравнительный анализ различных научных школ и подходов к исследованию проблем управления региональным развитием, следует отметить, что они опираются на достижения макро- и микроэкономики, институциональной экономики и других направлений современной экономической науки. Сходство региональной и национальной экономик определяет возможности применения к управлению регионом макроэкономических выкладок, таких как производственные факторы, занятость и доходы. Концепции региональной макроэкономики ближе к парадигме «регион-квазигосударство». Микроэкономические разработки, как правило, используются тогда, когда интерпретация региона в качестве «точки» или «однородного пространства» недостаточна и когда необходимо выявлять внутренние различия. Теория и методология микроэкономического анализа в большей мере соответствуют парадигмам «регион-квазикорпорация» и «регион-рынок». Эволюция теорий и методологических подходов к анализу проблем регионального управления отражает повышение роли социальных целей и факторов экономического развития, расширение возможностей междисциплинарных исследований и императив перехода регионов на модель устойчивого развития.

Анализ мировой экономической литературы показывает, что формирование теорий и подходов к исследованию проблем управления экономикой региона проходило в несколько этапов. На первом этапе основное внимание уделялось планированию производственной сис-

темы региона и управлению процессами его формирования, а также отдельным элементам региональных финансовых отношений. На втором этапе усложнение экономических связей в рыночной системе, с одной стороны, и развитие экономико-математических методов исследования – с другой, привели к появлению работ, посвященных анализу взаимосвязей и управления внутри- и межрегиональными товарными и финансовыми потоками. С развитием информационных систем в экономике в сферу планово-управленческой деятельности были включены информационные потоки, связанные с товарообменными и финансово-кредитными операциями между субъектами экономики региона, а также с оказанием различных информационных услуг. На третьем этапе под влиянием процессов глобализации и интернационализации экономики появилось большое количество работ, посвященных анализу процессов интеграции регионов в мировую экономическую систему и управления ими. Параллельно с этими исследованиями активно развивается направление, предполагающее применение системного подхода к управлению экономикой региона. В рамках этого направления получил распространение системно-структурный подход, который предусматривает анализ товарных, финансовых и информационных потоков в региональной экономике на основе различных модификаций моделей материально-финансовых балансов и матриц взаимодействия экономических субъектов: предприятий сферы производства, торговли, финансово-кредитной сферы, домашних хозяйств, региональных органов управления и др. [41–45].

ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ РЕГИОНАЛЬНОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Современная научная школа регионального и муниципального управления начала формироваться в условиях советской системы планирования при приоритете отраслевого принципа управления и отраслевых распределительных отношений. Не только объекты производственной сферы, но и подавляющая часть жилья, учреждений здравоохранения, образования, культуры строились и содержа-

лись за счет средств крупных предприятий. В этой ситуации развитие региональной экономики представляло собой результат суммы принятых отраслевых решений, а непосредственным объектом управления было так называемое местное хозяйство. В тот период под руководством д.э.н. Р.И. Шнипера в Институте экономики и организации промышленного производства начала создаваться новая научная школа регионального управления, в исследованиях появились такие понятия, как региональные комплексные программы, комплексное региональное планирование, сбалансированное развитие региональных систем, экономические противоречия между интересами различных региональных структур и их учет в управлении, механизм сочетания интересов развития отрасли и территории и др. В этих исследованиях нашли отражение научные идеи, послужившие основой для разработки современных проблем регионального управления, в них впервые были поставлены проблемы экономической самостоятельности регионов, расширения использования метода регионального хозрасчета, который должен был стать не только преобладающим методом хозяйствования, но и основой новой модели взаимодействия отрасли и территории [1].

Р.И. Шнипером впервые были сформулированы идеи воспроизводственного подхода к управлению экономикой региона [39], которые получили развитие в последующих работах [4; 10; 11]. Этот подход позволяет определить предмет регионального управления как совокупность относительно локализованных воспроизводственных циклов, присущих регионам различного ранга. Идеи, которые были выдвинуты в этих исследованиях, востребованы именно сейчас, когда регионы различного ранга ищут свое место в пространственной системе страны и финансовые источники для своего развития. Нужно подчеркнуть, что именно в этих работах впервые функции регионов различных рангов рассматривались во взаимозависимости с их бюджетами, которые должны быть финансовой основой реализации их функций. Эти работы сейчас еще более актуальны, чем тогда, поскольку в них ставится вопрос о формировании системы стратегических плановых и предплановых разработок как необходимого условия эффективного управления на любом уровне [36]. И региональная

экономика в этом случае не является исключением. Система региональных плановых и предплановых разработок сегодня, безусловно, нуждается в переосмыслении, и речь идет о формировании новой системы регионального и муниципального управления, объективно отражающей современные реалии [8]. Оригинальными были и результаты теоретических исследований научной школы регионального и муниципального управления по проблемам использования программно-целевого подхода в управлении экономикой, практической основой которых послужили исследования по таким крупным проектам, как хозяйственное освоение зоны БАМ, развитие производительных сил Срединного региона, интенсификация развития южной зоны Западной Сибири и др.²

Проводимые теоретические исследования не были абстрактными, а базировались на обобщении опыта конкретных прикладных разработок. Коллективом научных сотрудников отдела регионального и муниципального управления ИЭОПП были проведены Обь-Иртышская научная экспедиция, комплексное обследование областей и краев Сибири в связи с подготовкой научного доклада «Проблемы и перспективы развития международных экономических связей регионов Сибири», научная экспедиция в целях разработки комплексной схемы экономического и социального развития Республики Кабардино-Балкарии на долгосрочную перспективу, разработаны комплексные программы социально-экономического развития регионов Сибири – Новосибирской, Омской, Кемеровской областей, Алтайского края, Республики Бурятии, Республики Алтай и др. [9; 32]. Был подготовлен цикл монографий по методологии регионального программного планирования, позволяющий считать сибирскую научную школу одной из ведущих в теории регионального управления в стране [24; 34; 37].

Работы по анализу проблем комплексного регионального планирования [10] и экономических методов регионального управления

² В исследованиях принимали участие А.Г. Аганбегян, Р.И. Шнипер (научные руководители), В.А. Василенко, Е.Б. Кибалов, А.А. Кин, А.А. Кисельников, Н.И. Ларина, В.Л. Лысенко, А.С. Маршалова, Е.А. Марчук, А.С. Новоселов, М.И. Попов, Г.А. Унтура, А.К. Ушаков, Ю.А. Фридман и др.

[35] отражают целостность и взаимосвязанность воспроизводственного и программного подходов в системе управления. Системное описание социально-экономической среды региона, экономических противоречий и условий рыночного взаимодействия участников регионального воспроизводственного процесса показало необходимость разработки и освоения новых экономических и финансовых методов их регулирования. В частности, наиболее интересна и актуальна в настоящее время разработка специальной матрицы экономических интересов субъектов хозяйствования в регионе и финансово-экономического баланса региона.

Исследования в рамках научной школы регионального и муниципального управления были тесно интегрированы с системой высшего и послевузовского образования: экономическим факультетом Новосибирского государственного университета, специальным факультетом НГУ, Сибирской академией государственной службы, Сибирским университетом потребительской кооперации, Новосибирским университетом экономики и управления и др., в которых сотрудниками отдела регионального и муниципального управления ИЭОПП СО РАН читались авторские курсы «Управление экономикой региона», «Региональные комплексные программы», «Основы теории регионального воспроизводства», «Региональные рынки» и др.

Экономические реформы сегодняшних дней обострили актуальность и обусловили востребованность научных результатов сибирской научной школы регионального и муниципального управления по проблемам региональных рынков и взаимодействия субъектов региональной экономики, опубликованных в работах [38; 39], в которых излагается концепция формирования и функционирования различных видов региональных рынков³. Идеи, содержащиеся в этих научных трудах, послужили основой для построения концепции современной рыночной экономики в крупных регионах России. В период кардинальных общественно-экономических преобразований были начаты

³ В исследованиях проблем развития региональных рынков Сибири принимали участие А.Г. Гранберг, Р.И. Шнипер (научные руководители), А.Р. Бернвальд, Г.Д. Ковалева, В.Л. Лысенко, А.С. Маршалова, Л.П. Наговицина, А.С. Новоселов, В.В. Петухов, Г.А. Унтура, А.А. Чернышев и др.

исследования конкурентных позиций регионов и их инвестиционных рейтингов, было предложено проанализировать конкурентные позиции и мотивации социально-экономического и инновационного развития отдельных регионов, а также изучить зоны риска экономической деятельности, присущие рыночной экономике [11; 34]. Таким образом, в центре внимания были именно те проблемы, решение которых сегодня стало приоритетным в экономической политике государства. В последующих работах многие ранее упомянутые темы были дополнены, объединены и нацелены на разработку принципиально новой методологии стратегического управления социально-экономическим развитием регионов и муниципальных образований⁴.

ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЙ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ РЕГИОНАЛЬНОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

В начале XXI в. развитие экономики регионов России характеризуется возрастанием межрегиональной конкуренции, усиливаются взаимосвязанность и взаимозависимость регионов, являющихся подсистемами глобальной экономической системы. Несмотря на серьезные внешнеэкономические санкции, закономерности территориального разделения труда оказывают объективное воздействие на региональную экономику и региональное управление. Поскольку регионы являются открытыми системами, это предполагает тесные взаимозависимости процессов формирования финансовых, трудовых, информационных ресурсов. Все более важными факторами развития регионов становятся участие в территориальном и международном разделении труда и усиление конкурентных позиций регионов. В связи с этим возникает необходимость в новом подходе к управлению на региональном и муниципальном уровнях и в разработке методов регулирования процессов социально-экономического развития регионов.

⁴ В исследованиях принимали участие О.П. Бурматова, В.А. Василенко, Е.Е. Горяченко, С.С. Гузнер, А.А. Кисельников, Г.Д. Ковалева, А.П. Кулаев, Н.И. Ларина, А.С. Маршалова, Е.А. Марчук, А.С. Новоселов, В.В. Пушкарев, Т.Г. Ратьковская, Г.А. Унтруа и др.

Цель исследований научной школы регионального и муниципального управления в настоящее время состоит в том, чтобы на основе анализа закономерностей формирования системы управления экономикой регионов и особенностей развития и преобразования отечественной и мировой экономики разработать концепцию стратегического управления региональным и муниципальным развитием, предполагающую модернизацию планово-прогнозной деятельности и институциональной системы управления.

Для достижения этой цели поставлены следующие задачи:

- исследование проблем пространственного развития как элемента стратегического регионального управления;
- обоснование роли системы регионального и муниципального управления в формировании социально-экономической среды и конкурентных преимуществ региона;
- анализ противоречий социально-экономического развития региона и возможностей их учета в региональном и муниципальном управлении;
- разработка новых концептуальных подходов к региональному и муниципальному управлению социально-экономическим развитием;
- разработка методологических основ стратегического планирования в субъектах Российской Федерации и муниципалитетах;
- исследование внешнеэкономических связей регионов в условиях санкционных ограничений;
- анализ проблем управления социально-экономическим развитием региона в условиях новой парадигмы природоохранной деятельности.

Данные исследования отличаются от других отечественных и зарубежных работ тем, что в их основе лежит методология регионального воспроизводственного подхода, впервые предложенная Р.И. Шнипером и развиваемая в ИЭОПП СО РАН. Представители сибирской научной школы считают основой новой модели регионального и муниципального управления формирование социально-экономической

среды, обеспечивающей усиление конкурентоспособности экономики городов и районов, что позволит создать необходимые условия для укрепления финансового потенциала и устойчивого развития регионов и муниципальных образований. Новизна этого подхода состоит в разработке концепции регионального и муниципального управления на основе модернизации планово-прогнозной деятельности и применения механизма управления по результату, обеспечивающей условия для реальной экономической самостоятельности и повышения активности муниципальных образований в реализации социально-экономической стратегии.

Особенностью методологического подхода являются комплексность и междисциплинарность исследования, осуществляемого на стыке региональной экономики, теории управления, экономики устойчивого развития. На основе системного подхода к региональному и муниципальному управлению интегрируются в единый исследовательский комплекс методы, используемые в различных научных направлениях: математические методы, применяемые в региональной экономике, построение концептуальных моделей, методы экспертного анализа, статистические методы обработки информации. Для анализа процессов, происходящих в экономике регионов и муниципальных образований, используется методический аппарат, предназначенный для проведения комплексных междисциплинарных исследований в областях и городах Сибири, разработанный в отделе регионального и муниципального управления ИЭОПП СО РАН.

Анализ современного состояния исследований проблем регионального и муниципального управления позволяет констатировать следующее:

- основные элементы институциональной системы регионов недостаточно изучены, особенно с точки зрения подготовки к переходу к новой модели регионального управления;
- системно не проанализированы полномочия органов власти иерархической системы территориального управления;
- не обоснованы экономические, социальные и финансовые нормативы, которые должны выполнять функции финансово-эко-

номических инструментов, обеспечивающих достижение целей и выполнение задач комплексного социально-экономического развития регионов;

- в исследованиях отдельных звеньев механизма управления экономикой региона отсутствуют системность и программно-целевой подход, которые необходимы для перехода на новую модель регионального и муниципального управления;
- недостаточно глубоко исследованы проблемы разделения полномочий между уровнями власти с учетом экономической и финансовой базы муниципальных образований.

Оценка хода реализации экономических реформ в Российской Федерации показывает, что региональный и муниципальный уровни управления недостаточно подготовлены к переходу к новым отношениям между субъектами региональной экономики. Это связано не только с противоречиями между законодательной основой, финансово-экономическим положением регионов и муниципальных образований и неопределенностью их места в сложившейся системе управления, но и с отсутствием системы стратегического регионального планирования, объективно отражающей интересы и функции регионального звена системы управления, а также с недостаточными результативностью и эффективностью управления.

Российская система управления, ее институты и инструменты управления длительное время были не в состоянии обеспечить решение основных задач, определяющих эффективность социально-экономического развития страны, ее регионов и муниципальных образований. К числу этих задач относятся прежде всего формирование спроса на инновационную продукцию, привлечение инвестиций для производства наукоемкой продукции и модернизации традиционных отраслей российской экономики, равномерное пространственное развитие, гарантирующие эффективное использование ресурсного потенциала регионов и муниципальных образований. Неспособность обеспечить решение этих задач может приводить к технологическому отставанию российской экономики в ряде отраслей

и сохранению гипертрофированной зависимости от развития сырьевого сектора и колебаний спроса и цен на сырье на внешнем рынке. Поэтому бесспорна необходимость изменений в системе управления региональным и муниципальным развитием и формирования таких институциональных структур, которые бы адекватно отражали цели стратегического развития региона и его муниципальных образований и были способны обеспечить их реализацию.

В настоящее время в условиях новых внешнеэкономических санкций происходит эволюция понимания значимости системы стратегического управления как определяющего фактора эффективности социально-экономического развития России и ее регионов. Но судя по неизменности организационной структуры российской системы управления, это понимание дошло пока далеко не до всех органов и лиц, принимающих управленческие решения. Современная экономическая политика, которая периодически формулируется в различных долгосрочных концепциях, стратегиях, дорожных картах, к сожалению, не опирается на четкую институциональную систему управления, способную обеспечить реализацию этой политики. Поэтому декларируемая модернизация экономики сменяется курсом на инновационное развитие, вслед за которым идет курс на реиндустриализацию экономики. Без четкого представления о новой модели российской экономики в условиях жестких санкционных ограничений и без формирования адекватной ей эффективной системы управления период модернизации может затянуться надолго.

В научной экономической литературе рассматриваются различные уровни системы управления – федеральный, региональный и муниципальный, которые различаются между собой по объекту и субъектам регулирования, масштабам решаемых задач, используемым методам и механизмам привлечения инвестиционных ресурсов. При этом справедливо отмечается, что региональные органы власти выступают в двоякой роли: как объекты федеральной региональной политики (в части управления социально-экономическим развитием региона в целом) и одновременно как основные субъекты федеральной политики (в части территориальной организации хозяйства

и условий жизнедеятельности населения региона). Вместе с тем недостаточно глубоко исследованы проблемы разделения полномочий между уровнями власти и возникающие в связи с этим противоречия, связанные со слабой обеспеченностью экономической и финансовой базы регионов и муниципальных образований.

Исследования процессов регионального и муниципального управления в субъектах Федерации и городах Сибири показали, что принципиально важным при распределении полномочий управления между территориями различных рангов (республика, область, город, район) является положение о том, что совокупность региональных воспроизводственных циклов, пространственно локализованных на территории определенного ранга, должна определять круг функций и полномочий того или иного уровня власти. Критерий распределения социально-экономических функций управления между различными уровнями территориальной системы – степень локализации использования результатов выполняемых функций. Не масштабы и количественные параметры социально-экономического развития, а совокупность осуществляемых функций должна стать отличительной особенностью административно-территориальных образований различных рангов. Такой подход к решению данной проблемы позволяет конкретизировать ответственность за решение социально-экономических задач на каждом уровне регионального управления [22–24; 31].

На территории региона пересекаются социально-экономические интересы государства, бизнеса, различных слоев населения и самого региона, поэтому для обоснования объекта управления на региональном уровне прежде всего необходимы четкое распределение полномочий и функций управления между всеми институциональными структурами, представленными на территории данного региона, создание достоверной информационной статистической базы, отражающей функции регионального управления, и наличие эффективных методов взаимодействия различных структур территориальной системы. В результате исследований были выявлены основные проблемы и противоречия социально-экономического развития, возникшие

на стыке интересов различных институциональных структур региональной экономики. Было обосновано, что разрешение противоречий между интересами и возможностями различных общественно-экономических структур и достижение поставленных целей составляют предмет регионального стратегического управления, а различия экономических интересов субъектов регионального воспроизводственного процесса имеют объективный характер. Исследования показали, что любой регион как воспроизводственная система идентифицируется как совокупность взаимодействующих структур – субъектов общественно-экономической деятельности, включая федеральные структуры (представляющие органы государственной власти), межрегиональные структуры (ассоциации, объединения регионов), региональные структуры (органы управления социально-экономическим развитием территории), бизнес-структуры, общественные организации и др. Было показано, что в основе экономических противоречий между интересами субъектов лежит ограниченность региональных ресурсов (земельных, энергетических, инфраструктурных, трудовых, финансовых) и что стратегическое управление играет решающую роль в предупреждении и разрешении противоречий между экономическими интересами различных структур, участвующих в процессе регионального воспроизводства, и в обеспечении баланса интересов [19; 26; 29].

Проведенные исследования позволили обобщить опыт разработки региональных программ с позиций задач управления внешнеэкономическими связями субъектов Федерации. При этом большое внимание уделено институциональной сфере в части взаимодействия регионов с внешним миром в условиях международных интеграционных объединений. Мировые процессы, смена технологического уклада, динамическая реструктуризация мирового спроса и влияние экономических циклов на экономический потенциал страны и регионов вносят постоянные трансформации в характер внешнеэкономической деятельности, меняют ее формы и акценты. Возникают созвучные времени новые задачи, выдвигаются на передний план новые области исследования причинно-следственных факторов и направле-

ний развития региональной внешнеэкономической деятельности. Исследования включают характеристику текущего состояния внешнеэкономической деятельности, условий и возможностей ее осуществления – инфраструктуры (транспортной доступности, современной логистики, связи, системы расчетов, внешнеторговой инфраструктуры и др.), сферы регулирования и контроля, что приобретает особую актуальность в период действия внешнеэкономических санкций [9; 32].

Практическим результатом исследований является научно обоснованная долгосрочная стратегия с вытекающими из нее среднесрочной и краткосрочной программами развития внешнеэкономической деятельности региона. В условиях санкционной политики западных стран стратегической целью внешнеэкономической деятельности региона становятся развитие внешнеэкономических связей с дружественными странами на принципах взаимовыгодного партнерства и повышение их эффективности посредством создания стимулов для инновационного, экономического и социального роста, обеспечения новых рабочих мест, увеличения налогооблагаемой базы, расширения рынка сбыта товаров и услуг, привлечения на территорию финансовых ресурсов, новых технологий и опыта в экономической, социальной и управленческой сферах, укрепления культурных, научных и деловых контактов.

В ходе исследования проблем стратегического планирования и управления регионом были проанализированы возможные направления прогнозирования экологических последствий хозяйственной деятельности в регионе при разработке стратегии природоохранной деятельности, включая ряд актуальных проблем, касающихся развития взглядов на выбор приоритетных направлений природоохранной деятельности, анализа институциональных аспектов формирования экологической политики в регионах России, возможностей и ограничений перехода на принцип наилучших доступных технологий [2; 3; 29]. В рамках данного исследования изучены проблемы, отражающие взаимосвязь экономического развития и экологических требований. Показано, что такая взаимосвязь невозможна без

выработки принципиально новой стратегии природопользования, которая призвана изменить экономические отношения по поводу использования природных ресурсов и охраны окружающей среды таким образом, чтобы было экономически выгодно заниматься воспроизводством качества окружающей среды. Данные экономические отношения нацелены на замену потребительского подхода к природе подходом природосберегающим, на соизмерение неограниченных потребностей общества в природных ресурсах с ассимиляционным потенциалом природной среды, а также на обеспечение роста качества жизни людей в пределах экологических возможностей планеты.

РАЗРАБОТКА КОНЦЕПЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

Проблема социально-экономического развития регионов России связана с главным фактором, определяющим благополучие любого региона, – наличием эффективной системы регионального управления. Эффективность системы регионального управления зависит от ее способности обеспечивать реализацию приоритетных целей социально-экономического развития региона на основе рационального использования его ресурсного потенциала. Достижение главной цели развития региона – повышение уровня и качества жизни его населения связано с решением таких задач, как создание привлекательного инвестиционного климата в регионе, развитие современной конкурентоспособной экономики, пространственное развитие региона, обеспечивающее эффективное использование ресурсного потенциала, сокращение неоправданно высокой дифференциации в социально-экономическом развитии муниципальных образований.

Трансформация общественно-экономических отношений в условиях жесткого санкционного давления со стороны западных стран требует создания методологии регионального управления, адекватно отражающей новую институциональную и финансово-экономическую среду и отношения между ее элементами. Основой новой кон-

цепции регионального и муниципального стратегического управления является формирование институциональной среды, обеспечивающей усиление конкурентоспособности экономики регионов, городов и районов, что позволит создать необходимые условия для роста финансового потенциала и устойчивого развития регионов и муниципальных образований. Поскольку система управления региональным развитием представляет собой совокупность трех взаимосвязанных подсистем – институциональных структур, планово-прогнозных документов (определяющих цели и стратегические направления развития) и инструментов воздействия на социально-экономическую систему, ее эффективность будет зависеть от взаимосвязанности этих подсистем, их взаимной непротиворечивости и способности обеспечить сочетание интересов всех взаимодействующих участников регионального воспроизводственного процесса. С учетом многоукладности экономики, определяющей роли рыночных отношений сама система управления должна формироваться на основе сочетания экономических и административных методов управления, поскольку, как показывает мировая практика, многие актуальные проблемы одними лишь рыночными методами не решаются.

В настоящее время проблемы формирования концепции регионального стратегического управления исследуются в различных аспектах. Это отношения между элементами институциональной системы управления экономикой региона, обеспечение комплексного социально-экономического развития региона, согласование интересов государства и регионов, решение проблем социально-экономического развития региона на основе использования его конкурентных преимуществ, региональные аспекты реализации различных направлений социально-экономической политики, вопросы интеграции и самостоятельности регионов в едином экономическом пространстве, проблемы неравенства в социальном и экономическом развитии регионов и роль органов управления в гармонизации пространственного развития страны [33].

В рамках дальнейшего развития воспроизводственного подхода к управлению регионом получены новые научные результаты в области совершенствования управления социально-экономическими

процессами, включающие разработку системной диагностики и прогнозирования развития территории, методов государственного регулирования рыночных процессов, определение приоритетов социально-экономической и финансовой политики региона, выработку принципов его устойчивого развития и методов взаимодействия государственных и рыночных структур и др. [5; 15; 17; 18].

При отсутствии схем рационального размещения производства и комплексного социально-экономического пространственного развития в современных условиях необходимы новые методы решения проблем пространственного размещения экономики, определения специализации территорий и развития кооперационных связей. Жесткая конкурентная среда требует новых подходов к разработке стратегических направлений развития экономики регионов и муниципальных образований, позволяющих реализовывать их конкурентные преимущества, и таким современным подходом является кластерный подход, обеспечивающий создание эффективных региональных экономических структур, способных осуществлять свою деятельность в условиях постоянно растущей конкуренции [13; 29].

В ходе исследования были выявлены конкурентные преимущества территории, учитываемые при разработке стратегии развития субъекта Федерации, разработаны методологические положения концепции регионального и муниципального управления на основе модернизации планово-прогнозной деятельности и механизма проектного управления (на примере регионов Сибирского федерального округа), выявлены главные проблемы стратегического планирования в субъектах Федерации и муниципалитетах (от постановки проблемы к законодательному решению) [26; 27; 29].

В результате анализа основных предпосылок разработки и реализации региональной политики в системе экономики России в соответствии с признанными целями и задачами государственного управления регионами были определены основные приоритеты региональной политики. Следует особо подчеркнуть, что в современных условиях среди механизмов реализации стратегий социально-экономического развития регионов РФ выделяются экономическая политика органов власти региона, бюджет региона, механизм

государственно-частного партнерства, региональные целевые программы, система федеральных целевых программ и другие инструменты целевого финансирования из средств федерального бюджета [13; 25; 30].

Проведенное исследование позволило выделить основные этапы формирования концепции регионального и муниципального управления, последовательность и содержание которых обусловлены не столько логикой самого процесса регионального развития, сколько логикой изменения общественных условий развития страны. Показаны возможные источники финансового обеспечения региона, среди которых важнейшее значение имеют ресурсы бюджетов всех уровней управления. В настоящее время выделяются два основных приоритета долгосрочного социально-экономического развития России: создание инновационной экономики и развитие человеческого капитала, включая повышение качества жизни населения. Одним из важнейших путей достижения данных целей должна стать реиндустриализация экономики как новая модель экономического развития, отвечающая современным технологическим вызовам [7; 16].

В рамках разработки научных основ концепции регионального и муниципального управления предложены критерии повышения эффективности институциональной системы регионального управления, включающие приближение показателей качества регионального управления к уровню развитых регионов, обеспечение высоких стандартов государственных и муниципальных услуг, повышение эффективности закупок для государственных нужд, снижение затрат субъектов региональной экономики на получение государственных услуг, повышение уровня удовлетворенности потребителей качеством и доступностью государственных услуг, сокращение издержек бизнеса, связанных с избыточным государственным регулированием, снижение коррупционных потерь в экономике. Обосновано, что конечными результатами реализации концепции регионального и муниципального управления должны стать повышение конкурентоспособности экономики региона, улучшение инвестиционного климата, рост качества жизни, повышение управляемости на региональном и муници-

пальном уровнях, рост эффективности бюджетных расходов, упрочение согласия регионального сообщества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе обобщения опыта практической деятельности региональных и муниципальных органов управления, схем и процедур планирования и прогнозирования предложены методологические подходы к формированию концепции регионального и муниципального управления, предполагающие усиление целевой направленности управления, формирование новых структур регионального и муниципального уровней, взаимодействие государственных, общественных структур и бизнес-структур. Определены приоритетные задачи совершенствования системы управления, включающие модернизацию планово-прогнозной деятельности субъектов Федерации и переход к управлению по результатам при отборе региональных проектов и их бюджетном финансировании в ходе реализации.

Полученные выводы и результаты исследования проблем регионального и муниципального управления могут иметь как теоретическую, так и прикладную значимость. Речь идет о реализации новых методологических подходов к региональному и муниципальному управлению, включающих развитие идеи стратегического подхода к управлению регионом, разработку элементов нового механизма управления социально-экономическими процессами в регионе, эффективных методов государственного регулирования региональной экономики, методов повышения конкурентоспособности экономики регионов, формирования региональной инфраструктуры, решения эколого-экономических проблем регионов и муниципальных образований. Практическая значимость результатов исследования, выводов и рекомендаций состоит в том, что они послужат основой для выработки предложений федеральным и региональным органам власти по совершенствованию нормативно-правовой базы и разработке программ, затрагивающих интересы регионального управления и местного самоуправления.

*Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект
«Региональное и муниципальное стратегическое планирование
и управление в контексте модернизации государственной региональной
политики и развития цифровой экономики», № 121040100283-2*

Список источников

1. Аганбегян А.Г., Шнипер Р.И. Региональные комплексные программы (на примере Сибири) // Программно-целевое управление социалистическим производством: вопросы теории и практики. – М.: Экономика, 1980. – С. 83–110.
2. Бурматова О.П. Методология и инструментарий анализа эколого-экономических аспектов регионального развития. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2021. – 441 с.
3. Василенко В.А. Устойчивое развитие регионов: подходы и принципы. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2008. – 208 с.
4. Винярски Б., Шнипер Р.И., Новоселов А.С. Воспроизводственный аспект планового управления региональными системами. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО АН СССР, 1989. – 52 с.
5. Гайдук Е.А., Ковалева А.Е. Муниципальное образование в системе программного управления. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2013. – 230 с.
6. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 495 с.
7. Канева М.А., Унтура Г.А. Модели оценки влияния экономики знаний на экономический рост и инновации регионов. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2021. – 255 с.
8. Кисельников А.А., Новоселов А.С., Унтура Г.А. Предплановые исследования в регионах: опыт научных разработок в Новосибирской области // Регион: экономика и социология. – 2007. – № 3. – С. 10–28.
9. Ковалева Г.Д. Стратегия внешнеэкономической деятельности Новосибирской области на перспективу до 2025 г.: Программный подход к управлению. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2007. – 72 с.
10. Комплексное региональное планирование: вопросы методологии / Шнипер Р.И., Маршалова А.С., Лысенко В.Л. и др. – Новосибирск: Наука, 1988. – 336 с.
11. Конкурентоспособность и стратегические направления развития региона / Маршалова А.С., Ковалева Г.Д., Унтура Г.А. и др. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2008. – 527 с.
12. Кулешов В.В., Селиверстов В.Е., Суслов В.И., Суслицын С.А. Сибирская школа региональных исследований в Программе Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез» // Регион: экономика и социология. – 2012. – № 2. – С. 3–23.
13. Ларина Н.И. Региональная экономическая политика властей разного уровня: цели, средства, результат. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2008. – 352 с.

14. *Лексин В.Н.* Региональная действительность и региональные исследования // Регион: экономика и социология. – 2014. – № 2 (82). – С. 7–38.
15. *Методологические* положения разработки стратегий и программ социально-экономического развития муниципальных образований. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2015. – 84 с.
16. *Проблемы* инновационного управления экономикой регионов Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2015. – 319 с.
17. *Проблемы* регионального и муниципального управления. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2011. – 405 с.
18. *Проблемы* стратегического управления экономикой региона. – Новосибирск: СибГУТИ, 2010. – 239 с.
19. *Проблемы* управления социально-экономическим развитием регионов Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2013. – 344 с.
20. *Пространственное* развитие современной России: тенденции, факторы, механизмы, институты / Под ред. Е.А. Коломак. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2020. – 500 с.
21. *Пространственный* аспект стратегии социально-экономического развития региона / Маршалова А.С., Ларина Н.И., Ковалева Г.Д. и др. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2006. – 406 с.
22. *Пушкарев В.М.* Диагностика и прогнозирование деятельности муниципального образования. – Новосибирск: СибАГС, 2007. – 71 с.
23. *Ратьковская Т.Г.* Социальная инфраструктура Сибири: вопросы исследования и развития. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2010. – 175 с.
24. *Регион: проблемы* планирования и управления / Маршалова А.С., Кисельников А.А., Пушкарев В.М. и др. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2002. – 392 с.
25. *Региональная* экономическая политика субъекта Федерации / Маршалова А.С., Ратьковская Т.Г., Унтура Г.А. и др. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2010. – 520 с.
26. *Региональное и муниципальное* управление: диагностика, планирование и мониторинг социально-экономического развития регионов Сибири / Маршалова А.С., Ковалева Г.Д., Суспицын С.А. и др. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2016. – 487 с.
27. *Региональное и муниципальное* управление социально-экономическим развитием в Сибирском федеральном округе / Маршалова А.С., Ковалева Г.Д., Кулаев А.П. и др. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2014. – 400 с.
28. *Селиверстов В.Е.* Сибирская школа стратегического планирования / Под ред. В.В. Кулешова. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2016. – 199 с.
29. *Стратегическое* управление региональным и муниципальным развитием / Маршалова А.С., Бурматова О.П., Ковалева Г.Д. и др. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2018. – 496 с.

30. *Субфедеральная экономическая политика: проблемы разработки и реализации в Сибирском федеральном округе* / Маршалова А.С., Ковалева Г.Д., Унтура Г.А. и др. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2012. – 408 с.
31. *Субъекты Федерации и города Сибири в системе государственного и муниципального управления* / Маршалова А.С., Пушкарев В.М., Горяченко Е.Е. и др. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2005. – 420 с.
32. *Управление социально-экономическими процессами региона* / Маршалова А.С., Кисельников А.А., Ковалева Г.Д. и др. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. – 300 с.
33. *Управление социально-экономическим развитием регионов Сибири* / Новоселов А.С., Ковалева Г.Д., Ратьковская Т.Г. и др. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2020. – 420 с.
34. *Шнипер Р.И.* Регион: диагностика и прогнозирование. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 1996. – 135 с.
35. *Шнипер Р.И.* Регион: Экономические методы управления. – Новосибирск: Наука, 1991. – 315 с.
36. *Шнипер Р.И.* Региональные предплановые исследования (экономический аспект). – Новосибирск: Наука, 1978. – 367 с.
37. *Шнипер Р.И., Воевода И.Н., Гузнер С.С.* Региональная программа и принципы ее разработки. – Новосибирск: Наука, 1986. – 294 с.
38. *Шнипер Р.И., Новоселов А.С.* Проблемы рынокообразования в районах Севера. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 1994. – 45 с.
39. *Шнипер Р.И., Новоселов А.С.* Региональные проблемы рынковедения: экономический аспект. – Новосибирск: Наука, 1993. – 442 с.
40. *Blair J.P., Carroll M.C.* Local Economic Development: Analysis, Practices, and Globalization. – London: Sage, 2008. – 328 p.
41. *Desmet K., Rossi-Hansberg E.* Spatial development // *American Economic Review*. – 2014. – Vol. 104, Iss. 4. – P. 1211–1243.
42. *Environment and Planning*. Vol. C: Government and Policy / Ed. by R.J. Bennett. – London: Sage, 2012. – 540 p.
43. *McGrath R.J.* The rise and fall of radical civil service reform in the US states // *Public Administration Review*. – 2013. – Vol. 73, Iss. 4. – P. 638–649.
44. *Seltzer E., Carbonell A.* Regional planning in America: planning regions // *Regional Planning in America: Practice and Prospect* / Ed. by E. Seltzer, A. Carbonell. – Cambridge, MA: Lincoln Institute of Land Policy, 2011. – P. 1–16.
45. *Wolfe D.A.* Civic governance, social learning and the strategic management of city-regions // *Creating Competitiveness: Entrepreneurship and Innovation Policies for Growth* / Ed. by D.B. Audretsch, M. Lindenstein Walshok. – Cheltenham, 2013. – P. 6–25.

Информация об авторе

Новоселов Александр Сергеевич (Россия, Новосибирск) – доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17). E-mail: asnov@ieie.nsc.ru.

DOI: 10.15372/REG20220411

Region: Economics & Sociology, 2022, No. 4 (116), p. 272–301

A.S. Novoselov

STUDIES OF THE SIBERIAN SCIENTIFIC SCHOOL OF REGIONAL AND MUNICIPAL MANAGEMENT

Dedicated to the 100th birthday of R.I. Shniper⁵

The article considers certain guidelines for establishing a Siberian scientific school of regional and municipal government, including research on the issues of regional reproduction, regional economic independence, regional preplanning, a program-target approach to managing the regional economy, comprehensive regional planning, the study of regional competitiveness, patterns of interaction mechanism between economic entities in the territory, and the objective conditions and principles of social and economic management in a region.

By analyzing and summarizing the institutional aspects involved in the activities of state and municipal governments, schemes and procedures of regional planning and forecasting, the paper has identified the features of modern management structure and proposed directions to form an integral system of regional and municipal development management, as well as core elements of the state and municipal management mechanism under the new terms of Russia's socio-economic development. We review the basic provisions con-

⁵ Robert (Ruvín) I. Shniper (1922–1995) was an outstanding scholar of regionalism, doctor of economic sciences, professor, and honored economist of the Russian Federation. Laureate of many prestigious academic and government awards, he founded the Siberian scientific school of regional and municipal management.

tained in the concept of regional and municipal government under present-day conditions, including consideration of economic interests and contradictions in the development of regional economy, interactions between state and market structures, working out an institutional system to manage regional development, evaluation of the effectiveness of regional economic management, establishing a socio-economic environment to ensure the competitiveness of the urban and regional economies through increased investment attractiveness and effective use of budgetary funds, which will create prerequisites for the transition to a management model enables the substantial economic independence of municipalities and enhances their role in the economic strategy of regional development.

Keywords: region; municipality; management; regional reproduction process; institutional structure; strategic planning; alignment of regional interests; management efficiency

For citation: Novoselov, A.S. (2022). Issledovaniya sibirskoy nauchnoy shkoly regionalnogo i munitsipalnogo upravleniya (K 100-letiyu so dnya rozhdeniya R.I. Shnipera) [Studies of the Siberian scientific school of regional and municipal management (Dedicated to the 100th birthday of R.I. Shniper)]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 4 (116), 272–301. DOI: 10.15372/REG20220411.

The study was carried out within the framework of financing the draft research plan of the IEIE SB RAS “Regional and municipal strategic planning and management in the context of modernization of state regional policy and development of the digital economy”, No. 121040100283-2

References

1. Aganbegyan, A.G. & R.I. Shniper. (1980). Regionalnye kompleksnye programmy (na primere Sibiri) [Regional comprehensive programs (Siberia being exemplified)]. In: Programmno-tselevoye upravlenie sotsialisticheskim proizvodstvom: voprosy teorii i praktiki [The Programme-Target Management of Socialist Production: Issues of Theory and Practice]. Moscow, Ekonomika Publ., 83–110.
2. Burmatova, O.P. (2021). Metodologiya i instrumentariy analiza ekologo-ekonomicheskikh aspektov regionalnogo razvitiya [Methodology and Tools for Analyzing

the Environmental and Economic Aspects of Regional Development]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 441.

3. *Vasilenko, V.A.* (2008). *Ustoychivoe razvitie regionov: podkhody i printsipy* [Regional Sustainable Development: Approaches and Principles]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 208.

4. *Winiarski, B., R.I. Shniper & A.S. Novoselov.* (1989). *Vosproizvodstvennyy aspekt planovogo upravleniya regionalnymi sistemami* [Reproduction Aspect of Planned Regional Systems Management]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB AS USSR Publ., 52.

5. *Gayduk, E.A. & A.E. Kovaleva.* (2013). *Munitsipalnoe obrazovanie v sisteme programmogo upravleniya* [Municipal Entity in the System of Program Management]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 230.

6. *Granberg, A.G.* (2000). *Osnovy regionalnoy ekonomiki* [Fundamentals of Regional Economics]. Moscow, Higher School of Economics Publ., 495.

7. *Kaneva, M.A. & G.A. Untura.* (2021). *Modeli otsenki vliyaniya ekonomiki znaniy na ekonomicheskiiy rost i innovatsii regionov* [Models for Assessing the Impact of the Knowledge Economy on Economic Growth and Innovation in the Regions]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 255.

8. *Kiselnikov, A.A., A.S. Novoselov & G.A. Untura.* (2007). *Predplanovye issledovaniya v regionakh: opyt nauchnykh razrabotok v Novosibirskoy oblasti* [Preplanning studies in regions: the experience of the Novosibirsk Oblast]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 3, 10–28.

9. *Kovaleva, G.D.* (2007). *Strategiya vneshneekonomicheskoy deyatel'nosti Novosibirskoy oblasti na perspektivu do 2025 g.: Programmnyy podkhod k upravleniyu* [Strategy of Novosibirsk Oblast External Economic Activity for the Period through 2025. Programmatic Approach to Management]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 72.

10. *Shniper, R.I., A.S. Marshalova, V.L. Lysenko et al.* (1988). *Kompleksnoe regionalnoe planirovanie: voprosy metodologii* [Comprehensive Regional Planning: Methodological Issues]. Novosibirsk, Nauka Publ., 336.

11. *Marshalova, A.S., G.D. Kovaleva, G.A. Untura et al.* (2008). *Konkurentosposobnost i strategicheskie napravleniya razvitiya regiona* [Competitiveness and Strategic Directions of Regional Development]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 527.

12. *Kuleshov, V.V., V.E. Seliverstov, V.I. Suslov & S.A. Suspitsyn.* (2012). *Sibirskaaya shkola regionalnykh issledovaniy v Programme Prezidiuma RAN "Fundamentalnye problemy prostranstvennogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii: mezhdistsiplinarnyy sintez"* [Siberian school of regional studies within the framework of the program on fundamental issues of spatial development: Interdisciplinary synthesis launched by the presidium of the SB RAS]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 2, 3–23.

13. *Larina, N.I.* (2008). *Regionalnaya ekonomicheskaya politika vlastey raznogo urovnya: tseli, sredstva, rezultat* [Regional Policy of Government Authorities of Different Levels: Goals, Instruments and Results]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 352.
14. *Leksin, V.N.* (2014). *Regionalnaya deystvitel'nost' i regionalnye issledovaniya* [Reality of regions and regional research]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 2 (82), 7–38.
15. *Metodologicheskie polozheniya razrabotki strategiy i programm sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya munitsipalnykh obrazovaniy* [Methodological Statements of Elaboration of Strategy and Programmes of Social and Economic Development of Municipal Units]. (2015). Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 84.
16. *Problemy innovatsionnogo upravleniya ekonomikoy regionov Sibiri* [Problems of Innovative Management of the Economy of Siberia's Regions]. (2015). Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 319.
17. *Problemy regionalnogo i munitsipalnogo upravleniya* [Problems of Regional and Municipal Governance]. (2011). Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 405.
18. *Problemy strategicheskogo upravleniya ekonomikoy regiona* [Problems of Strategic Management of the Region's Economy]. (2010). Novosibirsk, Siberian State University of Telecommunications and Informatics Publ., 239.
19. *Problemy upravleniya sotsialno-ekonomicheskim razvitiem regionov Sibiri* [Problems of Management of Socio-Economic Development of Siberian Regions]. (2013). Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 344.
20. *Kolomak, E.A.* (Ed.). (2020). *Prostranstvennoe razvitiye sovremennoy Rossii: tendentsii, faktory, mekhanizmy, instituty* [Spatial Development of Modern Russia: Trends, Factors, Mechanisms, Institutions]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 500.
21. *Marshalova, A.S., N.I. Larina, G.D. Kovaleva et al.* (2006). *Prostranstvennyy aspekt strategii sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya regiona* [Spatial Aspect of Strategy of Social and Economic Regional Development]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 406.
22. *Pushkarev, V.M.* (2007). *Diagnostika i prognozirovaniye deyatel'nosti munitsipalnogo obrazovaniya* [Diagnostics and Forecasting of Activities of a Municipal Unit]. Novosibirsk, Siberian Academy of State Service Publ., 71.
23. *Ratkovskaya, T.G.* (2010). *Sotsialnaya infrastruktura Sibiri: voprosy issledovaniya i razvitiya* [Social Infrastructure of Siberia: Issues of Research and Development]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 175.
24. *Marshalova, A.S., A.A. Kiselnikov, V.M. Pushkarev et al.* (2002). *Region: problemy planirovaniya i upravleniya* [Region: Challenges of Governance and Development]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 392.

25. *Marshalova, A.S., T.G. Ratkovskaya, G.A. Untura et al.* (2010). Regionalnaya ekonomicheskaya politika subyektov Federatsii [Regional Economic Policy of a Subject of Federation]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 520.
26. *Marshalova, A.S., G.D. Kovaleva, S.A. Suspitsyn et al.* (2016). Regionalnoe i munitsipalnoe upravlenie: diagnostika, planirovanie i monitoring sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya regionov Sibiri [Regional and Municipal Governance: Diagnostics, Planning and Monitoring of Social and Economic Development of Siberian Regions]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 487.
27. *Marshalova, A.S., G.D. Kovaleva, A.P. Kulaev et al.* (2014). Regionalnoe i munitsipalnoe upravlenie sotsialno-ekonomicheskimi razvitiem v Sibirskom federalnom okruge [Regional and Municipal Governance of Social and Economic Development in Siberian Federal District]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 400.
28. *Seliverstov, V.E. & V.V. Kuleshov* (Ed.). (2016). Sibirskaya shkola strategicheskogo planirovaniya [Siberian School of Strategic Planning]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 199.
29. *Marshalova, A.S., O.P. Burmatova, G.D. Kovaleva et al.* (2018). Strategicheskoe upravlenie regionalnym i munitsipalnym razvitiem [Strategic Governance of Regional and Municipal Development]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 496.
30. *Marshalova, A.S., G.D. Kovaleva, G.A. Untura et al.* (2012). Subfederalnaya ekonomicheskaya politika: problemy razrabotki i realizatsii v Sibirskom federalnom okruge [Subfederal Economic Policy: Challenges of Elaboration and Implementation in Siberian Federal District]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 408.
31. *Marshalova, A.S., V.M. Pushkarev, E.E. Goryachenko et al.* (2005). Subyekty Federatsii i goroda Sibiri v sisteme gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya [Subjects of Federation in the System of State and Municipal Governance]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 420.
32. *Marshalova, A.S., A.A. Kiselnikov, G.D. Kovaleva et al.* (2000). Upravlenie sotsialno-ekonomicheskimi protsessami regiona [Management of Social and Economic Processes of a Region]. Novosibirsk, SB RAS Publ., 300.
33. *Novoselov, A.S., G.D. Kovaleva, T.G. Ratkovskaya et al.* (2020). Upravlenie sotsialno-ekonomicheskimi razvitiem regionov Sibiri [Management of Social and Economic Development in Siberia's Regions]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 420.
34. *Shniper, R.I.* (1996). Region: diagnostika i prognozirovaniye [Region: Diagnostics and Forecasting]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 135.
35. *Shniper, R.I.* (1991). Region: Ekonomicheskie metody upravleniya [Economic Methods of Governance]. Novosibirsk, Nauka Publ., 315.

36. *Shniper, R.I.* (1978). Regionalnye predplanovye issledovaniya (ekonomicheskiy aspekt) [Regional Pre-Planning Research (Economic Aspect)]. Novosibirsk, Nauka Publ., 367.

37. *Shniper, R.I., I.N. Voevoda & S.S. Guzner.* (1986). Regionalnaya programma i printsiipy ee razrabotki [Regional Programme and Principles of its Elaboration]. Novosibirsk, Nauka Publ., 294.

38. *Shniper, R.I. & A.S. Novoselov.* (1994). Problemy rynkoobrazovaniya v rayonakh Severa [Problems of Market Formation in the North]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 45.

39. *Shniper, R.I. & A.S. Novoselov.* (1993). Regionalnye problemy rynkovedeniya: ekonomicheskiy aspekt [Regional Problems of the Market Science: Economic Aspect]. Novosibirsk, Nauka Publ., 442.

40. *Blair, J.P. & M.C. Carroll.* (2008). Local Economic Development: Analysis, Practices, and Globalization. London, Sage Publ., 328.

41. *Desmet, K. & E. Rossi-Hansberg.* (2014). Spatial development. American Economic Review, Vol. 104, Iss. 4, 1211–1243.

42. *Bennett, R.J.* (Ed.). (2012). Environment and Planning, Vol. C: Government and Policy. London, Sage Publ., 540.

43. *McGrath, R.J.* (2013). The rise and fall of radical civil service reform in the US states. Public Administration Review, Vol. 73, Iss. 4, 638–649.

44. *Seltzer, E. & A. Carbonell.* (2011). Regional planning in America: planning regions. In: E. Seltzer & A. Carbonell (Eds.). Regional Planning in America: Practice and Prospect. Cambridge, MA, Lincoln Institute of Land Policy, 1–16.

45. *Wolfe, D.A.* (2013). Civic governance, social learning and the strategic management of city-regions. In: D.B. Audretsch, M. Lindenstein Walshok (Eds.). Creating Competitiveness: Entrepreneurship and Innovation Policies for Growth. Cheltenham, 6–25.

Information about the author

Novoselov, Aleksandr Sergeevich (Novosibirsk, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Head of Department at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Ac. Lavrentiev av., Novosibirsk, 630090, Russia). E-mail: asnov@ieie.nsc.ru.

Поступила в редколлегию 02.03.2022.

После доработки 04.04.2022.

Принята к публикации 08.04.2022.

© Новоселов А.С., 2022

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2022 г.

Региональная политика и экономические проблемы федерализма		
<i>Малкина М.Ю.</i> Доходы бюджетов субъектов Российской Федерации в условиях пандемии: пространственный разворот	2	3–32
<i>Суспицын С.А.</i> Макроструктурные и пространственные диспропорции экономики России и ее восточных регионов и направления их снижения	3	3–31
<i>Райхлина А.В., Патрушева Е.Г., Подгорнова К.И.</i> Региональные институты развития: нужна ли перезагрузка?	3	32–60
<i>Казанцев С.В.</i> Люди, доходы и обеспечение национальной безопасности России и ее регионов	3	61–80
Экономические проблемы развития регионов		
<i>Новиков А.В.</i> Потенциал развития институтов финансового рынка в федеральных округах России как основа функционирования региональных финансовых центров	1	3–42
<i>Сиротин Д.В.</i> Оценка пространственного развития российского электронного комплекса	1	43–72
<i>Кузнецова О.В.</i> Трансформация пространственной структуры экономики в кризисные и посткризисные периоды	2	33–57
<i>Буфетова А.Н.</i> Неоднородность пространственного развития Азиатской России: о чем молчат показатели межрегионального неравенства	2	58–81
<i>Гайнанов Д.А., Атаева А.Г., Климентьева А.Ю.</i> Методологические основы развития региональной инновационной подсистемы на базе процессно-ресурсного подхода	2	82–106
<i>Михеева Н.Н.</i> Доходы и потребление домашних хозяйств в регионах в условиях пандемии	3	81–104
<i>Морошкина М.В., Кондратьева С.В.</i> Доступность туризма и отдыха для населения России: экономический аспект	3	105–125

<i>Горюшкин А.А., Халимова С.Р.</i> Высокотехнологичный бизнес и экономическая сложность российских регионов	3	126–154
<i>Новиков А.В.</i> Финансовая и страховая деятельность как перспективная экономическая специализация субъекта Российской Федерации	4	3–30
<i>Унтура Г.А.</i> Экономика знаний и цифровизация: оценки влияния на экономический рост регионов России	4	31–58
<i>Черкасова О.В.</i> Оценка самообеспеченности основными видами продовольствия муниципальных образований Калининградской области	4	59–80
Социальные проблемы регионального развития		
<i>Степуть И.С., Гуртов В.А., Аверьянов А.О.</i> Миграции населения для развития российской Арктики: особенности и возможности	1	73–103
<i>Кузнецова М.Н.</i> Человеческий капитал Архангельской области: сущность, методика расчета	1	104–129
<i>Лаукарт-Горбачева О.В.</i> Человеческий капитал как концепт Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан	1	130–152
<i>Николаев Р.С., Егоров Д.О.</i> Моделирование оптимизации сети школ в условиях депопуляции сельского населения (на примере Елабужского района Республики Татарстан)	1	153–200
<i>Соколова Е.В., Исаева К.В., Сунь Ц.</i> Изменение транспортного поведения горожан в период пандемии COVID-19 (на примере Санкт-Петербурга и Пекина)	2	107–128
<i>Волков А.Д., Симакова А.В., Тишков С.В.</i> Пространственная дифференциация факторов миграции населения арктического региона (на примере Карельской Арктики)	3	155–186
<i>Калашикова К.Н., Мосиенко Н.Л., Пироцкая А.В.</i> Восприятие населением научного центра новых объектов научно-технологической инфраструктуры	3	187–211
<i>Щетинина И.В., Деревянко Ю.О.</i> Проблемы сохранения и развития человеческого капитала в сельском хозяйстве (на примере некоторых сибирских регионов)	3	212–238
<i>Низамутдинов М.М., Орешников В.В.</i> Моделирование влияния социальной инфраструктуры на рождаемость в регионах России	4	81–106
<i>Гайнанов Д.А., Атаева А.Г., Мигранова Л.И., Атнабаева А.Р.</i> Влияние образовательного выбора школьников на качество человеческого капитала региона	4	107–132

Гармонова А.В., Щеглова Д.В., Опфер Е.А., Андрейченко Н.В., Плехая М.О. Треки поступления в магистратуру: какие программы привлекают абитуриентов (кейс Южного федерального университета)	4	133–162
---	---	---------

Региональные и межрегиональные аспекты структурной и инвестиционной политики

Троцковский А.Я., Перекаренко Ю.А., Родионова Л.В., Сергиенко А.М. Агропромышленные регионы в контексте развития территориально-отраслевой структуры России: изменения в составе и социально-экономических характеристиках	1	201–234
Кибалов Е.Б., Быкадоров С.А., Шибикин Д.Д. Железные дороги Европейской и Азиатской России: организационный дизайн как стратегический элемент механизма развития	2	129–151
Чысыма Р.Б., Самбыла Ч.Н. Актуальные проблемы сельского хозяйства Тувы: производственные и инвестиционно-инновационные аспекты	2	152–178
Курбатова М.В., Донова И.В. Рынки труда регионов ресурсного типа: шоки 2020 года	3	239–261
Акимова В.В., Волошинская А.А., Комаров В.М. Феномен угасания стратегий: определение и методика оценки	4	163–189

Трансграничные взаимодействия в Северной и Северо-Восточной Азии

Островский А.В. Проблемы и перспективы развития российско-китайского торгово-экономического сотрудничества	2	206–227
Вертинская Т.С., Абрамчук Н.А. Перспективы развития межрегиональных торговых связей Беларуси, России и Китая в условиях региональной интеграции	4	190–218

Эколого-экономические проблемы регионального развития

Мишулина С.И., Молчанова В.А. «Зеленые» кластеры как инструмент экологизации туризма	2	179–205
Бурматова О.П. Экологическая информация: проблемы доступности и транспарентности для анализа экологической ситуации в регионе	3	262–284
Фридман Ю.А., Логинова Е.Ю., Речко Г.Н., Хохрина О.И. Концепция трансформации социально-экономической системы Кузбасса в контексте политики декарбонизации	4	219–243

Проблемы местного самоуправления и муниципального развития		
<i>Сумская Т.В.</i> Сравнительный анализ бюджетов крупных городов	1	235–262
<i>Власова Н.Ю.</i> Позиции крупных и больших городов в пространственных трансформациях регионов России: кейс Урала	1	263–288
<i>Коломак Е.А.</i> Противоречивое влияние неоднородного рыночного потенциала на развитие городов России	2	228–255
<i>Новоселов А.С., Фалеев А.В.</i> Региональное и муниципальное управление в условиях развития цифровой экономики и информационного общества	2	256–275
<i>Пыжсева Ю.И.</i> Моногорода Сибири и Дальнего Востока: новый подход к формированию государственной политики	4	244–271
Зарубежный опыт региональной науки, региональной политики и территориального развития		
<i>Мельникова Л.В.</i> Эффективность и равенство: двадцать лет дискуссии о пространственном развитии	1	289–323
Научная жизнь		
<i>Новоселов А.С.</i> Исследования сибирской научной школы регионального и муниципального управления (К 100-летию со дня рождения Р.И. Шнипера)	4	272–301
Памяти Анатолия Александровича Кина	3	285–286

Всероссийский научный журнал
«Регион: экономика и социология»

Включен в Перечень ведущих рецензируемых периодических научных изданий, в которых ВАК рекомендует публикацию работ, отражающих основное научное содержание кандидатских и докторских диссертаций.

Включен в Реферативный журнал ВИНИТИ.

Полнотекстовая сетевая версия журнала в Интернете публикуется на сайтах

Научной электронной библиотеки <http://elibrary.ru/issues.asp?id=7623> ,

Издательства Сибирского отделения Российской академии наук
<http://sibran.ru/journals> .

Содержание журнала, аннотации статей, ключевые слова и сведения об авторах на русском и английском языках публикуются в Интернете на сайтах журнала <http://recis.ru/> , Издательства СО РАН <http://sibran.ru/> , Научной электронной библиотеки <http://elibrary.ru/issues.asp?id=7623> и на Федеральном образовательном портале <http://ecsocman.hse.ru/region> .

Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям Ulrich's Periodicals Directory.

Адрес редакции и издательства:

630090, г. Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17, ИЭОПП СО РАН
E-mail: region@ieie.nsc.ru

Журнал распространяется только по подписке через агентства «Пресса России», «Урал-Пресс», АО «Международная книга-периодика» и Издательство СО РАН.
В розничную продажу не поступает.

Условия подписки публикуются на сайте <http://sibran.ru/journals> .

Выпускающий редактор *С.Р. Халимова*

Редактор *Е.Б. Артемова*

Компьютерная верстка и техническое редактирование *Т.Г. Чуевой*
Перевод *В.О. Панна*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати
и информации РФ 17.06.1993 г. № 0110809.

Подписано к печати 29 ноября 2022 г. Выход в свет 29 декабря 2022 г.

Формат бумаги 60 84 1/16. Цифровая печать.

Гарнитура Times New Roman. Печ. л. 19,25. Уч.-изд. л. 17,5.

Тираж 165 экз. Заказ № 160. Цена свободная.

Отпечатано на участке оперативной печати ИЭОПП СО РАН,
630090, Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17

The journal was first issued in 1963. It was published under the title of Bulletin of Siberian Branch of AS USSR: Social Sciences. In 1993, it was registered as an independent scientific publication, Region: Economics and Sociology. The journal is issued on a quarterly basis.

Publisher: Federal State Budgetary Scientific Institution
Institute of Economics and Industrial
Engineering (IEIE), Siberian Branch of the
Russian Academy of Sciences (SB RAS)

Founders: Siberian Branch RAS,
IEIE SB RAS,
Executive Office of the Interregional
Association «Siberian Accord»

Editor-in-Chief

V.E. Seliverstov, Doctor of Economics, e-mail: sel@ieie.nsc.ru

Deputy Editors-in-Chief

T.Yu. Bogomolova, Candidate of Sociology, e-mail: bogtan@rambler.ru

V.I. Suslov, Corresponding Member of the RAS, e-mail: suslov@ieie.nsc.ru

Managing Editor

S.R. Khalimova, Candidate of Economics, e-mail: sophiakh@academ.org

Executive Editor

E.S. Kopylova, e-mail: yes@ieie.nsc.ru

Members of Editorial Board

J. Bański, Doctor of Sciences (Poland); *B. Batbuyan*, Doctor of Sciences (Mongolia); *J. Bachtiler*, Professor (UK); *N.D. Vavilina*, Doctor of Sociology (Russia); *T.S. Vertinskaya*, Candidate of Economics (Belarus); *V.M. Heyets*, Member of the National Academy of Sciences (Ukraine); *B.S. Zhikharevich*, Doctor of Economics (Russia); *E.A. Kolomak*, Doctor of Economics (Russia); *N.A. Kravchenko*, Doctor of Economics (Russia); *Zh.A. Kulekeev*, Candidate of Economics (Kazakhstan); *V.V. Kuleshov*, Member of the RAS (Russia); *Yu.G. Lavrikova*, Doctor of Economics (Russia); *V.N. Leksin*, Doctor of Economics (Russia); *L.V. Melnikova*, Candidate of Economics (Russia); *P.A. Minakir*, Member of the RAS (Russia); *N.N. Mikheeva*, Doctor of Economics (Russia); *A.S. Novoselov*, Doctor of Economics (Russia); *I. Pálné-Kovács*, Corresponding Member of the Hungarian Academy of Sciences (Hungary); *A.N. Pelyasov*, Doctor of Geography (Russia); *B.N. Porfiriev*, Member of the RAS (Russia); *B.G. Saneev*, Doctor of Engineering (Russia); *S.V. Soboleva*, Doctor of Economics (Russia); *S. Tabata*, Professor (Japan); *G.A. Untura*, Doctor of Economics (Russia); *O.P. Fadeeva*, Candidate of Sociology (Russia)

Publisher's address: 17, Ac. Lavrentiev av., Novosibirsk, 630090, Russia

E-mail: region@ieie.nsc.ru, yes@ieie.nsc.ru

© IEIE SB RAS, 2022

© SB RAS, 2022

Индекс 43708 (каталоги «Пресса России» и «Урал-Пресс»)

В следующем номере журнала будут опубликованы статьи:

- Пандемия COVID-19 в регионах Большой Сибири: диагностика хода процесса, взаимодействие с типами регионального пространства, характеристика особых случаев
- Оценка эффективности управления городскими агломерациями: теоретические и практические аспекты
- Пространственная структура и факторы экономического развития Азиатской России
- Оценка влияния брендинга регионов на развитие въездного туризма в субъектах Российской Федерации
- Значение научного и инновационного потенциала региональной среды для развития высокотехнологичных и наукоемких компаний
- Особенности изменений численности и возрастной структуры репродуктивных контингентов женщин в условиях депопуляции в России
- Пространственная мобильность населения на железнодорожном транспорте в России
- Анализ межотраслевых взаимосвязей в экономике региона на основе модели Миядзавы
- «Большой Алтай»: особенности развития и международного сотрудничества

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ!

Каждой статье присваивается **индекс DOI** – идентификатор цифрового объекта.

С правилами для авторов и требованиями к оформлению статей можно ознакомиться на официальном сайте журнала «Регион: экономика и социология» <http://recis.ru>.

Полнотекстовая версия журнала в Интернете публикуется на сайтах Научной электронной библиотеки <http://elibrary.ru/issues.asp?id=7623> и Издательства СО РАН <http://sibran.ru/journals>.

Условия подписки на бумажную версию журнала или полнотекстовую сетевую версию в Интернете публикуются на сайте <http://sibran.ru/journals>.

Подписку на журнал также можно оформить во всех почтовых отделениях России, стран СНГ и Балтии по Каталогам газет и журналов агентств «Пресса России» и «Урал-Пресс» (индекс 43708).

Журнал издается ежеквартально на английском языке с названием ***Regional Research of Russia*** и включает переводы статей по региональной экономике, региональной социологии и другим направлениям региональных исследований. Журнал RRR включен в Международную базу данных **Scopus**. Для подписки на RRR следует обращаться в издательство Springer (www.springer.com, e-mail: journals-ny@springer.com).

Журнал «Регион: экономика и социология» включен в Перечень ведущих рецензируемых периодических научных изданий, в которых ВАК рекомендует публикацию работ, отражающих основное научное содержание кандидатских и докторских диссертаций.